

Людмила БАСОВА

г. Владимир

рядом с домом, в котором жила теперь Марина, проходила железная дорога, и перестук проезжающих поездов не давал по ночам отдохнуть и выспаться после суматошного, тяжелого дня. Нет, сам по себе ей не помешал бы даже бульдозер, работающий под окном. Какие уж нежности для беженки, почти что бомжихи, волею судьбы оказавшейся без крыши над головой и даже без документов!.. Беда в том, что перестук этот возвращал Марину в вагон товарного поезда, сон оборачивался явью, воспроизводя мельчайшие детали и ощущения.

...Она лежит, распластанная, на полу вагона, отчетливо понимая, что с ней произойдет. Пожилой казах в лохматой шапке-треухе с налитыми кровью глазами и багровым лицом стаскивает с плеча автомат, не глядя протягивает его другому казаху, совсем молоденькому парню, и начинает медленно расстегивать ремень на камуфляжных брюках. Но молодому не до автомата, он кладет его рядом со своим оружием, тоже расстегивает ремень и запускает руки в широкие стеганые штаны. Если не достанется, хоть поглядит — так побалуется.

Марина сама разделась, сняла все до трусиков, только чтоб не они сдирали с нее, сложила на груди руки, закрыла глаза и оцепенела телом, как умерла, но сознание не отключилось, по-своему защищая ее: «Я это переживу... Взрослая баба, мне уже тридцать. Переживу, если не искалечат. А если убьют, то даже лучше. Потому что всё в Душанбе, и все близкие — в Душанбе, и нет срели них живых...»

Поезд, отстучав, отшумев, пронесся мимо, и сон прервался, только сердце теперь заходится неровным перестуком, бьется где-то уже не в груди, а в горле, но постепенно успокаивается. Блаженное время: от двух до четырех ночи затихает железнодорожное движение. И гдето далеко в степи остался ее буранный полустанок...

телем Марины. Она полюбила его еще с первой прочитанной повести — «Тополёк мой в красной косынке». А потом была с ним незабываемая встреча. Не личная, конечно. Чингиз приехал на Всесоюзный писательский форум, который проходил в Душанбе. В субботний день в два часа должна была состояться встреча писателей со студентами Таджикского госуниверситета. Тогда, в 75-м году, Марина еще училась в десятом классе, но в университете работала ее мама Вероника Николаевна — преподавала историю КПСС, вела также курс научного атеизма. Во всех убеждениях

и помыслах своих была верна линии партии, от-

того, видимо, Чингиза Айтматова особо не почи-

тала, считала вольнодумцем и отношение дочери,

граничащее с обожанием, не одобряла, но пойти

на встречу разрешила.

У входа в главный корпус университета парни в национальных таджикских костюмах трубили в карнай, как положено в дни праздников, кружились в танце гибкие смуглые красавицы, и тонко заплетенные косички взлетали в такт. Марина прошла в зал вместе с преподавателями, оттого оказалась в первом ряду, а на ярко освещенной сцене за длинным накрытым красным бархатом столом, заставленным цветами, расположился президиум — приглашенные гости, ректор и другое университетское начальство. А в центре, прямо напротив нее – он, ее любимый Чингиз Айтматов. Марина вглядывалась в тяжелое, как ей показалось, некрасивое азиатское лицо и млела от восторга. Выступил писатель кратко, сказал какие-то общие слова: про советскую молодежь, в которую он верит и которой принадлежит будущее, а потом предложил построить разговор в форме беседы: пусть студенты задают вопросы, а он будет отвечать. Марина изо всех сил тянула руку, но тот, кто распоряжался микрофоном, словно не замечал ее. (Уже дома мама объяснила, что вопросы были заготовлены и распределены заранее.) Но Марина свой вопрос все-таки задала.

Когда Чингиз Айтматов поблагодарил студентов за встречу и гости покинули зал, а сидевшие в президиуме стали со сцены спускаться к выходу, Марина, затерявшаяся среди преподавателей, рванулась к писателю.

- Чингиз... - (Господи, отчество, отчество

такое трудное! Так и не выговорилось!) Она все же продолжила: — Мне очень, очень надо спросить! Пожалуйста!

Писатель остановился.

- Скажите, почему два названия? Почему сначала – «Буранный полустанок», а потом – «И дольше века длится день»?
  - Девочка, а почему это для тебя так важно?

Марина растерялась и от этого обращения «девочка» (догадался, что еще школьница?), и от вопроса, на который она не смогла бы вот так сразу ответить, а может быть, и вообще тогда еще не смогла. Ей почудилась насмешка в глазах писателя. Но вдруг лицо его словно окаменело, взгляд стал печальным. Он что-то сказал, произнес какую-то фразу, но во дворе опять затрубили карнаи, ректор теребил гостя за рукав, Марину оттеснили от Чингиза, да еще отчитали: «У вас было достаточно времени, это неприлично...»

Марина всю жизнь будет вспоминать и тот печальный взгляд писателя, и слова, которых она не расслышала, но догадалась или сама придумала много лет спустя: «У тебя еще будет свой буранный полустанок и день, который длится больше века...»

В памяти сохранится, отпечатается, как фотография, как матрица: Чингиз Айтматов в роскошном, расшитом золотом национальном халате, подаренном Таджикским университетом, и она, совсем юная, в белых туфельках на тонких каблучках, в расклешенной юбочке — белой в черную тонкую полоску, белой кофточке с рукавами-фонариками и с комсомольским значком на груди. Длинная коса перекинута через плечо, и вся она, тонкая, как струночка, смотрит распахнутыми синими глазами, замерев в ожидании ответа, который почему-то считала самым главным, самым значимым...

Со временем фотография, отпечатанная в памяти, поблекнет, но только для того, чтобы однажды появиться вновь. Да и сам образ Айтматова тоже потускнел — его последний роман «Плаха» Марине не понравился. Став студенткой филфака, она увлеклась поэзией Серебряного века, особенно любим был Блок. Прекрасная Дама, таинственная незнакомка, «дыша духами и туманами», теперь незримо присутствовала в ее жизни.

А сама жизнь между тем катилась по ровной, словно окатанной колее. Марина окончила уни-

верситет, поступила в аспирантуру, вышла замуж за молодого ученого-физика Андрюшу Коростылева. Была ли она счастлива все эти годы? Не скоро Марина задаст себе такой вопрос и не сразу на него ответит. Но обязательно вспомнит еще одну знаковую встречу, только теперь не с именитым писателем, а с солдатом-афганцем. Их курс тогда взял шефство над госпиталем, где долечивались безвестные герои бездарной войны.

Впервые собираясь в госпиталь, Марина волновалась. Как одеться? Понаряднее или, наоборот, поскромнее? Какие книги подобрать искалеченным ребятам? Потом решила: сначала — познакомиться, как-то определить уровень подопечных «своей палаты», а уж потом приносить книги и газеты. Пока же лучше ограничиться бабушкиными пирожками и фруктами.

Ребят в палате было четверо, все молодые: ну а какими они еще могли быть, вчерашние солдаты? Марине обрадовались, оживились. Ктото постарался сесть, кто-то хотя бы приподнялся на подушке. Марина подходила к каждому, спрашивала, как зовут, с замиранием сердца отмечала: у одного нет руки, у другого культя выше колена, третий вроде бы целый, но лежит пластом и лицо бледно-желтое, а четвертый... Марина застыла, улыбка медленно сползла с ее лица. Казалось, что этот парень не просто безногий, туловище было таким коротким, словно разрубленным надвое. Чуть ниже пояса одеяло провисало углом и ровно ложилось на матрац, под ним была пустота.

«Но ведь это невозможно! Ведь человек не может жить... ну, без того, что внизу...» — ужаснулась про себя Марина и вдруг услышала:

— Вы сейчас думаете, как это он остался жить без своих причиндалов, да? Ошибаетесь. Это только так кажется. Задницу, когда на мину наступил, точно всю как срезало, ноги тоже, что называется, под корешок, а с этим все в порядке.

Марина почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Какой стыд, что он догадался...

– И знаете, что самое смешное? Я встать не могу, а дружок мой встает. Особенно если рядом красивая девушка. Не верите? А вот дайте руку!

Ошеломленная и растерянная, она не услышала скабрезных интонаций в голосе солдата, не восприняла его слов и покорно протянула руку. Лишь когда за спиной грянул дружный хохот, а ладонь Марины, прижатая ладонью солдата, уже лежала на его животе и под ней что-то билось и пульсировало, до нее дошел смысл сказанного. Вырвав руку, выбежала в коридор и помчалась к выходу. Но уже на крыльце вдруг остановилась, отдышалась и, повинуясь внезапному позыву, пошла назад. В палате все еще стояло веселое ржание, возвращения ее явно не ждали.

Марина подняла оставленный у порога пакет и стала раздавать гостинцы. Парни смеяться перестали, благодарили, смущенно отворачиваясь. Когда подошла к тому, который занимал ровно полкойки, спросила:

- Тебя как зовут? Мы с тобой познакомиться не успели.
- Да? А я думал, наоборот, мы-то и познакомились...

За спиной опять раздались смешки, теперь уже не очень громкие.

— Не надо, солдат, — попросила Марина. И задала вопрос, казалось бы, для нее вовсе не нужный, даже бессмысленный, но ради которого она и вернулась: — Скажи, солдат, ты был когла-нибуль счастлив?

В палате нависла почти осязаемая тишина, казалось, что все ее обитатели даже дышать перестали, а тот, к кому она обратилась, уставился на нее широко раскрытыми темными глазами, затем, опираясь на локти, рывком подбросил свое короткое тело, приподнялся на подушке, и теперь его лицо было почти на уровне лица девушки. Она наконец рассмотрела солдата. Он был, пожалуй, самым старшим в палате или казался таким — лет под тридцать. А может, старили его две продольные морщины от крыльев носа до уголков крепко сжатого рта. Марине показалось, что он не ответит, не разомкнет сжатых губ, и почему-то испугалась этого. Но солдат вдруг четко, громко — на всю палату произнес:

- Я был счастлив всегда. Всегда, до того дня, когда наступил на мину.
- Да разве можно быть счастливым всегда? выдохнула Марина.
- Можно. Только человек этого не знает. Но если бы я завтра проснулся с ногами, я бы знал, что счастлив на всю оставшуюся жизнь...

Потом Марина узнала: Саша — так звали парня — действительно был постарше других. В армию призвался уже по окончании гуманитарного вуза, где не было военной кафедры. Служил в Витебске, в том самом десантном полку, который пер-

вым вошел в Афганистан, брал дворец Амина.

Марина с ним подружилась. Саша был неглуп. начитан, поэтому тем для разговоров хватало. Говорить им было о чем — тот же Серебряный век, тот же Чингиз Айтматов. И только о первом дне знакомства, о его непристойной выходке и ее странном вопросе о счастье они, словно по договоренности, не вспоминали ни разу. Это уже много лет спустя Марина, вспомнив солдата, с обреченной усталостью от тягот жизни подумает о том, что Провидение не только ведет каждого по своему, обозначенному пути, но и подает особые знаки, словно предупреждает об ударах судьбы, словно дает понять: все, что случается с кемто другим, может случиться и с тобой. Конечно. мысль была не новая: «Не спрашивай, по ком звонит колокол, ибо он звонит по тебе...» Но одно дело – философские постулаты, а другое – когда Провидение стучится в твое окно.

С Сашей после двух лет дружбы отношения потихоньку шли на убыль. На последнем курсе шефство над госпиталем было передано третьекурсникам, но дело даже не в этом. Слишком уж стал он ждать этих встреч, а Марина понимала, что его любовь станет для обоих непосильной ношей. На одной жалости не продержишься. История Павки Корчагина уже не была историей ее поколения. Кроме того, за Мариной стал ухаживать молодой преподаватель с физмата Андрей Михайлович. Ухаживал красиво: с цветами, долгими провожаниями, шампанским и умными разговорами о предназначении человека и его миссии в этом мире и лишь через полгода позволил себе робкий поцелуй, после которого попросил руки и сердца. С сердцем Марина тогда еще и сама не разобралась, но руку отдать согласилась. Так появился в их доме первый мужчина.

Марина с детства знала, что ее дедушка погиб на фронте, а отец умер до рождения дочери. Но когда подросла, задумалась: что-то недосказанное было в этой скудной информации. Если все так — где фотографии в семейных альбомах? Где портреты на стенах? Где, наконец, воспоминания? Да и фамилия у них была на всех одна: Протасовы. Тихое бабье царство трех поколений. Ни ссор, ни конфликтов — так, разве совсем уж мелкие. Но и близости особой тоже не было. Каждый занимался своим делом: мама писала докторскую, бабушка, в прошлом — учительница химии, занималась домашним хозяйством и читала

журналы «Химия и жизнь», «Вокруг света». Андрюша тихо влился в их быт, в семейном укладе практически ничего не изменилось, разве что теперь было кому починить розетку или подправить просевшую полку книжного стеллажа.

Начавшаяся перестройка не только внесла в их жизнь суету и тревогу, но и как бы разделила семью на два лагеря. Лагеря, конечно, не были явно враждующими - вялое противостояние. То, что в стране все давно прогнило, было видно невооруженным глазом. Очереди, пустые прилавки, официальная ложь, льющаяся с трибун и телеэкранов. При Брежневе особенно не таились: рассказывали анекдоты, имитируя косноязычную речь человека, с трудом пережевывающего словесную кашу. А недолгое время правления новых престарелых чекистов едко обозначили «гонкой на лафетах». Но в семье Протасовых такие разговоры резко пресекались, и, похоже, бабушка, мама были искренни, доказывая, что лучше коммунистических идеалов человечество ничего не придумало, а жизнь такая только потому, что были, конечно, перегибы, ошибки и злоупотребления, с которыми и предстояло бороться настоящим коммунистам.

Отводили душу Марина и Андрей с приятелями — молодыми преподавателями университета. Передавали друг другу хлынувшую на прилавки книжных магазинов литературу: что-то из нее читали раньше в «самиздате», а о многом только слышали. Солженицын, Трифонов, Гроссман, Шаламов... Читали взахлеб «толстые журналы», грядущие перемены ждали с надеждой. Маму можно было понять: под ней стул зашатался одной из первых. Какая история КПСС? Какой научный атеизм, когда все кинулись в богоискательство - кто в истинном стремлении обрести веру, кто — набрать себе «дивиденды». Да, понять и пожалеть. Но не получалось ни того, ни другого, одно раздражение от упертости и непринятия перестройки. А может, опять некое подсознательное чувство подсказывало Марине: будет у нее еще время для того, чтобы разобраться и в себе, и в отношениях с родными, которых принимала как некую данность с самого рождения и до того страшного дня...

Надежды на обновление страны — а страна — это СССР и никак иначе — спутались, смешались, утонули в смуте, когда исламские фундаменталисты развязали в Таджикистане граж-

данскую войну, а потом и вовсе рухнули вместе с Советским Союзом. Выстрелы и кровь на улицах, плакаты «Русские, убирайтесь вон!», погромы и резня... Из республики срочно уезжали, убегали «некоренные» — все, кого называли «русскоязычными». Опустели улицы, закрылись учебные заведения и учреждения, не работал транспорт. Но больше всего в память Марины врежутся две приметы этого времени: контейнеры, стоящие почти у каждого подъезда, и брошенные хозяевами домашние животные.

Протасовы уезжать не собирались. Марина с Андреем время от времени заводили разговоры об отъезде, но старшие были единодушны: «Нам уезжать некуда, в России у нас никого нет», — заявляла бабушка. «Все образуется, — утверждала мама. — Самое страшное мы уже пережили». Марина только беспомощно разводила руками.

Ну, Андрюша, куда же я без них? – подумав, добавляла: – Да и с ними куда?

Но раздражение между старшими и младшими нарастало.

- Вас никто не держит, при каждом удобном случае повторяла мама.
- Ты же знаешь, что я вас здесь не оставлю! возмущалась Марина.

Да и с Андреем осложнились отношения, оставаться в Таджикистане он не хотел, созванивался с другом из Новосибирска — бывшим однокурсником. Тот звал, обещал, что работа будет, а вот жилье только снимать. Марина на все его разговоры реагировала так же, как мама — на ее: тебя здесь никто не держит, а в ответ слышала ту же фразу: «Ты же знаешь, что я тебя здесь не оставлю».

Ну, ладно, оставаться так оставаться. Оттого и подобрала Марина во дворе щенка, по-видимому, породистого, хвостик купирован, мордочка с бородкой, наверное, терьер какой-нибудь. Да не в породе дело, не потому взяла на руки, а изза глаз несчастных, из-за того, что сам подошел, ткнулся в ноги. «В конце концов, — подумала Марина, — мне никогда не разрешали завести собаку, да что там собаку — даже кошку. А теперь я взрослая баба, за тридцать перевалило, имею право...» Оказалось, не имеет. И мама, и бабушка категорически потребовали, чтобы отнесла туда, откуда взяла, а самое обидное — Андрюша встал на их сторону. Марина, покормив малыша, засунула его за пазуху, под теплую куртку, и

выскочила из квартиры. Однако бросать щенка не торопилась, вообще, мало себе представляла. как теплого, разомлевшего, определенно поверившего ей, выложит сейчас комочком на холодный асфальт. И пошла по темному городу. Сначала – куда глаза глядят, потом определилась: через два квартала жил Лев Ефимович, ее научный руководитель, у которого - Марина точно знала – есть собака сенбернар Лорд, но совсем старый. Она даже оставалась с ним на две недели, когда Лев Ефимович возил свою жену на обследование в Москву. Когда-то Лорд был лохматым красавцем, белым с крупными рыжими пятнами, но к старости шерсть поредела, белесая кожа проглядывала сквозь огромные проплешины, а голова мелко тряслась. Лев Ефимович объяснил, что у собак крупных пород век короткий, где-то лет восемь, Лорду шел тринадцатый, но хозяева все продлевали его жизнь, и не только хорошим уходом, старина перенес уже несколько операций. Марина за две недели тогда с ним измучилась. Лорд почти ничего не ел, а с прогулками и вовсе беда. Упросить собаку подняться на почти негнущихся лапах и выйти по делам стоило больших трудов. Уж куда бы легче было просто убрать за ним дома, но чистоплотный Лорд на уговоры Марины не поддавался, может, оттого и отказывался от пищи. Жив ли он сейчас? Скорее всего, нет, а если да, обожавший собак Лев Ефимович, может быть, возьмет и этого щенка.

На звонок Марины открыл сам хозяин и, узнав нежданную гостью, радостно закричал:

Мариночка! Ну что за радость!

И этот громкий возглас, и вид Льва Ефимовича, какой-то расхристанный, с очками, съехавшими на нос, со спутанной бородой в каких-то крошках, смутили Марину: ее руководитель предстал перед ней в несколько неожиданном образе. Она не сразу поняла, что он просто пьян. Стала стыдливо вытаскивать щенка из-за пазухи, но Лев Ефимович слушать ничего не захотел, тащил ее за рукав куртки в квартиру, а оттуда уже слышался нестройный хор голосов:

- Лева! Ну где ты застрял! Кто там?
- Да вот Мариночка пришла попрощаться. Сейчас, сейчас, мы уже заходим, и уже Марине: А что за собачка такая? Ну, прелесть... А мой Лорд умер, вдруг заплакал: И слава богу, что умер, я бы без него не уехал, а его уже нельзя

было везти. Завтра, завтра уезжаю в Израиль. Ну да ты ведь знаешь, раз пришла...

Марина так и уселась за стол вместе со щенком, а гости пришли университетские, тут же старый друг Льва Ефимовича — Владимир Анатольевич Ли, тоже профессор, но мединститута, были, видимо, еще и соседи, и друзья семьи. И все стали умиляться щенку и давать что-то вкусненькое, а Марине налили штрафную за опоздание, а потом еще и еще. Она пила и всем рассказывала, что вот щеночка деть некуда, а очень жаль, даже разревелась по этому поводу. Ей сочувствовали, но взять не предлагали: мол, сами сидят на чемоданах, только и делают, что провожают друг друга. И тут к Марине подошел Владимир Анатольевич, взял из ее рук щенка и объявил:

 Щенок мой. Я пока не уезжаю и вряд ли уеду. Корея — это, знаете, очень проблематично.

Растерянный взгляд Марины истолковал посвоему, а может быть, решил совсем не по-профессорски приколоться:

— Ага, девушка испугалась, что я его съем! Мариночка, я не из тех корейцев, которые едят собак, честное слово!

Все рассмеялись, и Марина тоже. Потом она пила рюмку за рюмкой и, как ей казалось, вовсе не хмелела, но все реже ловила сквозь общее веселье звенящие нотки печали и реже останавливала взгляд на жене Льва Ефимовича, потому что сжималось сердце при виде этой совсем недавно красивой и моложавой женщины. Знала, что та перенесла тяжелую онкологическую операцию, ей удалили грудь, и сейчас ее неподвижное, высохшее лицо отсвечивало мертвым пергаментом.

Когда Марина поднялась прощаться, ее изрядно пошатывало. Кто-то предложил ее проводить, кто-то — вызвать такси. Она отказывалась: здесь совсем рядом. Шла домой довольная: щеночка пристроила. Сейчас скажет маме и бабушке, и Андрюше-предателю тоже, что не все вот такие... Какие именно, пока не придумывалось. Хотелось что-то вроде «жестокосердные», но слово это не выговаривалось. Долго вставляла ключ в замочную скважину, но дверь подалась сама, была, значит, открытой. Марина почти ввалилась в прихожую и чуть не упала: споткнулась... Господи, обо что это? Андрюшка валялся под ногами, и очки рядышком. Видно, тоже напился, совесть замучила

из-за шенка. Хорошо, что свет был включен. Села рядом на пол. вытянула ноги, потянулась рукой к дурной Андрюшкиной башке, хотела потрепать по смятым кудрям, но пальцы вдруг сделались липкими. Бог мой! Да это кровь! Упал и разбился. Андрюшенька! Как же ты. мой любимый! Я сейчас, сейчас... И чего же это мама с бабушкой смотрят. Марина пошла в комнату, придерживаясь за стену и оставляя на обоях кровавые отметины. Вот мама тоже на полу... И очки – тоже, и кровь – тоже... Хмель тут же стал отпускать Марину, хотя отрезветь она не хотела и видеть то, что видела, осознавать случившееся тоже. Вдруг услышала слабый стон, который доносился из спальни. Бабушка лежала на кровати, залитой кровью, но живая, и губы ее шевелились, тихо шептали, что-то хотели сказать Марине. Уже совершенно трезвая, она наклонилась над бабушкой.

— Ты уедешь... Запоминай: Владимирская область, Суздальский район...

Марина кинулась к столу искать ручку, но бабушка покачала головой: «Не надо, запоминай, боюсь не успеть. У меня там живет родная сестра, она тебя примет. Скажи, что я ее простила...»

Господи! Может быть, бабушка бредит? Марина ни о какой сестре от нее не слышала. «У нас никого нет», — твердила раньше бабушка. Но адрес Марина запомнила, повторила вслух. Бабушка закрыла глаза, на губах ее появились кровавые пузыри, Марина подумала, что она умерла, сидела в оцепенении минуту ли, вечность и вдруг опять услышала ее бормотание:

- Мариночка... Мне страшно... Может, я была не права и он все-таки есть...
  - Кто, бабушка?
- Бог... А ты поезжай к сестре Лизе, она тоже Протасова, если не изменила фамилию. А сейчас
  к Немцу, он поможет, потому что он... он...
  Громкий всхлип и тишина.

К Немцу, конечно же, к Немцу, а к кому еще идти Марине? В их подъезде все жильцы новые, старые уехали, а Немец остался и живет в соседнем. Хотя сейчас, скорее всего, в подвале, он обычно там мастерит до поздней ночи. Да, сначала в подвал — это ближе, а если нет — на третий этаж. А вдруг и в квартире... Нет, это даже додумать страшно, потому что она не знает, что тогда, без него, делать. Разве что подняться на шестой,

а там на крышу через чердак, а там... Но это нехорошо, стыдно так их всех бросить...

Свет в подвале горел, Марина медленно спустилась по ступенькам, постучала в дверь, позвала: «Дяля Федя!»

Он вышел мгновенно, словно стоял под дверью. Марина протянула ему окровавленную ладонь с растопыренными пальцами, сказала:

Вот... − и стала тихо опускаться на пол.

Очнулась через какое-то время уже в квартире Немпа — ляли Фели.

* * *

рместе с женой, тетей Мартой, Немец появился в их доме, когда Марина только пошла в первый класс. Бабушка тогда еще работала в школе, но не в той, где стала учиться Марина. После уроков девочка бежала не домой, а к ним, к немцам, и тетя Марта кормила ее обедом, у них Марина и уроки делала. Девочку они любили, она это чувствовала, понимала, оттого и домой не торопилась, уходила лишь после настойчивых телефонных звонков бабушки. Мама с бабушкой тоже Марину любили, но любовь та была сдержанной и даже строгой, а у немцев — трепетной и восторженной.

А вот почему они любили Марину? Только ли оттого, что были бездетны? Но тогда почему именно ее? Дружили семьями? Опять не получается. Ни мама с бабушкой, ни немцы друг к другу в гости не ходили. Только она, Марина, как бы жила на два дома. Тетя Марта перешивала ей платьица, купленные в магазине, подгоняла под ее рост, отделывала рюшечками и кружавчиками - ширпотребное изделие становилось нарядным и красивым. Расчесывала волосы, заплетала косички, да не просто такие, как у всех девчонок, а замысловатые: две плелись сверху, почти надо лбом, а потом тоненькие, как ручейки, впадали в одну, толстую косу, что начиналась с затылка и падала на спину. И три банта из тонкого шифона.

Росточку тетя Марта была небольшого, черты лица у нее мелкие, и зубы тоже, кожа такая белая, нежная, что просвечивали голубые прожилочки. Глаза светлые, мягко-серые. Куколка да и только, повзрослевшая, а потом и постаревшая Барби.

Прически Марта делала замысловатые: то вся

в мелких кудряшках, а надо лбом волосы подняты валиком, то локоны свисают от висков, а валик сложен уже на затылке. И наряды себе шила тоже с рюшками и оборками, оттого казалась немного чудаковатой, во дворе над ней посмеивались, однако довольно добродушно. А Немец... Он был красавцем. Даже сейчас, уже за шестьдесят, остался таким же стройным и подтянутым, каким Марина впервые увидела его. Густой ежик седых волос не старил мужчину. Иногда он, видимо, забывал постричься вовремя, волосы отрастали, - тогда из-под седины пробивались светлые пряди. Значит, изначально был блондином. Правильные черты лица, твердый подбородок с ямочкой посредине могли создать почти плакатный облик, если бы не глаза... Прищур мелких морщинок вокруг них, взгляд... Что-то было в нем особенное, и в какой-то миг Марину осенило: это глаза человека, который все уже понял в жизни. И тут же в сознании мелькнула еще одна мысль, как бы в завершение первой: «...И все простил».

Марина знала в себе это странное свойство: она не умела разобраться в человеческих отношениях и житейских ситуациях, тем более анализировать их, — да, собственно, и не стремилась. Но уж если общалась с человеком, то совершенно неожиданно, по какому-то наитию могла почувствовать как нечто осязаемое его душу, его главную сущность.

И вот теперь она лежала на знакомом кожаном диване, и под головой ее была все та же подушка-«думочка» в розовой наволочке и, конечно же, с оборочками. После смерти тети Марты — а умерла она лет семь-восемь назад — Марина редко бывала у Немца. Поначалу забегала, спрашивала, чем помочь, но он только улыбался и качал головой. Не надо... Вот разве чайку попить да поговорить.

Марина и сама видела, что в ее помощи он не нуждался. В квартире был идеальный порядок, клетчатые рубашки, которые, похоже, Немец предпочитал всем другим, всегда чистые и отглаженные.

А ведь ей казалось, что все в доме делала тетя Марта. Впрочем, может, так оно в ту пору и было... Замужество, аспирантура, вся эта взрослая жизнь и вовсе как-то отдалили ее от Немца. И сейчас некстати вспомнилось, что она даже не привела к нему Андрюшу, чтобы специально

познакомить, посидеть, поговорить. Познакомились, можно сказать, на бегу, встретившись случайно на автобусной остановке. На свадьбу, конечно, пригласила, но он не пришел, сославшись на какую-то причину. Впрочем, Марина этого ждала: ведь Немец никогда не приходил к ним. Потом этих коротких, случайных встреч было много, ведь жили-то они в одном доме, в соседних подъездах. Но тогда, на остановке, Немец задержал взгляд на лице Андрея чуть дольше, потом обернулся к Марине: вопрос в его глазах она не сумела прочесть или не захотела ответить.

- «Господи, Андрюша... А мама, бабушка...» Спохватилась, тихо заплакала, заскулила, как та замершая собачонка, которую она так хорошо пристроила корейцу...
- Марина, Марина, проснись, послушай меня! Надо пойти к тебе в квартиру. Там милиция, долго не приезжали, говорят, бензин достать не могли. И послушай меня: если у тебя есть хоть какие-нибудь подозрения, не говори о них. Это... понимаешь, не та милиция. Я тебе потом все объясню, но ты...

Кто-то забарабанил в дверь. Немец вышел в коридор и вернулся с приземистым, со смурным лицом капитаном милиции. Тот обратился к Марине.

Хозяйка квартиры вы? Пройдемте. Посмотрите, не пропало ли что из вещей.

Марина в ужасе замотала головой:

- Нет, нет, не хочу!

Немец взял ее под руку.

Пойдем. Так надо.

Вошла, стараясь не глядеть на покрытые простынями тела. Что могло пропасть? Вещи стоят на местах, драгоценностей не было, мама украшений вообще не носила, бабушка — тем более. Книги вроде тоже нетронуты, никаких следов беспорядка.

 Документы, деньги посмотрите, – подсказал капитан.

Марина подошла к письменному столу, выдвинула верхний ящик, достала бархатную сумочку, расшитую бисером. Она хотела расспросить бабушку о происхождении этой сумочки, которую помнила столько же, сколько себя, да так и не успела. В ней, она знала, хранились какие-то документы и деньги на текущие расходы. Раскрыла ее. Деньги были на месте, но все ли — Марина не знала. Документов не было.

Какие именно документы пропали? – попросил уточнить милиционер.

Марина растерялась. Не знаю... Кажется, на квартиру...

- Вы собирались продавать квартиру?
- Нет, мы вообще не собирались уезжать.
- А кто-нибудь приходил, пытался вас уговорить или, может, наоборот, требовал, грозил?

Разговор уже явно переходил в допрос.

- Да, приходил один человек, просил.
- Кто? вопрос капитана прозвучал как короткий выстрел.

Марина уже собиралась объяснить, что это был любимый мамин аспирант Рустам Ниязов, но, наткнувшись на настороженный, тревожный взгляд Немца, ответила:

— Я его не видела, а мама не сказала, кто именно. Просто, что приходил человек, предлагал хорошие условия, но она объяснила, что мы вообще не продаем...

Ей показалось, что капитан облегченно вздохнул:

- Ну что ж... Пока все. Убийц будем искать, хотя сейчас это непросто. Время, понимаете... Кто займется похоронами?
  - Я, ответил Немец.
- Тогда советую поторопиться. В городе пока затишье. А главное, в морг везти бессмысленно, электричества нет. Спасибо, погода стоит прохладная. А вот потеплеет... Там полно неопознанных трупов. Ну, как говорится, наши соболезнования.

трагедии в соседнем доме я узнала только утром. Ночевали с мужем в доме друга, который уезжал в Израиль и устроил по этому поводу прощальную вечеринку. И эта молодая женщина, Мариночка, была там же, пришла со щенком, напилась пьяненькая, и мы все волновались, как она дойдет по ночному городу, пусть и недалеко, да ведь время какое... А выходит, щенок спас ее от смерти. Пока она рыдала над его судьбой, а потом так удачно пристроила, расстреляли всю ее семью... Что же, случай в нашем городе теперь нередкий, но, когда погибали знакомые, это все-таки потрясало особенно. Как же, ведь знали друг друга, здоровались...

Не могу сказать, что знали близко, более того,

признаюсь, что к Веронике Николаевне я вообще не испытывала особой симпатии, но какое теперь это имеет значение? Она была известна в республике как воинствующая атеистка. Когда в Душанбе верующие собирали деньги на строительство новой мечети, яростно выступала в печати против этой, как она выражалась, «затеи». Доставалось и православному Никольскому храму, расположенному на территории кладбища. Я работала в «Вечерке», более того, замещала редактора, когда Вероника принесла статью с предложением на Пасху выставлять у кладбищенских ворот патруль из партийных активистов: пусть берут на заметку работников идеологического фронта, которые в этот день и в родительскую субботу приходят навещать могилы близких. В редакции мой коллега ознакомился с материалом, впал в сомнение и отослал ее ко мне. Я отказала в довольно резкой форме, в ответ услышала, что разбираться будем в горкоме партии. Правда, продолжения не последовало: то ли Вероника Николаевна не обратилась в горком, то ли даже там оценили абсурд предложения. Она была, пожалуй, красивой женщиной. С налетом некоего аристократизма. Черные яркие глаза на бледном лице, нос с едва заметной горбинкой, впалые щеки, губы, не знавшие помады, были чуть узковаты. Зато стройная, с тонкой талией.

Но женственности не было в этом облике, как не бывает шарма в гипсовой красавице. Меня больше всего вот что поражало... Время было такое, что, конечно же, журналисты писали и о руководящей роли партии, и об успехах давно разрушенной экономики, партократы произносили с трибун пламенные речи, коль того требовала ситуация, но делали это как бы с фигой в кармане, а собираясь в узком кругу, рассказывали анекдотик про косноязычного Брежнева, подшучивали над собой, словно извиняясь: куда ж деваться, се ля ви, вот такая она, наша двойная жизнь... «Здоровый цинизм», как пошутил один из моих собратьев по перу. Я тогда заметила, что слова эти вряд ли сочетаются друг с другом. Вероника была совершенно убеждена в собственных правоте и миссии. Мне казалось, что это граничит с шизофренией. А вот дочка мне ее нравилась. Кстати, только вчера узнала, что зовут ее Мариной. Хотя впервые увидела в нашем общем дворе, когда ей было лет двенадцать. Иногда, нарядная, вся в бантиках, она отправлялась либо в кино, либо

еще кула-то, но не с мамой или бабущкой, а с женшиной из соседнего подъезда Мартой, а иногда и с ее мужем. Думаю, скорее всего, это бездетные родственники семьи, которых девочка очень любила. Но вообще, это была странная супружеская пара. Он почти голливудский красавец, а Марта... Даже трудно сказать, какая она. Во дворе посмеивались над ее манерой одеваться, над зонтиками с оборочками, шляпками с крупными цветами, яркими перчатками, которых у нее было на все сезоны – даже прозрачные и кружевные, они выглядели нелепо в летнюю азиатскую жару. Но у Марты был детский доверчивый взгляд, такая же улыбка, она всегда торопливо первой здоровалась со всеми, в том числе и со мной, хотя мы и знакомы-то не были... Честное слово, я специально хотела раскланяться первой, но мне, по-моему, так ни разу и не удалось этого сделать. Когда она умерла, ее провожал весь двор, но Вероника Николаевна с матерью, помню, лишь постояли у подъезда, когда выносили гроб, на кладбище не поехали, и я засомневалась в их родственных отношениях.

А теперь та же соседка рассказала, что муж Марты... Она почему-то назвала его Немцем. Ну да, Марта-то тоже немецкое имя... Так вот, он якобы все расходы и хлопоты по похоронам взял на себя. Значит, все же родственники? Война же – похоронить даже самых близких невероятно трудно. Невозможно купить гроб, я уже слышала о случаях, когда закапывали в целлофановых пакетах. Но даже не это главное. Недалеко от кладбища проходила линия обороны города. Именно за ней, в Орджоникидзеабаде, засела банда исламских экстремистов, которая несколько дней назад попыталась прорваться в Душанбе. Нападение отбили, но боевики попрятались на кладбище, и там еще двое суток шла перестрелка. Говорят, пострадали не только памятники, но и Никольский собор. А у меня на душе лежал камень: мы собирались уезжать во Владимир, с большим трудом отправили контейнер, с продажей квартиры вроде бы вопрос был решен. Но я не могла уехать, не простившись с родными могилами. Здесь, в этой земле, лежали мои бабушка с дедушкой, отец с матерью. Идти на кладбище одной было страшно, взять с собой мужа не могла: после тяжелой автокатастрофы он остался хромым - ходил, опираясь на трость. Да не в этом даже дело: здоровый ли, больной — идти вдвоем было рискованно. И я вдруг подумала: а что, если завтра присоединиться к похоронам соседей? Наверное, будет какая-то машина. Ну, хоть грузовик, на котором повезут гробы. Могилы моих близких находятся в начале кладбища. Я могла бы побыть там, пока предадут земле покойных.

С этим и пошла в подъезд, где жил Немец, только квартиры не знала, оттого и замешкалась у входа. Спасибо, меня тут же окликнула старушка, сидевшая на лавочке. Я опять замешкалась, не зная, как спросить, наконец сообразила:

- Здесь жила Марта, мне нужно увидеть ее мужа. Не подскажете ли номер квартиры?
- На третьем этаже справа. Но он сейчас в подвале, ответила старушка, у него там мастерская видно, гробы сколачивает. Сейчас же ничего не купишь. Вот уж действительно, ни жить, ни уехать, ни умереть...

Женщине явно хотелось поговорить о страшном убийстве, да и вообще о жизни, но я коротко поблагодарила, вошла в подъезд и спустилась в подвал. Видно, меня не услышали, из-за двери доносился ритмичный звук, похожий на звук работающего станка. Постучала еще раз, за дверью стихло, а через минуту-другую на пороге появился Немец, как я его про себя стала называть с легкой руки соседки. Он был в джинсах, клетчатой рубашке, к которой пристали стружки. Похоже, старушка была права насчет гробов.

- Простите, я не знаю, как вас зовут...
- Фридрих, представился он, слегка поклонившись.
- «Ну, конечно, немец», машинально отметила про себя, а вслух сказала:
- У меня к вам не совсем обычная просьба. Мы недостаточно хорошо знакомы, но я хотела бы завтра проводить в последний путь, присоединиться...

«Господи, что я несу!»

Смешалась. Потом объяснила как есть.

Он понимающе кивнул:

— Конечно, пожалуйста. Я поеду с Мариной на своей машине, насчет грузовика тоже договорился. Так что место будет. Вряд ли кто-нибудь еще захочет поехать на кладбище. Так что я буду вам даже благодарен.

«Благодарен? За что?» Но об этом я не спросила, зато неожиданно для себя предложила:

Может, я чем-то могу вам помочь?

Сказала и сама испугалась: ну чем я могу помочь? Разве предложить немного денег? Да неудобно, обычно это делают близкие люди. Но Фридрих, помолчав, словно раздумывая, ответил:

 Да. Если можно, поднимитесь в квартиру и побудьте немного с Мариной.

Что ж, это я как раз могла сделать. Хотя о чем говорить с незнакомой женщиной в такой ситуации? Впрочем, побыть — это не значит разговаривать.

Нажала кнопку звонка. Тут же послышались легкие шаги, но дверь открывать Марина не торопилась. И я догадалась: вглядывается в глазок, боится незнакомых.

Подала голос:

– Марина! Я от Фридриха…

Она открыла, поздоровалась. Лицо ее было спокойным, но это был покой отрешенности, почти шок. Я вошла в комнату и сразу вспомнила Марту. Кружевные салфеточки на столе: одна — круглая, под цветочной вазой, вокруг нее — узенькие, с острыми уголками. Видимо, предполагалось солнце с расходящимися лучами. И все вокруг: домотканое покрывало на диване, коврик над кроватью — было рукодельным, веселеньким и наивным. И я подумала: «Как все-таки живет наша душа в окружающих нас вещах, убранстве жилища».

Марина пригласила меня присесть, сама забралась на диван, обхватила колени руками, положила на них голову.

- Я могу чем-то вам помочь? задала я все тот же вопрос, настолько банальный, что другого и не придумаешь.
- Помочь? Не знаю. Может, мы приготовим кофе и вместе попьем? У дяди Феди всегда хороший кофе, в зернах. Наверное, и сейчас есть.
- Вы покажите, где и в чем он готовит ну, джезву или ковшик. Я умею готовить кофе, да и сама выпью с удовольствием.

Джезва была красивая, похоже, серебряная и достаточно емкая. Марина достала две маленьких чашечки с таким же рисунком, видимо, из набора. Повертела в руках, задумалась, потом предложила:

 Давайте из обычных чайных чашек. Эти уж очень маленькие. — Давайте, — согласилась я. — У нас дома тоже есть кофейные чашечки, правда, фарфоровые, но мы тоже пьем из чайных. Кофе порусски: пить так пить...

Спросила, можно ли покурить на балконе. Марина достала пепельницу, поставила на стол.

- Дядя Федя здесь курит, так что и вы не выходите. Я вот не курю. У нас еще студентами все девчонки курили, а я нет, даже не пробовала. Теперь жалею, может, легче бы было...
- Не жалей. Я вот жалею, что начала когда-то. Кофе пили молча, но молчание не было тягостным, каждый думал о чем-то своем, пока Марина не сказала:
  - Я вообще-то вас знаю. Вы ведь писательница? Я кивнула:
- Да мы и живем, собственно, в одном дворе.
   Примелькались, хоть и знакомы не были.
- Нет, не поэтому. Я вас запомнила, когда в университете была встреча с Айтматовым, вы стояли с ним рядом, когда я подошла к нему... А вот уж потом стала вас узнавать, когда видела во дворе.

Господи! Конечно же, как это я забыла! Ведь именно в тот день и узнала, что она дочь Вероники. И удивилась. Уж очень милой, по-особому ясноглазой показалась девушка. Вспомнила даже и белые лодочки на стройных ножках, коротенькую полосатую юбочку, светлые завитушки волос над высоким лбом, а на лице — отчаянная решимость: прорвалась к знаменитому писателю, спросила о чем-то, для себя очень важном... И тут кто-то из университетских преподавателей сказал: «Это дочка нашей Вероники Николаевны...»

- Вы не помните, что мне ответил Айтматов? прервала мои воспоминания Марина. Я покачала головой:
- Нет. Ведь это было так давно. Я и вопроса твоего не помню. А может, даже не слышала. Эти карнаи трубили вовсю. А о чем ты, кстати, спросила?

Марина не ответила, а я не повторила вопроса.

Утром, выглянув в окно, я увидела суету у дома напротив, подъехавший грузовик и поняла: пора. Несколько мужчин вместе с Фридрихом вынесли один за другим три гроба. Успел Немец за ночь. Правда, гробы не были обиты тканью, но, подкрашенные морилкой и, видимо, покры-

тые лаком, выглядели вполне прилично. В последнее время не раз слышала, что хоронили покойников в полиэтиленовых пакетах. Деревянные «дома» в воюющем городе — большой дефицит, да многим просто не по карману: люди не получали ни зарплат, ни пенсий. Пока я подошла, подъехали еще три легковые машины. Из одной вышли проректор университета, которого я знала, и еще трое мужчин — видимо, преподавателей. У подъезда стояли несколько старушек, русские соседи все разъехались, и в их квартирах жили теперь таджикские семьи, скорее всего, не знакомые ни Марине, ни покойной Веронике.

Фридрих вернулся в квартиру, вывел под руку одетую в черное Марину, посадил в свою машину, синие «Жигули», туда же пригласил и меня. Университетские, постояв у грузовика и высказав слова соболезнования, развернулись и уехали. Две легковушки заняли мужчины, помогавшие носить гробы, и похоронная процессия двинулась в путь.

Я попросила остановить машину сразу, как въехали за ворота кладбища. Огляделась. Многие памятники и кресты были порушены. Сердце замирало, пока медленными шагами дошла до могилы мамы. Она первая из родных легла в эту землю - погибла в авиакатастрофе, когда ей было всего 37 лет. Так и есть: ограда почти снесена — видимо, въехал тяжелый грузовик либо бронетранспортер. Гранитный памятник цел, но щербинки от пуль заметны, одна из них на лице мамы. Случайное попадание или вандалы расстреливали мертвых специально? Бабушка с дедушкой покоились недалеко от мамы, но не у самой центральной аллеи, а чуть дальше в глубь кладбища. Памятников на этих могилах не было, кресты стояли на местах. Так, от одного к другому, я навестила ушедшего из жизни брата, затем — отца, дядю, всем низко поклонилась, сказала слова прощания и вернулась к маме. Калитка оградки была пригнута к земле и расплющена, но я все же перешагнула через железные прутья и вошла на участок. Как ни странно, скамеечка рядом с памятником уцелела, и я решила посидеть на ней до возвращения моих соседей. А надо мной буйно цвела белая сирень, аромат ее наполнял душу такой тоской, такими воспоминаниями, что я прослезилась и плакала до тех пор, пока на дороге не появился синий «жигуленок» Фридриха.

Марина полулежала на заднем сиденье, закрыв лицо черным шарфом. Я села рядом с водителем и не сразу поняла, что едем не к воротам кладбища, а к Никольскому собору. Остановившись, Фридрих сказал: «Я зайду, поставлю свечки за упокой, закажу заупокойную службу. Если хотите, пойдемте со мной». Поколебавшись, я все же вышла. Марина открыла дверцу, крикнула вслед:

 – Дядя Федя, зачем? Вы же знаете, мама была неверующей.

«Мягко сказано», — подумала я, но промолчала.

Я верующий, — ответил Фридрих.

И тогда Марина тоже пошла с нами. Лицо ее было мертвенно-бледным, она слегка пошатывалась, и я взяла ее под руку.

- Вы верующий, но... не католик? спросила я Немца.
  - Православный уже не в первом поколении.

Здание церкви Николая Угодника, громко именуемое Никольским собором, было совсем небольшим и тоже пострадало от перестрелки, одна из стен прямо изрешечена пулями, штукатурка осыпалась, но внутри оказалось гораздо просторнее. Я так и осталась стоять у входа, закрыв глаза и вдыхая этот особый церковный запах ладана, горящих восковых свечей... Этот запах вернул меня в далекое прошлое. Была я здесь совсем маленькой с бабушкой. И что-то затеплилось в душе, дрогнуло в сердце, и я почувствовала, как по щекам покатились слезы. Но моя дорога к Богу была еще долгой, еще много придется перестрадать и понять, прежде чем я, уже на шестом десятке, во Владимире, приму обряд крещения.

Марина ждала нас во дворе церкви, сидела на скамейке. Лицо ее чуть порозовело, не было таким мертвенно-бледным. На паперти стояли нищие. Многих из них, так сказать, старожилов, я знала в лицо. Ходила на кладбище не очень часто, но долгие, долгие годы — ведь мама погибла, когда мне было всего восемь лет. Да и нищих тогда еще было немного. Вот, например, колченогий испитой Саша, которого я помню совсем молодым, как, вероятно, и он меня. Уже улыбается, истово крестится и идет ко мне. Для него специально принесла особый дар: чекушечку разбавленного спирта... Но нищих теперь было гораздо больше: русские старушки, еще

опрятные, еще не привыкщие просить милостыню, со склоненной головой, стыдливо опушенными глазами. Тут же набежали откуда-то таджикские ребятишки, чумазые, оборванные, выкрикивавшие: «Христос воскрес! Христос воскрес!» — видимо, запомнили с Пасхи, когда милостыню раздают особенно шедро. Меня окружила целая толпа. Я растерялась, но на помощь уже спешил Фридрих, раздавая детворе карамельки и печенье. Чуть поодаль, наблюдая за нами, стояла Марина. Опустошив припасенное, я с трудом вырвалась из окружения и тут увидела нечто... Нечто такое, что не сразу признала в нем человека, потому что ползло это нечто на локтях и культяпках. Чуть пригнувшись, разглядела — женщина... Полезла в сумочку, стараясь разыскать еще несколько монет и пожалев, что не осталось печенья, которое она бы сразу съела, еще раз глянула на нее, и вдруг меня как громом поразило! Я узнала эту женщину...

В Привокзальном поселке, где я выросла, сразу за перекидным железнодорожным мостом, жила по соседству с нами семья. Муж, жена и дочка. Жена красивая русоволосая памирка, высокая и статная. Муж, по виду скорее долинный таджик, тоже очень симпатичный. А дочка Мамлакат, лет десяти (примерно столько же было и мне), была у них дурочкой. Ну, сейчас бы сказали о таком ребенке дебил или олигофрен, но тогда такие слова мало кто знал: дурочка и дурочка.

Недалеко от наших домов, через овраг, начинались хлопковые поля. Там, в колхозе, и работали родители девочки, а ее оставляли со старой полуслепой соседкой. Мамлакат все же иногда удавалось вырваться, и она сразу бежала на базар, бродила по нему, улыбалась бессмысленно и что-то мычала. Базары в те годы были очень дешевыми, и хозяева угощали ее кто чем. Ела она так много, как может есть, наверное, только лишенный разума человек. Наевшись груш, яблок, винограда, Мамлакат подбирала с земли арбузные и дынные корки и тоже ела их. Если кто-то пытался их отнять, не отдавала, плакала, и мычание переходило почти в вой.

Когда Мамлакат было лет пятнадцать, у нее появилась сестренка. Родители были просто счастливы. Еще бы! Как я услышала от взрослых, после Мамлакат это была первая беременность. А главное, девочка родилась здоровенькой. Прошел год, другой, третий, и вот уже бе-

гает по поселку в галошках на босу ногу ясноглазая, светленькая, похожая на свою красавицу мать. Мамлакат, хоть и дурочка, сестренку очень любила. Носила на руках, целовала, гладила. Правда, иногда пыталась накормить ее арбузными корками. Та, умница, морщила носик и отворачивалась: нет...

Однажды Мамлакат взяла девочку и пошла с ней гулять, но не задержалась, как обычно, на базарчике, а почему-то ушла на железнодорожное полотно. Там, на шпалах, присела отдохнуть или поиграть. В общем, младшенькую — имя ее я забыла — задавило насмерть, а Мамлакат отрезало обе ноги.

В поселке нашем жили люди в основном многострадальные: кулаки, высланные в Среднюю Азию, интеллигенты, спасавшиеся от репрессий, и все — в тылу ли, на фронте — пережившие войну. Но и они ахнули от такого горя, от такой несправедливости. И часто я слышала такие слова: Господи, ну почему ты оставил жизнь несчастной, лишенной разума калеке и отнял ее у здорового, прекрасного ребенка? О родителях и говорить нечего... Хотя именно мать нашла тому объяснение, сказав однажды моей бабушке: «Аллах покарал меня за то, что вышла замуж без родительского благословения».

Как водится у мусульман, она была просватана еще девочкой, и родители уже получили часть калыма, когда недалеко от их кишлака занялась раскопками археологическая экспедиция. Там и увидел молодой землекоп красивую девушку памирки, в отличие от долинных таджичек, паранджи никогда не носили... Когда привез беглянку домой, его родители тоже отказались их принять. Тогда молодые добрались до Душанбе и устроились в совхоз работать, своими руками из самана и глины построили себе жилище.

Теперь их, конечно, уже нет в живых, а она ползает по земле... Зачем? Почему?

Я назвала ее по имени, сначала потихоньку — Мамлакат, потом погромче, и она вдруг подняла голову, заулыбалась, как-то заурчала и поползла ко мне. Нет, не думаю, что и она узнала меня. Скорее всего, ее давно никто не называл по имени, а она его вспомнила. Я стала судорожно вытаскивать из кошелька деньги, но Фридрих остановил меня:

Не надо, у нее их просто отберут.
 Достал остатки печенья и карамелек, отдал ей.

Собрались уходить и тут только заметили, что Марина стоит сзади нее и смотрит на Мамлакат расширенными от ужаса глазами.

Фридрих взял ее за плечи:

Пойдем в машину.

Но она все стояла, вцепившись ему в плечо, и вдруг произнесла, захлебываясь от слез:

Солдат... Я знала солдата... Он был совсем без ног... Совсем...

Помню, я тогда подумала: какая же она все-таки странная. Только что похоронила всю семью и рыдает по какому-то солдату.

Когда мы вернулись с кладбища, Фридрих пригласил зайти помянуть покойных, но у меня уже ни на что не было сил, поблагодарила и пошла домой. Больше я их до самого отъезда не видела, а то, что мне еще предстоит встретиться с Мариной на Владимирской земле, не знала.

* * *

Г] **Г**а столе стояла зажженная свеча. Марина си-тавшись в плед, и тупо смотрела на занавешенный скатеркой телевизор, как и зеркала в доме покойника. Правда, находилась она в квартире дяди Феди, и, хотя покойников выносили не отсюда, он почему-то сделал это. Ну, сделал и сделал, ему лучше знать, он человек, как оказалось, верующий. Пошла на кухню, взяла пачку сигарет, вернулась в комнату, опять забралась на диван и, наклонившись над свечой, попробовала закурить. Закашлялась. А жаль. Ведь для чего-то люди курят – говорят, успокаиваются, снимают стресс. Попробовала еще раз. Вроде пошло, только голова закружилась. А ей надо собраться с силами, решить, как жить дальше, оценить ситуацию. Скорее бы вернулся дядя Федя, ушел кудато, когда она еще спала.

Сигарету худо-бедно докурила и сама уснула. Проснулась, когда дядя Федя укрывал ее сползшим на пол пледом. Сказала:

- Все, дядь Федь, я уже спать не буду. Мне поговорить с вами надо.
  - Ты, я смотрю, курить пробовала?
- Да, только не очень получается. Но я еще научусь.
- Лучше бы не надо. Но как знаешь, ты большая девочка.

- Дядя Федя, вы столько сделали для меня...
   Я бы и похоронить без вас не смогла, вообще бы ничего бы не смогла.
- Не надо, Марина. Я не для тебя, вернее, не только для тебя... Я и для себя это делал.
- Ну, все равно... Я вот о чем. Помогите мне еще и квартиру продать. Тогда бы я вам отдала деньги, ведь вы так потратились. И сама бы смогла уехать.

Фридрих долго молчал. Изменив привычке курить только на кухне, затянулся сигаретой.

- Марина! Квартиру продать нельзя, она уже продана.
  - Как продана?! А кто ее продал?
- Мама продала. Только деньги не успела получить. За что, как понимаю, и поплатилась жизнью.
- Но она говорила, что мы уезжать никуда не собираемся!
  - Собиралась. Со мной в Поволжье.
  - С вами? Одна?
  - Нет, конечно, все вместе...
- Я ничего не понимаю! схватила сигарету, нервно пытаясь закурить, задохнулась, прокашлялась, потом расплакалась. Хотя, кажется, начинаю понимать. Вы мой отец?

Фридрих кивнул.

- Да...
- Знаешь, дядя Федя, мелодрамы не будет...
- Господи, да какая же мелодрама? Мелодрама это тайное грехопадение, случайная связь, интриги. А то, что ты моя дочь и дитя любви, знали все. Ну разве что кроме тебя. И то потому, что ты, видимо подсознательно, не хотела спросить меня об этом и услышать ответ.
- Вы сказали «дитя любви»? Это значит, что когда-то вы любили мою маму?
- Я любил ее всю жизнь с той минуты, как встретил.
  - Тогда почему вы не были вместе?
- Когда-нибудь я расскажу тебе об этом. Сейчас не могу. Тяжело...
- Ладно... Но давай о чем-нибудь говорить.
   Расскажи о себе... до встречи с мамой. Почему тебя, кстати, Немцем зовут?
  - Да потому, что я немец.
- Это понятно. Но других-то не зовут «русский», «таджик»...
- Ну, таджиков много, русских тоже, а я, когда учился в строительном техникуме, один

был немец. А студенты редко без прозвищ обходятся. Помню, Бобер был, у него зубы изо рта смешно торчали. Киселева Киселем окрестили, а меня как-то так, по национальности. В детстве я немало из-за нее натерпелся, годы были послевоенные. А потом ничего...

- А в Талжикистане как оказались?
- Выслали в первые дни войны с Поволжья. Хотя были мы — как бы это сказать? — очень русские немцы. Прадед еще при матушке Екатерине служил, дворянским званием был пожалован... Здесь поначалу жили в Кургантюбинской области. Отец рано умер, я его не помню, мать дояркой работала от зари до зари. А мальчишки в ту пору только в войну играли. Делились на наших и немцев, и у меня в «наши» попасть не было никаких шансов. И били меня не понарошку, а по-настоящему. Понять их, конечно, можно, - у кого отец с войны инвалидом вернулся, а у кого не вернулся вовсе. Я тоже дрался, как звереныш, кричал: «Я свой!», а еще «За Родину, за Сталина!» Матери никогда не жаловался, да почти ее и не видел. Она на тяжелой работе таяла как свечка, потому что до войны там, где мы жили, преподавала в музыкальном училище сольфеджио. В совхозе нашем только четырехлетка была, причем с таджикским языком обучения. Так что для меня таджикский вроде родного языка, впрочем, и для других ребятишек. В совхозе жили еще несколько немецких семей, крымские татары, тоже изгнанники, и русские потомки кулаков, высланных в двадцатые годы. Когда окончил эту четырехлетку, мне уже тринадцатый год шел, и я был крепким парнем. Хотел выучиться на тракториста, матери помочь, но она чуть не на коленях просила продолжить учебу в Душанбе, в школе-интернате. Я, как мог, противился, национальность свою ненавидел, стыдился, но против матери не пошел. Четырехлетку на отлично окончил, желающих ехать в столицу почти не было, так что меня взяли с удовольствием. Но у меня-то свое в голове: из Душанбе дорог много, сбегу, на крыше поезда доберусь куда-нибудь, где никто не узнает, что я немец, но все обернулось по-другому.

Завучем интерната был фронтовик Александр Михайлович, встреча с которым во многом определила мою судьбу. Я не пришел на уроки ни в первый, ни во второй день, потому что не мог пережить этой пофамильной переклички. Маль-

чишкам, с которыми определили меня жить, сказал, что голова сильно болит, а сам обдумывал, как поскорее смыться и подзаработать хоть немного денег. На третий день, когда все еще валялся на койке, в спальню заглянул завуч. Знаешь, он мне таким страшным показался... Носяра длинный, а рот, видимо беззубый, проваленный, как яма. Губ не видно, глаза под толстыми стеклами казались выпуклыми, рыбьими. Да еще хромой, на ноги приседает сильно, и от этого кажется каким-то перекошенным. Ну, пришел он, подвинул табуретку, сел напротив, спрашивает: «Ты чего же в класс не являешься?» Молчу, смотрю на него как волчонок. Он тогда: «Я, между прочим, завуч школы. Давай знакомиться. Тебя как зовут?» И я крикнул: «Фридрих, Фридрих, Фридрих!» Именно так, три раза. «Потому что я немец, понял?»

Представляешь, на «ты» к завучу! А он вроде этого не заметил, вдруг рассмеялся и говорит: «Знаешь, а ведь я тоже немец...»

У меня кулаки сжались. Издевается! Будет немец завучем интерната! Веришь, хотел дать по очкам и деру.

Тут он что-то понял и стал серьезным: «Ты погоди! У меня фамилия такая — Немец, понимаешь? Честное слово. Представляешь, сколько раз мне приходилось отвечать на вопросы анкеты: «Фамилия?» — «Немец». — «Национальность?» — «Еврей». Ну как тебе? Меня каждый раз по два раза переспрашивали...» — и опять засмеялся.

И я стал смеяться с ним вместе, а потом смотрели друг на друга и улыбались. И он мне страшным уже не казался, а даже вроде как симпатичный.

Помолчали, и Александр Михайлович, наклонившись, так заговорщицки, негромко, хотя мы одни были в комнате, предложил: «Давай знаешь что сделаем? Запишем тебя в журнал Федором. А фамилия твоя Вайс, да?»

Знал ведь, оказывается, и фамилию мою, и то, что я немец.

«В переводе на русский «вайс» — белый. Вот и будешь Белов. А когда окончишь школу, в документах все правильно оформим, вот увидишь, ребята подрастут и поймут разницу между немцем и фашистом». Увидев мое смятение, доверительно добавил: «Скажу тебе по секрету, я ведь тоже не Михайлович, а Моисеевич».

Причем вижу: признавшись, он сам испы-

тал некоторую неловкость и, неопределенно махнув рукой, добавил: «Чтоб легче ученикам запоминалось...»

Так я остался в интернате. Директором у нас был таджик, многодетный и, кажется, малограмотный, в общем — местный кадр. Учебным, как и воспитательным, процессом руководил Александр Михайлович. А вскоре я стал вхож к нему в дом. Случилось это так. Однажды в школьном дворе я увидел, как трое мальчишек постарше зажали пацаненка в углу школьного двора: он пытается вырваться — они гогочут. А я уж такой битый-перебитый, дерусь отчаянно и с тремя могу справиться запросто. И не оттого, что сильнее, а просто страха не чувствую. В общем, весь собрался, сжался как пружина, подхожу, спрашиваю: «В чем дело — вопрос?..» И они ведь почувствовали мое состояние, поняли, что сейчас кинусь в драку и мало никому не покажется. Один из них, шепелявый такой, с выбитыми зубами, Венька зовут, мне уже с ним приходилось общаться, и я знал, что он парень задиристый, рисковый, говорит: «Да все в порядке, мы только попросили Яшку сказать: «На горе Арарат растет крупный виноград», а он кочевряжится».

Я тогда взял его за грудки, тряхнул так, что рубашка затрещала у меня под руками. «Сейчас скажет. После тебя, а ты повторяй за мной: «Я сам сука последняя»». Понятно, что у него с буквой «с» такие же проблемы были, как у Яшки с «р», только по разным причинам.

И вот представляешь, как услышали мы эти «шам» и «шука», так и стали смеяться. Поначалу те двое, что с Венькой были, потом я не выдержал, а затем и Яшка, утирая слезы, присоединился к нам. На том и разошлись. Уж потом только узнал, что Яшка — сын завуча Александра Михайловича и фамилия у него, как и у отца, Немец, национальность, естественно, еврей. А евреи, сама знаешь, в большинстве своем не ладят с этой самой буквой «р».

С той поры я взял Яшку под свою защиту, а главное — учил драться, удар держать. Постепенно стал вхож в дом завуча, где меня подкармливали, а заодно и к чтению приобщили. Так я впервые прочел и «Графа Монте-Кристо», и «Республику ШКИД», и еще «Магеллана». Кто написал эту книгу о великом путешественнике, не запомнил, больше она мне ни разу не попалась, хотя впечатление произвела незабываемое. С Яшкой

мы дружили всю жизнь, да и сейчас дружим. Просто когда началась вся эта смута в Таджикистане, он уехал в Израиль, а Александра Михайловича давно нет в живых.

Знаешь, вспоминая детство, я не держу обиды ни на кургантюбинских пацанов, ни на интернатских. А вот фашизм ненавижу, да и вообще всякий национализм. Вот мы сейчас его хлебаем полной ложкой. Исламисты тоже ведь под лозунгами возрождения «национальное самосознание» развязали эту войну.

А что касается ребят – с похоронами мне очень помог Джума, который на синих «Жигулях» приезжал. Конечно, тебе было не до него не запомнила. Так вот он как раз из Курган-Тюбе, из моего детства. Кстати, сейчас вспомнил... Ты спросила, почему меня Немцем зовут. Джума тоже поступил в строительный техникум. Увидел меня, обрадовавшись, закричал: «Немец, Немец, это ты?» – и кинулся обниматься. Да вот с этого и пошло... А в заповеднике «Тигровая балка» егерем был еще один друг детства – Нияз. Он вообше для меня... мы там впервые с твоей мамой встретились. Но об этом потом, потом... – Фридрих затушил, смяв в пепельнице, окурок, глубоко вздохнул, как всхлипнул, поднялся и вышел на балкон.

Свеча догорела, и Марина, потянувшись, достала до кнопки торшера. Абажур был оранжевый с веселыми оборочками, как, впрочем, и все в этом доме, — комнату, казалось, залил солнечный свет. Фридрих вернулся с балкона, и Марина заметила, что даже при таком освещении лино его казалось серым, постаревшим.

- Дядя Федя, я тебя очень люблю, вырвалось у нее. Но ты подожди, не обижайся, я пока так сразу не могу назвать тебя папой. Мне надо привыкнуть, пережить все. А потом... Хотя я свое «потом» просто не представляю.
- Конечно, Мариночка, называй как привыкла. А что касается твоего «потом», то позволь мне об этом позаботиться. Мы с мамой договорились так: я отправляю вас самолетом в Ростовскую область к своей двоюродной сестре, а сам поеду товарняком, я уже договорился об аренде вагона. Пассажирские поезда через Узбекистан не пропускают, а товарные пока еще проходят. Что будет дальше, неизвестно надо торопиться. У меня много ценных для меня вещей прежде всего деревообрабатывающие станки, инструменты,

которые не рискую отправить контейнером, их часто разворовывают. Знаешь, жизнь рано или поздно начнет налаживаться, люди будут строиться, и я своим ремеслом смогу обеспечивать и себя, и тебя, а когда-нибудь, бог даст, и внуков.

Марина болезненно сморщилась, отшатнулась от Фридриха. Он испугался.

- Прости, Мариночка, прости. Некстати сказал, вырвалось. Но понимаешь... Время лечит, и все еще может быть. Ну-ну, успокойся!
  ладонью вытер на ее щеках слезы, поцеловал. Еще раз попросил прощения и продолжил: А теперь мы сделаем так. Тебя отправляю самолетом к сестре, а сам буду потихоньку добираться по железной дороге.
- Нет, дядя Федя, я одна не полечу, я с тобой в вагоне поеду. И то не сразу в Ростовскую область. Мне во Владимир надо. Ты меня пересадишь уже в России на нормальный поезд, ладно? Меня бабушка перед смертью просила, чтоб нашла ее сестру.
  - Никогда не слышал, чтобы у нее была сестра.
- Я тоже не слышала. Вообще ничего не знаю ни о своей родне, ни о родословной. Может быть, теперь пришло время узнать. От тебя, от двоюродной бабушки. Да и предсмертную волю нельзя не выполнить. Так ведь?
- Так-то оно так, но дорога, по которой я собираюсь ехать, будет долгой и небезопасной. Знаю от тех, кто уже преодолевал ее. Стоянки иногда по несколько суток на забытых богом полустанках, таможенники и просто бандиты, выдающие себя за таможенников... Я смогу за себя постоять у меня охотничье ружье, да и драться в свои шестьдесят еще не разучился. А тобой рисковать не могу. Молодая красивая женщина это, знаешь, приманка... А у меня дороже тебя никого не осталось на этом свете.
- Дядя Федя! Я поеду только с тобой! Марина сжала кулачки, ударила ими по согнутым коленям. У меня тоже никого кроме тебя не осталось, я еще не могу, не готова расстаться с тобой, мне одной сейчас не пережить это горе. А не хочешь лучше брось меня здесь.
- Ну, хорошо. Я обдумаю все... У нас есть еще четыре дня. А теперь я хочу спросить тебя. Фридрих нервно закурил, подошел к окну, распахнул форточку. Марина, ты знаешь, кто именно приходил к маме и просил продать квартиру?

Марина задумалась.

- Только одного. Это мамин аспирант Рустам Ниязов. Но, наверное, были и другие, я не интересовалась. Ведь он-то не мог...
- Как я боялся, что ты назовешь его имя капитану. Слава богу, ты промолчала. Молчи и теперь, если кто спросит.
- Но он же не мог... повторила Марина. Он был любимым маминым студентом, потом аспирантом, очень уважал ее.

Фридрих резко повернулся, отошел от окна.

 Марина, он сейчас один из идеологов исламских фундаменталистов. А министр МВД – его родной дядя.

И тут Марина, словно обрадовавшись, закричала:

- Да он просто физически не мог, не мог! Я вспомнила: он уже дней десять как уехал в Москву по каким-то делам. Приходил к нам прощаться. Вот видишь!
- Девочка моя! Фридрих сел рядом с нею на диван. Послушай меня. О том, что его не было в городе, я знаю, знаю даже, что в Москву он поехал, чтобы там организовать газету националистического толка. Глупо было бы думать, что он сам расстрелял твою семью. И вообще, что это был его заказ, утверждать тоже не могу, хотя подозрения у меня есть. Придет время, бог даст, узнаю.

Голос его звучал глухо, в нем появились не свойственные Фридриху интонации. Но больше всего поразили Марину глаза — они стали другими. И если в них по-прежнему читалось «Человек, который все понял в этой жизни», то прощения уже не было.

Ночью, мучаясь бессонницей, Марина думала о Рустаме. Она познакомилась с ним, еще будучи первокурсницей в колхозе, куда их отправили на сбор хлопка. До этого времени в университете лицо его просто высветилось в толпе студентов, так он был красив особой восточной красотой. Черные глаза сверкали на оливковом лице, брови, сросшиеся на переносице, взлетали на высоком лбу, как крылья птицы. К тому же высок и строен, конечно же, как кипарис. А как бы иначе сказали на Востоке о прекрасном юноше? И лишь одно слегка портило это почти совершенство: чуть широковатые и приплюснутые ноздри тонкого, с горбинкой носа придавали лицу некоторую хищность, может быть, даже жестокость,

однако улыбка, едва тронув губы, тут же стирала их. Вроде и не было. Показалось...

На хлопковые поля выходили студенты чуть свет, где-то часам к десяти наполняли огромные фартуки белым волокном, но, прежде чем идти взвешивать их на хирман, устраивали короткий отдых, усевшись на них же. Вот тут-то и заметила Марина на левой лодыжке укус какого-то насекомого. Маленькая ранка нещадно саднила, нога распухала на глазах, краснота поднялась до самого колена. Колхозный бригадир Амир Султанов, посмотрев на ее ногу, поцокал языком, посоветовал намазать место укуса глиной и отправил отдыхать. До складского помещения, где жили девчата, Марина добралась, уже сильно прихрамывая, улеглась на свое место в ряду постеленных на полу ватных одеял и задремала. А когда услышала чьи-то шаги, подумала, что проспала до конца рабочего дня, уже возвращаются с поля студенты. Открыла глаза и увидела Рустама.

И что же здесь за прогульщики? – спросил он.

Марина села, кивнула на оголенную ногу — спортивные штаны закатала выше колена.

– Укусил кто-то...

Рустам опустился на корточки рядом с ней.

 Да здесь все время кто-то кусает, может, даже и скорпиончик.

Видимо, Марина изменилась в лице, потому что он засмеялся.

— Да ты не пугайся. Они ядовитые только в мае-июне, а сейчас сентябрь. Беда в том, что у тебя аллергия на укус и это может быть опасно. У тебя что-нибудь есть? Ну, типа димедрола?

Покачала головой — нет. А он между тем осторожно ощупывал распухшую ногу. Щиколотку, колено, чуть выше... Марина поднялась с трудом, оперлась о стену.

— Ты чего, лежи! — сказал Рустам, но сам тут же встал рядом, совсем рядом, слишком рядом.

И глаза у него были совершенно шальные. Ей на миг даже показалось, что он пьян, но спиртным от него не пахло. Марина опомниться не успела, как оказалась в его объятиях. Прижал к стене, запустил руки под футболку. Пальцы, добравшиеся до груди, были прохладными, а дыхание горячим, обжигающим. Он буквально впился губами в ее губы, одновременно пытаясь острой коленкой раздвинуть ей ноги. Марина задох-

нулась от поцелуев, крик застрял в горле, да и кто бы его услышал? Но вмешался Господин случай. С визгом затормозила где-то рядом машина, заскрипела шаткая входная дверь, раздались гулкие шаги по деревянным половицам, и в помещение вошли бригадир Султанов с русской девушкой в белом халате.

Рустам отпрянул, Марина без сил опустилась на постель.

- Дохтур тебе привез. Хороший, умный дохтур настоящий табиб, заговорил бригадир, одновременно сердито зыркая на Рустама. Я знаю, такой болезнь есть. Алергу называется. Прошлый год один девушка чуть не умер. Такой осик маленький на крылышке укусил. Моя теперь боится.
- Вот и я говорю, аллергия... вступил в разговор Рустам.

Но бригадир прервал его:

- А ты кто такой? Дохтур? Зачем пришел?
   Зачем хлопок не собиратель?
- Это не твое дело, резко ответил Рустам, что-то еще добавил по-таджикски и вышел, хлопнув дверью.

Врач, осмотрев ногу, дважды поставленный диагноз (бригадиром и Рустамом) не опровергла. Похоже, да, аллергия.

Была она чуть старше Марины, глаза испуганные. По дороге, трясясь в разболтанном «москвичонке» бригадира, рассказала:

- В прошлом году действительно еле успели довезти студентку до районной больницы, начался отек Квинке чуть не задохнулась. Спасибо фельдшер, человек пожилой и опытный, на свой страх и риск сумел помочь, вскрыл отек пальцем, но потом все равно вызвали вертолет санавиации, отправили в Душанбе.
- Вам как? Дышать нетрудно? Ну, слава богу, может, обойдется?— встревоженно вглядывалась в лицо Марины. А вот губы чуть распухли это плохо. Мы вас тоже, по возможности, в Душанбе отправим.

Марина языком провела по губам — действительно, распухли. Только из-за аллергии ли? И подумала: хоть бы отправили в Душанбе. Пусть даже с отеком Квинке...

В больнице тот же фельдшер, пожилой и опытный, посмотрел горло, успокоил: ничего страшного. Про губы ничего не сказал, сделал

какой-то укол и оставил до утра. Бригадир Султанов обрадовался больше самой Марины, как-никак он отвечал не только за то, чтобы студенты выполняли норму по сбору хлопка, но и за их быт и здоровье. Видимо, напуганный прошлогодним случаем, отпустил Марину на неделю домой подлечиться. Он был вообще добрый человек, этот толстый, одышливый, плохо говоривший по-русски бригадир.

Нога заживала долго, опухоль, правда, спала, но краснота не прошла. Но еще больше мучили мысли и чувства. Марина пребывала в крайнем смятении. Она пыталась понять, что же все-таки произошло, как вести себя по отношению к Рустаму? Почему он забрел в помещение, где жили девчата? И что это было? Попытка изнасилования, возникшая спонтанно, когда увидел беззащитную девушку? Но тогда он просто маньяк. Поделиться пережитым было не с кем. Никогда бы не рискнула Марина рассказать об этом ни своей суровой, молчаливой бабушке, ни вечно занятой маме. Вот если б была жива Марта... Пожалуй, она могла бы доверить какой-то секрет и дяде Феде, но такое мужчине не расскажешь.

Проблемы с ногой закончились неожиданно благополучно. Однажды Марина вышла во двор, села на скамеечку рядом со старушкой из квартиры напротив, бабой Валей. Красно-малиновой после укуса ноги девушка стеснялась и все старалась прикрыть ее халатиком. Но шустренькая старушка, стрельнув из-под очков острым взглядом, нелады заметила:

Ну-ка, Мариночка, покажи ножку!

Та нехотя сдвинула полу халата. Баба Валя, оставив вязанье, сухими тонкими пальчиками тут же ногу ощупала, головой покачала:

- Так это же рожа!
- Какая рожа? испугалась Марина. Меня кто-то укусил!
- Может, и укусил, согласилась старушка, никто ведь не знает, откуда она берется, и врачи не знают. И лечить ее толком не умеют, хотя вылечить-то проще пареной репы. Мел растереть...
  - Какой мел?
- Да каким вы в школе на доске писали. Если у тебя нет, я дам, мне внучок натаскал. Он, мел-то, при многих болячках нужен. Но при твоей самое главное красной тряпкой ногу обернуть. Сначала мелком посыпать, потом тканью. Да при этом трижды произнеси заго-

вор: «Рожа, рожа, ты мне не гожа, с мелком смешайся, больше не возвращайся».

Марина чуть не рассмеялась, про себя решив, что лечиться таким способом не будет, но бабу Валю от души поблагодарила за участие и совет. Однако вечером неожиданно подумала: «А что, повредит, что ли?» И спросила у бабушки, нет ли дома куска красной материи. Она очень рассердилась, целую лекцию прочитала про всякие знахарства и суеверия, да еще припугнула: мол, внесешь инфекцию — вообще ногу оттяпают.

Ладно, — отмахнулась Маринка и легла спать.

Только как тут уснешь — нога зудела нестерпимо. Вспомнила — у нее же есть ярко-красная футболка. Растерла мел в порошок, посыпала им рожу, как она теперь называла про себя свою ногу, обернула футболкой, а потом, сама себе удивляясь, все-таки произнесла: «Рожа, рожа, ты мне не гожа...»

Уснула как провалилась, а утром первое, что почувствовала, — нога не зудела. Сбросила одеяло, посмотрела: краснота сошла, лишь на том месте, где были мелкие пузырчатые волдырики, кожа была чуть розоватой, но чистой. Вот тебе и баба Валя, вот тебе и рожа, которая не гожа... Марина, если б могла, запрыгала от радости. Очень хотелось поблагодарить добрую соседку. Только вот как? Вспомнила, что в шифоньере валяются с давних пор несколько клубков дорогого мохера — это от Марты, которая когда-то учила ее вязать. Марина, кстати, науку освоила, связала по паре носков бабушке и маме, а себе даже свитер, но потом, после смерти Марты, спиц в руки не брала.

Баба Валя подаркам обрадовалась, а еще больше тому, что лечение впрок пошло, сказала:

— Ты, дочка, заходи, если что у тебя. Я гляжу, и мать, и бабушка — люди ученые, а я деревенская, из России приехала сюда, когда внучок родился. Они свою науку знают, а я — свою. Так что, если хворь какая, забегай — не стесняйся.

На следующий день засобиралась Марина в совхоз. Мама обрадовалась. Сбор хлопка — дело государственное, можно сказать, политическое. А ну кто скажет или подумает даже, что дети преподавателей от него отлынивают. Да Марина и сама уже заскучала. Город опустел, молодежи на улицах совсем не видно. Накупила консервов — мясных, рыбных, сгущенного молока,

прихватила сладкого: карамель и печенье — в общем, полный рюкзак набился. Добиралась на перекладных, однако к обеду, когда все подтягиваются к своему временному жилищу, поспела. Девчонки встретили радостным визгом, справившись с казенными харчами, накинулись на гостинцы, особенно на сладкое. И вот, когда пили чай, одна из сокурсниц сказала:

- Слушай, тут тебя каждый вечер спрашивает этот красавчик с философского, Рустам, кажется. Приехала? Не приехала?
- Точно, точно! затараторили остальные.

И каждая со своим комментарием:

- A я и не знала, что он на тебя запал.
- И когда же ты успела? По нему же полуниверситета помирает.
  - А с виду тихоня такая...

Марина чуть не поперхнулась и, видно, в лице изменилась, потому что девчата приумолкли, кто-то даже спросил:

Или дело у него к тебе какое?

Марина пожала плечами: не знаю, мол. Праздник кончился, обед тоже. Уже суетился, звал на трудовой подвиг бригадир Амир.

Дивчаткин! Побистрим, побистрим!

Марина собирала хлопок вдали ото всех, на самом краешке поля, с тревогой ожидая вечера. Зачем Рустам искал ее? Уж лучше бы сделал вид, что ничего не произошло. Марине даже в глаза ему было стыдно смотреть. Хотя почему ей стыдно, понять не могла. Однако вечера дожидаться не пришлось. Он нашел ее здесь, среди кустов хлопчатника, и она испугалась, стала оглядываться по сторонам — не слишком ли далеко зашла?

- Марина, Мариночка! Успокойтесь. За кого же вы меня принимаете? Хотя понять вас можно. Я прощенья пришел просить. Поверьте, ни одной ночи не спал спокойно. Хотел ехать разыскивать вас в Душанбе, но узнал, что вы дочь Вероники Николаевны, и понял, что в дом к вам прийти не посмею.
- А прощенья просите не по этому случаю, что узнали?
   усмехнулась Марина.
- Да нет же! Если бы не знал, давно бы попросил, нашел бы вас. И, хоть трудно простить такое, я все же попытаюсь объяснить... чтобы вы поняли... Видите ли, у меня здесь в соседнем кишлаке живут дальние родственники. Я пошел их навестить, а там ребята, представля-

ете, анашу курят. Ну, вы же знаете, в кишлаках это обычное дело. Ну, пристали ко мне: слабо, мол? Маменькин сынок и так далее... И я покурил первый раз в жизни и, конечно же, последний. Но одурел совершенно... Марина, можете меня простить?

И такое раскаяние было в его глазах, такая печаль, что сердце Марины дрогнуло:

- Ладно, давай забудем и никогда не будем возвращаться к этому.
- Спасибо, Мариночка! взял ее руку; наклонился, поцеловал. Красиво уложенные волосы рассыпались кольцами. Когда поднял голову, глаза его сияли, но вдруг он снова вроде как опечалился: И еще, Марина, последнее... Скажите, вы рассказали... об этом... матери? Нет, конечно, это ваше право рассказать. Я хочу только знать, сделали ли вы это, потому что, если да, я просто уйду из университета переведусь в Ташкентский. Видите ли, по окончании собирался поступать в аспирантуру и именно Веронику Николаевну хотел видеть своим научным руководителем...
- Да, конечно же, не рассказала! у Марины на глазах выступили слезы. Вы что думаете, про это легко рассказать, есть чем гордиться, да? Никому я ничего не скажу, оставьте меня в покое. Забудем обо всем раз и навсегда, отвернулась и пошла поближе к сокурсницам.

Для девчонок их встреча с Рустамом не осталась тайной: хоть издали, а наблюдали за разговором, но, увидев расстроенную Марину, от вопросов воздержались. Только вечером, перед сном, Настя, с которой спали рядышком, прошептала на ухо:

- У тебя правда, что ли, с ним что-то было?
- Ничего личного, честное слово. По делу приходил.

На минуту задумавшись, Настя сообразила:

— Ну да, конечно, я же забыла — у тебя мама завкафедрой. Небось, просил какой-нибудь зачет поставить. Она ж, говорят, заваливает всех подряд. Ей сдать, так лучше... — тут же осеклась: — Ой, Марина, не обижайся. Это я так... Мало ли что говорят...

Маринка не ответила, притворившись спящей. А об этом злосчастном эпизоде, казалось, они с Рустамом действительно забыли. При встрече в университете лишь вежливо раскланивались. Позже, когда стал аспиран-

том, он иногда приходил к ним домой — к Веронике Николаевне. И опять — сама вежливость и корректность. Но однажды он снова ворвался в жизнь Марины. Только теперь как наваждение.

Случилось это после того, как она вышла замуж. Семейная жизнь у них с Андрюшей не склалывалась.

Казалось, такой свой, такой родной. Физик, но и лирик в то же время. И стихи вместе читали, и спорили о поэзии, и мечтали о том, что будет у них детей уж никак не меньше двоих, а еще лучше — трое. Марине было одиноко в своей семье. и, как она считала, именно потому, что она была лишена братьев и сестер. А не ладилось с Андреем в самом щепетильном, потаенном — в интимных отношениях. По крайней мере, Марине они никакой радости не приносили. Муж был в постели суетлив и многословен. «Марина, тебе хорошо? Ты меня любишь?» В ответ: «Да, да...» – сквозь зубы и с облегчением, что не видит ее лица. Она старалась: и книжки кое-какие почитала, и с опытными подружками разговаривала – все бесполезно, ни разу так и не дошла до конца, так и не прочувствовала того, о чем так много слышала и знала хотя бы из той же литературы.

В ту летнюю ночь... Марина забыла число и месяц, помнила только, что было полнолуние, бело-голубой свет, заливая комнату, тревожил, и она все маялась, никак не могла уснуть, но в то же время и не бодрствовала.

Андрей, тот сидел на кухне, что-то читал или готовился к лекциям. Лег совсем поздно и, почувствовав, что жена не спит, стал ее поглаживать, недвусмысленно предлагая близость. Поначалу хотела отказать ему: не надо, я сплю, но не пробилась сквозь дремоту. И вдруг ей почудилось, что это Рустам целует ее крепким до боли поцелуем, она почувствовала на лице его обжигающее дыхание. Его, Рустама, твердое колено раздвинуло ее ноги, и она сама, не в силах сдерживать желание, вцепилась в него как тигрица, а когда все закончилось, вскрикнула и... заплакала.

Андрей был не менее самой Марины ошеломлен этой необузданной страстью, но понял ее по-своему.

— Мариночка! — ворковал он над ней. — Почему ты плачешь? Это же так здорово, что у нас наконец все получилось! И не надо стесняться! Мы же муж и жена и любим друг друга.

Марина плакала, уткнувшись в подушку, а утром поняла, что воспринимает случившееся как реальную измену. С того дня у нее появился комплекс вины перед Андреем. Себя она осуждала, а Рустама ненавидела, в страхе старалась избегать даже мимолетной встречи. Но еще больше боялась самой себя, того, что однажды ночью все повторится. И тут же мысленно признавалась, что в глубине души хотела этого. Андрей, поначалу возликовавший и поверивший в свои мужские возможности, был совершенно потерян: жена отказывалась от близости с ним, да и вообще выглядела подавленной, замкнулась в себе.

Через две недели Марина поняла, что беременна, — они с Андреем ждали этой беременности два года и уже собирались обследоваться, и вот нате вам.

«Это ребенок Рустама, я забеременела в ту ночь, — не сомневалась Марина. — У меня родится красивый таджикский мальчик, такой красивый, что даже чуть широковатые ноздри не смогут испортить его совершенную красоту. Да, родился бы такой мальчик, только он не родится, потому что я сделаю аборт».

Это было почти безумие, и лишь тот факт, что сама Марина понимала это, давал надежду, что до психушки все же не дойдет. Она честно пыталась образумить себя, убеждая, что от фантома еще никто не беременел. Конечно же! Спохватилась: а губы, а губы... они же распухли, как тогда, на хлопке, они же были искусаны до крови. Это что же, от мягких влажных поцелуев Андрея? А вдруг... Нет, это если уж совсем рехнуться. Вдруг этот Рустам оборотень? Ну да, они охотятся за своими жертвами как раз в полнолуние. Поговорить не с кем — вот беда. И бабушка, и мама не верили ни во что, кроме светлого коммунистического будущего. Зато девчонки на хлопке любили на ночь в темноте рассказывать всякие ужастики, болтали до той поры, пока кто-нибудь не взвизгнет от страха. Марина слушала с интересом — вот оно, народное творчество, даже завидовала сокурсницам, у которых были бабушки, сумевшие пронести все эти невероятные истории про колдунов и ведьм, привороты и порчи через поколения.

Вечерами, обхватив ладонями голову, Марина сидела на кухне в уснувшем доме, пытаясь привести мысли в порядок и прийти к какому-либо решению.

«Все, — сказала она себе однажды. — Губы я искусала сама. Рустама надо выкинуть из головы...— и тут же добавила: — Но аборт сделать. А с Андреем разойтись».

Про беременность никому ничего не сказала. У сокурсницы мама была гинекологом. Утром в субботу ушла в больницу, к обеду вернулась. Сославшись на нездоровье, пролежала в постели до понедельника — и все дела. Так просто оказалось избавиться от маленького черненького мальчика... Вот опять... Почему мальчика? Почему черненького? Наверное, она в самом деле ненормальная, а если так, то уже только этим можно оправдать аборт. Рожать должны здоровые матери здоровых детей.

На развод долго не могла решиться, даже заговорить о нем. Муж перед ней ничем не провинился, он любил ее. Кроме того, Андрей до нее был, в общем-то, одинокий человек. Отец умер, когда он учился в девятом классе. Через два года мать после курортного романа в Сочи удачно вышла замуж и уехала с супругом в Донецк, где тот возглавлял какой-то угольный трест. Андрюша остался с тетей, сестрой матери, чтобы доучиться в школе, а затем уж присоединиться к семье. Когда пришло время, не захотел оставить тяжело больную, одинокую тетю, поступил в Талжикский университет, ухаживал родственницей по-сыновьи, но квартиры после ее смерти не унаследовал. Их тогда еще не приватизировали, так что он переехал в общежитие. Ну и куда же его теперь? А главное — за что?

Марина затаилась, замучилась со своими мыслями, прогоняя их по замкнутому кругу. Встреч избегала даже с дядей Федей, сворачивала с дороги, если видела издали. Однажды все же столкнулась нос к носу. Он долго смотрел на ее похудевшее лицо, на резко обозначившиеся скулы, потускневшие глаза. Спросил:

- Что, плохо тебе, Мариночка?
- В ответ только кивнула.
- Рассказать не хочешь?

Покачала головой. Нет... Была бы Марта, может быть, ей рассказала бы...

- Дела сердечные?
- Ну, вроде того...
- Ладно. Если надумаешь, заходи.. В душу лезть не буду. Только... В одной из притч царя Соломона рассказывается... Однажды, не преодолев своей печали, царь в гневе сдернул с паль-

ца перстень, на котором было выгравировано «всё проходит», и выбросил его. Но, когда перстень упал на землю, царь увидел, что на его внутренней стороне выгравированы какие-то слова. Он поднял перстень и прочел: «Пройдёт и это».

И действительно, прошло. Правда, не само по себе. В стране началась перестройка, а в Таджикистане — гражданская война, и все душевное смятение, сугубо личное отодвинулось куда-то на второй план, затаилось, перестало быть единственной болевой точкой. В городе шли бои, на улицах по нескольку дней лежали истерзанные трупы. Ну какие уж тут разводы! Надо было либо решаться на отъезд, либо думать о том, как выжить здесь. Причем всем вместе. А потом пришла смерть и внесла свои коррективы: проблемы стали куда сложнее.

«Ах, солдат, солдат! – мучилась Марина. – Может, прав он, и я тоже всегда была счастлива и не понимала этого». Ей никогда не было так одиноко и страшно. И только за одно благодарила судьбу — что с ней теперь отец. Он считает, что в смерти их близких виновен Рустам. Если так, то он все-таки оборотень, и не мистический, а самый настоящий. Еще студентом он писал реферат по книге Фазлитдина Мухаммадиева «Путешествие на тот свет», где высмеивались верующие, совершавшие хадж в Мекку, а позже и вовсе доказывал в своих работах, что Пророка Мухаммеда никогда не существовало, как и самого Аллаха. Научный атеизм стал его профессией. Мама считала Рустама своим лучшим учеником. И когда же, как стал он одним из идеологов радикальных исламистов? Оборотень...

* * *

шчего, кроме нескольких книг и личных вещей, Марина не взяла из своей квартиры. Да еще сумочку, расшитую бисером, такую нарядную в их строгом интерьере, почему-то тоже решила взять с собой. Отъезда ждала с нетерпением. И Фридрих обещал со дня на день. Его квартира была теперь почти пустой, зато вагон он не только загрузил, но и благоустроил с немецкой педантичностью и любовью к порядку. В глухой стене выпилил квадратик, который плотно, невидимо для окружающего

глаза прикрывался изнутри. Без окошка, даже такого, долгую дорогу выдержать трудно. Сделал навесные ступеньки со стороны другой стены — той, что раздвигалась, чтоб удобнее было подниматься в вагон: стоять-то будут не у платформы. Мебель разобрал и уложил так, что получились два удобных спальных места. Уже завтра они должны были переселиться в вагон, а потом, как было обещано, в течение суток ждать отправления. Но непредвиденные обстоятельства заставили поторопиться.

Вечером в квартире Марины зажегся свет. Фридрих зашел в соседний подъезд, постоял у знакомых дверей и нажал кнопку звонка. Дверь открыл мужчина лет тридцати, на вид — настоящий боевик, здоровый, мускулистый, заросший бородой так, что лица толком не увидишь, только глаза — сумрачные, а взгляд — диковатый и явно недружелюбный. Фридрих приложил руку к сердцу, поклонился, произнес приветствие, которое положено произносить при встречах, на чистейшем таджикском языке.

Незнакомец пробормотал ответные, пристально вглядываясь в лицо Фридриха. Спросил с сомнением:

- Ты что, таджик?
- Конечно, брат, разве ты не видишь? улыбнулся Фридрих.
- Я вижу, что не похож, хотя говоришь по-нашему правильно.
- У меня мама была русская, но отец дома разрешал говорить только на таджикском.
- Твой отец был умный человек. Выходит, ты мусульманин? Обрезанный?
- Все так, брат. Надеюсь, ты не попросишь представить доказательства? Фридрих засмеялся.

Незнакомец не отреагировал на шутку, и во взгляде его не исчезла настороженность.

- Зачем пришел?
- Понимаешь, я здесь живу недалеко, хожу по квартирам, подрабатываю. Кран починить, унитаз поставить, веранду застеклить, мебель новую собрать или старую отремонтировать всё умею. У новоселов много хлопот. Беру недорого.

Бородатый помолчал, раздумывая над чем-то.

- Нет, брат, мне ничего не надо. Понимаешь, я здесь пока жить буду, но я не хозяин. Хозяин сейчас в отъезде...
  - Так я и Рустама хорошо знаю. Вот и поду-

мал: вернется из Москвы — обрадуется, что все в порядке.

- Откуда Рустама знаешь? теперь взгляд собеседника стал откровенно враждебным.
- Так он с моей дочкой в университете учился, Фридрих впервые сказал правду. Такой красивый, умный парень.

Совершенно неожиданно из квартиры раздался голос:

- Масуд, ты с кем там разговариваешь?
- Да тут пришел один, говорит, если что надо отремонтировать, он сделает.
  - Скажи ему: ничего не надо. Пусть уходит.

Голос, похоже, принадлежал человеку пожилому, но звучал властно.

Фридрих сначала решил, что этот, как выяснилось, Масуд, в квартире один, оттого даже растерялся.

— Всё, ухожу, если старший велит, надо повиноваться. Я чту законы Шариата. Только один вопрос, брат. Я слышал, бывших хозяев убили. Это правда? — и добавил: — Я бы не стал жить в такой квартире.

Ответа не ждал, был уверен, что бородатый просто захлопнет дверь, но он, напротив, даже шагнул за порог и, приблизившись к Фридриху вплотную, произнес сквозь зубы:

 Правильно сделали. Собаке — собачья смерть. Это были кафиры. Они мешали правоверным построить мечеть.

Сил на улыбку у Фридриха уже не хватило, но он все же попрощался как положено и поспешил к себе домой.

В прихожей окликнул Марину:

- Марина, я сейчас позвоню другу, которому продал квартиру, он отвезет нас на вокзал.
   Заодно передам ему ключи.
- Дядя Федя, что-то случилось? встревожилась Марина. Ведь ты сказал, что завтра...
- Непредвиденные обстоятельства: поезд может отправиться уже сегодня ночью. Ну, а если нет, будем обживаться в своем вагончике.

Когда приехал Сабир, тот самый, что помогал им в день похорон, Фридрих сказал:

Спускайтесь вниз, я через минуту-другую...
 Медленно обошел комнаты, постоял, прислонившись к стене, закрыл глаза.

Здесь, в квартире, осталась кое-какая мебель, кухонная утварь, которые он не посчитал нужным взять с собой, и... целая жизнь. умерки сгустились. В вагон они вошли уже в полной темноте.

- Ничего, успокоил Марину Фридрих. Устроим романтический вечер при свечах. Впрочем, у нас и керосиновая лампа есть. А завтра и вовсе обживемся. Спать пораньше ляжем. Твоя постель вот у той стены, она более плотная, без шелей, дуть не будет.
- Я не привыкла так рано спать. Давай будем разговаривать. Ты мне расскажи про себя, про маму, про Марту.

Фридрих приоткрыл окошко, закурил.

- Дорога у нас будет долгая, еще наговоримся.
- Но ведь когда-то начинать надо...
- Ну ладно... Про интернат я тебе уже рассказал, да? После седьмого класса поступил в строительный техникум, жил в общежитии, потом стал строить электростанцию. И, хоть не имел высшего образования, как-то быстро выбился в начальники — бригадиром, прорабом. Моя первая ГЭС, где я руководил строительством, — Ширкентская. Так бы, глядишь, со временем взяли бы в главк, на высокое чиновничье кресло. Но... сгубила любовь к литературе. Приучил меня завуч мой еще в интернате к книгам, я уже жить без них не мог. Сам стал пописывать в газеты. Поначалу – короткие заметки, затем – зарисовки о передовиках производства, потом уже острые, проблемные материалы. Их почти не печатали либо выходили они в приглаженном виде: критика на страницах газет была строго дозированной. Когда удавалось вырваться в Душанбе, заходил в редакцию, пробовал объясняться — все без толку. Но зато подружился с заместителем главного редактора Иваном Травкиным. Это человек, который многое изменил в моей судьбе. Впрочем, как и я в его. Ну, мне он, так сказать, «обязан» тем, что его выгнали с работы. Замещая главного редактора (тот был в отпуске), опубликовал мой материал о произволе чиновников из министерства строительства республики, о том, кто и почему тормозил строительство ГЭС, так необходимой народному хозяйству. Не буду в подробностях, тебе это неинтересно. Меня не сняли, но в должности понизили. Я предполагал, что и в новом качестве продержусь недолго, а работу свою любил. Привык жить в палатках, в бытовках, возведенных на скорую руку среди дикой

природы, бродить по горам, кстати, к охоте пристрастился в те годы. Народ на стройках. опять же, интересный, неординарный. Но, когда бывал в столице, обязательно шел к Ивану, в его однокомнатную квартиру, где собирались такие же вольнодумны, как он сам. Бардовское движение тогда только зарождалось, не было Грушевских и прочих фестивалей. Мы пели в своем кругу под гитару Галича, Алешковского, уже ходили по рукам магнитофонные ленты Высоцкого, который ворвался в нашу жизнь мощным ураганом. Да и сами сочиняли песни по тем временам крамольные, доставали и читали самиздат, а vж про анекдоты и говорить нечего. Думаю, мы все были на крючке у соответствующих органов, а уж Ваня Травкин тем более, публикация моя стала просто поводом для изгнания опального журналиста. И ты знаешь, как он к этому отнесся? Обрадовался. Ваня был по образованию биолог, более того, кандидат биологических наук. В журналистику пришел, как многие, — стал писать и делал это талантливо. Наверное, и я бы смог со временем пополнить ряды собратьев по перу, но сложилось иначе. Бывший заместитель редактора устроился работать в заповедник «Тигровая балка», а где-то через месяц перетащил меня туда егерем. А обрадовался Ваня потому, что давно мечтал, как он говорил, все бросить к черту и посвятить себя литературе. Писал неплохие рассказы, но журналистика затягивала своей суетой, обязаловкой, да и должность все-таки. А тут както разом все решилось. Это были славные годы. Я пристрастился к охоте. Тигры, понятно, там давно не водились, но кабанов было предостаточно, да и всякой мелкой дичи. Мы, собственно, тем и кормились — оклады-то мизерные. Дикобразы по вкусу не уступают молодому поросенку, куропаток настреляем, фазанов. Но так, понемногу, чтоб прокормиться, — зря не били. В мои обязанности входило не только беречь и заботиться о братьях наших меньших, но и встречать гостей. И если что-то мне было против души, так это посещение заповедника высокопоставленными лицами, пожелавшими насладиться красотами природы, поохотиться. Ну, насчет красот, так это для красного словца говорилось, а охота состояла в том, чтобы убить зверя, уже подогнанного мною почти под дуло ружья. Затем, конечно, пьяное пиршество с девочками, короче, скотство одно... Но случалось это, к

счастью, не так часто. Приезжали гости и к нам, тот же Яша, сын завуча, уже известный врач, Ванины друзья, ну, все те, что когда-то ютились в его маленькой кухне. Только сидели мы теперь с гитарами у костра, лишь горы слушали нас и тут же отзывались звонким эхом.

- Ты там и встретился с моей мамой?
- Да, ответил Фридрих. Подошел к окошку, чуть приоткрыл, затянулся сигаретой, лицо его на миг осветилось, и Марина поразилась тому, как оно изменилось. Только что было чуть ироничным, но мягким и улыбчивым, а теперь постаревшим и скорбным. И все-таки попросила:
  - Расскажи, как это было...
- Как это было... глухо повторил Фридрих.— Приехала к нам группа студентов-биологов познакомиться с флорой и фауной заповедника. Среди них была и твоя мама.
- -Дядя Федя, ты ничего не перепутал? При чем тут биологи?
- Не перепутал. Она сначала училась на биофаке, это потом уже со второго захода поступила на философский... Так вот, стоял сентябрь, теплый и нарядный. Особенно хороши были камышовые заросли, то золотые под лучами солнца, то серебристые от прозрачной водной глади реки и тихо спускающихся сумерек. Ребята, кстати, добрались уже к вечеру, вот в это серебряное время. Мы как раз развели костер, готовили с Ваней ужин, как обычно, жарили какую-то дичь. Студентов было восемь человек пять парней и три девушки. И Вероника как-то сразу выделялась из всех.
  - Она что, была так красива?Фридрих засмеялся.
- Да нет, не поэтому... Понимаешь, она была хуже всех одета. Конечно, ребята собирались в заповедник, а не в театр, но на них были джинсы, не настоящие, конечно, настоящие в те годы только дети дипломатов, пожалуй, носили или валютчики какие. Наши, сшитые из плотной синей ткани и простроченные красными нитками, но все же. Курточки-ветровочки, кеды китайские на ногах, кроссовок тогда не было, а вот китайские вещи стоили дорого и отличались хорошим качеством. На ней же, на Веронике, трикотажные штанишки дешевые, тонкие, вытянутые на коленках, вельветовая курточка, из которой она явно выросла, а обута в белые спортивные тапочки, теперь та-

ких просто нет. Волосы заплетены в две косички. Несмотря на то что была достаточно высокой, — правда, очень худенькой, — выглядела лет на пятнадцать. И я подумал, что кто-то просто захватил с собой младшую сестренку.

Мы пригласили студентов к ужину, они сбросили рюкзаки и с удовольствием уселись вокруг костра. Только эта странная девчонка продолжала стоять и пялилась на меня во все глаза. У нее. кстати, и рюкзака не было, а какая-то кошелка. Мне стало неловко под ее пристальным взглядом, я даже смутился — может, выгляжу так диковато? Был я по пояс голый, разгорячился, когда рубил дрова, да и у костра достаточно жарко. Штанины брюк засучены до колен, бородой оброс, вот и смотрит на меня как на снежного человека. Подошел, улыбнулся, спросил: «Ты чья?» Она только головой помотала, что, должно быть, означало, ничья, и кто-то из ребят сказал: «Да она же с нами, однокурсница наша, Вероника». Наверное, детдомовская, подумалось мне. Видел я таких в интернате своем, угловатых, скованных, нелепо одетых, и даже не потому, что не во что, а потому, что научить было некому. Сказал: «Ну, здравствуй, Вероника, что же ты не присаживаешься вместе со всеми? Меня испугалась?»

И тут глаза и увидел... Господи, что это были за глаза! Темные, с каким-то фиолетовым отливом, знаешь, как спелая слива, и лучистые такие, даже слов не могу найти. Словно свет из них струился неземной какой-то. И что-то такое во взгляде — будто молила о чемто... Но о чем и с какой стати? Я растерялся, хоть был уже довольно взрослым мужиком, двадцать пять лет недавно отметил...

Марина попыталась вспомнить глаза матери, что в них такого было особенного? Да, темные, спрятанные за очками в тяжелой роговой оправе. Но сияния не было, точно не было.

- В общем, это была любовь с первого взгляда. У нее с первого, у меня со второго. Но на всю жизнь. Всё, довольно на сегодня. Давай укладываться спать.
  - А завтра доскажешь?
  - Не знаю... Ложись, и давай помолчим.

Уснуть не мог. Не отпускала тревога, и воспоминания нахлынули.

Тогда, в заповеднике, они устроили студентов на ночлег в своем жилище, в одну комнату – девчат, а в другой расположились парни

вместе с Иваном. Сам же Фридрих предпочитал до самых холодов спать в палатке. Любил, засыпая, слушать шум реки, шелест камышей, а просыпаться под звонкие песни птиц. Он уже начал задремывать, когда ему показалось, что кто-то скребется о брезентовый полог палатки. Недоумевая, кто бы это мог быть, вышел наружу и увидел Веронику.

- Что-то случилось? удивился и даже испугался Фридрих.
- Да, ответила ночная гостья. Он не посмел пригласить ее в тесную темную палатку, нырнул туда сам, вышел с шерстяным одеялом.
  - Пойдемте, расскажете.

В нескольких шагах от палатки лежал ствол поваленного когда-то ураганом старого дерева. Постелил одеяло и, когда они оба уселись рядышком, сказал как скомандовал:

- Ну, давай, что там у тебя.

Вероника молчала.

- Послушайте, - рассердился Фридрих. - Вы пришли среди ночи, подняли меня, сказали, что-то случилось, так выкладывайте.

Стояло полнолуние, было светло, как в предрассветные часы. Фридрих всмотрелся в лицо девушки. Было ли оно таким бледным или казалось в лунном свете, не понять, но глаза сияли, лучились так, что он даже зажмурился и тряхнул головой. Но то, что услышал через минуту, поразило его еще больше.

 Я знала, что встречу тебя, потому что я тебя люблю. Давно.

Фридрих невольно отпрянул, сел подальше.

- Мы разве знакомы? И даже на «ты»?
- Нет... То есть да... Я как увидела тебя, такого красивого, белокурого викинга...
  - Кого-кого?
  - Ну, я читала когда-то...
  - Между прочим, я немец.
- Да это неважно... Ты моя мечта, я тебя видела во сне много раз. Именно такого. И встречу нашу. И ты так же стоял у костра. Такое же не бывает случайностью, правда?
- Вероника, все это похоже на бред... Ты вообще как... в смысле психики?

И она, не обидевшись, так тихонько, с какой-то жалобной интонацией сказала:

- Я не знаю... Думала про это, но не знаю. А если действительно я не такая, как все, что же мне теперь делать?

У Фридриха даже сердце защемило, он больше не сердился на странную девушку. Только спросил?

- А мне-то что делать?
- Этого я тоже не знаю. Это вы должны знать.
- Я? удивился он. Я должен знать? хотел подняться и уйти, но вместо этого наклонился над лицом девушки, вглядываясь в мерцающие зрачки, и неожиданно для себя поцеловал ее в губы. Она губ не разжала, и Фридрих подумал, что ее еще никто, скорее всего, не целовал. А у него закружилась голова. Господи, что это? Наваждение какое-то.
  - Вот видите, я же сказала, что вы знаете...
- Да ничего не знаю! встал на отяжелевшие ноги, взял ее за руку, потянул за собой. Идите спать, ради бога, идите, и сам заторопился в палатку.

Проснулся со странным ощущением ирреальности происшедшего. Может, все только привиделось?

Утро было свежим, но день обещал стать жарким. Поэтому костер разжег спозаранку, пока еще приятно посидеть у огня. Солнце выкатилось из-за гор ярким оранжевым шаром, потом чуть поблекло, отдав цвет лугам, и они раскрасили, озолотили все вокруг. Ваня с ребятами подошел к костру, когда у Фридриха уже был готов завтрак: жареные куски кабанятины и печеная картошка. Ели весело, разогрелись, решили раздеться, позагорать. И Вероника тоже стала стягивать свою курточку и спортивные штаны. Фридрих подумал, что сейчас она окажется в какихнибудь доморошенных ситцевых трусиках и белом полотняном лифчике с пуговицами на спине, но на девушке оказался вполне приличный купальник, правда, довольно закрытый, синтетический, плотно обтягивающий худенькую фигурку. Она забралась на здоровый валун и, задрав голову, смотрела сквозь прищуренные ресницы на солнце. И Фридрих окинул ее уже мужским оценивающим взглядом. Ничего, стройненькая. Только колени и локти еще острые, как у подростка, но талия тонкая, спина прямая и округлости, где положено, все-таки есть. Но всего лучше была длинная шейка с трогательными впадинками у ключиц и легкими завитками, выбившимися из косичек, у затылка. Девушка, видимо почувствовав взгляд, посмотрела в его сторону. В ее темных глазах светились солнечные

золотинки. У Фридриха екнуло, защемило в груди. И вот это томление, беспокойство и что-то еще, что не поддавалось никакому определению, не отпускало его в течение всего дня, пока он водил студентов по заповеднику, и даже показал розовых фламинго, которые в те годы еще водились там, а вечером, за ужином у костра, они с Ваней рассказывали охотничьи байки и пели под гитару. А ночью она пришла опять...

«...Как хорошо, что Маринка уже заснула, — подумал Фридрих, — и я могу вспоминать в тишине вагона все, о чем так долго пытался забыть».

И вдруг услышал негромкий голос дочери:

- Я знаю, она пришла к тебе в палатку.

Фридрих вздрогнул. Про палатку он вроде бы вообще не упоминал. Помолчал, не зная, может, вообще сделать вид, что спит, но всетаки спросил:

- Почему ты так решила?
- Потому что я бы пришла.

Марина вспомнила, как вернулась к безногому солдату после его неприличной выходки, как прорвалась сквозь толпу к Чингизу Айтматову, и повторила:

- Я бы так сделала. Только любви такой с первого взгляда у меня не было. Да и вообще никакой... Хотя для той мамы, которую я знала, это странно. Что же ее так сильно изменило? Дядя Федя, расскажи, что было дальше, смутилась. Нет, я, конечно, не с той ночи... Вообще, в жизни, почему вы расстались? Расскажешь?
- Нет, не сейчас, голос Фридриха звучал глухо. – Может быть, потом...

А сам опять погрузился в воспоминания. Он ждал Веронику в ту ночь, что уж говорить... Даже полог палатки не задернул на молнию, хотя ночь была прохладной. И когда услышал шаги, замер, не встал навстречу, не вышел. Пусть все будет как будет. Вероника вошла и остановилась: после лунной ночи оказалась в кромешной тьме и растерялась. И тогда он сел, протянул ей руку. Когда девушка села рядом с ним, спросил:

- Вероника, чего ты добиваешься?
- Я подумала, раз уже это случилось, что мы встретились, пусть у нас все будет... Ну, как между мужчиной и женщиной... Понимаешь?
  - Да уж что тут не понять... усмехнулся

Фридрих. — A у тебя это самое когда-нибудь было?

- Ну что ты! она даже отстранилась от него.
  Как это могло быть, если я тебя только вчера встретила?
- «Странная девушка, и странны речи ее», подумал Фридрих.

А она торопливо продолжала:

- Ты не бойся, я потом не буду... Приставать к тебе не буду, ну, чтоб виделись, чтоб ты любил и вообше...
- А между прочим, от этого дети бывают, этото ты хоть знаешь?
- Конечно, знаю. Но о таком счастье я даже мечтать не смею.

«Надо встать и увести ее», — решил Фридрих, но девушка, словно догадавшись о его намерении, прислонилась к его плечу, прильнула. И где-то возле сердца, отбивающего такие удары, что, казалось, они слышны по всей палатке, он почувствовал ее маленькую, как яблоко, тугую грудь. Плоть его восстала, владеть собой было все труднее. Эта девчонка волновала его. И тогда он произнес фразу, которой испугался сам:

- Тогда давай так: пусть это будет сегодня и на всю жизнь.
- На всю жизнь... как эхо прошептала она.
   Отступать было некуда. Слово сказано, и значит оно Любовь.

Эту ночь нельзя было назвать ночью плотских утех. Фридрих боялся сделать ей больно, таял от нежности и какой-то непонятной жалости, лаская ее хрупкое тело с выпирающими ребрышками и ключицами, с грудью, которая умещалась в его ладони. А ведь ему всегда нравились пышногрудые полные женщины...

На рассвете они купались в речной заводи. Фридрих пытался отговорить Веронику — было достаточно свежо. Но она уверяла:

 Я люблю воду и никогда в ней не простужусь, потому что она меня тоже любит, — и так всерьез радостно добавила: — Мне кажется, что я когдато была русалкой. Ты сейчас увидишь, увидишь!

Рассыпала свои косички, распустила волосы, нырнула в воду, потом, лежа на спине, вытянула ноги, ступни развела в разные стороны. Настоящий рыбий хвостик получился. Выбравшись на берег, спросила:

– Ну как? Похоже?

Фридрих покачал головой, подразнивая ее:

- Нет! Русалки были зеленоглазые, со светлыми волосами. А еще у них были огромные груди.
  - Откуда ты знаешь?
- На Зеленом базаре, возле техникума, где я учился, бабушка продавала разрисованные коврики.
- Она просто никогда русалок не видела! Они как люди, совсем разные и... разноцветные.
  - Значит, люди, по-твоему, разноцветные?
  - Конечно! Ты, например, золотой.
  - Такого швета не бывает.
- Бывает, бывает! Вероника заплетала свои косички. Глаза ее сияли.

«Я люблю ее», — понял Фридрих, но вслух ничего не сказал, только обнял и прижал к себе худенькую девушку в мокром купальнике...

Марина, видимо, наконец действительно уснула, да Фридриха и самого потянуло в сон. Опытный охотник, он позволил себе вздремнуть, не переставая прислушиваться к звукам, которые могли бы его насторожить.

Утром Фридрих проснулся от непонятной, тяжелой тоски. Марина же, напротив, оживленная и отдохнувшая, с любопытством оглядывала свое временное жилище. Заметила, что ее постель не будет сразу видна входящему в вагон, она огорожена сложенными створками от шифоньера. Один из углов вагона закрывала клеенчатая занавеска. Марина заглянула за нее и смутилась: там стояло ведерко, прикрепленное к полу деревянным кругом. Поняла — «удобства».

- Мы можем стоять сутками, но потом так же долго ехать, пояснил Фридрих. Походные дела, все нормально...
- Мне вообще все нравится, сказала Марина. Даже не думала, что в вагоне так много может поместиться. И машина, и станки, и мебель, и книги.
- Да, он емкий, этот вагон, согласился Фридрих. Только того не сказал, что берут его в аренду обычно вскладчину, две-три семьи. Чтобы ехать вдвоем с дочерью, он заплатил за него практически все деньги, вырученные за квартиру.
- Дядя Федя, а чего ты так припечалился? Марина только сейчас заметила, что сидит он сгорбившись, обхватив склоненную голову руками.
  - Это трудно объяснить, но, понимаешь, я уже

однажды ехал в таком вагоне, и мне кажется, что сейчас я это вспомнил. Правда, он был забит людьми до предела, а из вещей — только небольшие узелки в руках.

- Ты имеешь в виду... Это когда вас перевозили сюда, в Таджикистан? Но этого не может быть. Ты же был совсем маленьким!
- Может, Марина, может. Это другая память, уже в генах. Сейчас уезжают и внуки тех, кто когда-то был изгнан из России, те же кулаки, «безродные космополиты», позже эвакуированные во время войны, наконец депортированные народы. Они выжили, подняли республику, оросили пустыни, возвели электростанции и давно стали считать Таджикистан своей Родиной. А теперь как «неверных» и «русскоязычных» их снова изгнали исламисты... Генная память штука тонкая, помолчал и неожиданно добавил: Вот так каждый немец, мне кажется, из поколения в поколение будет чувствовать свою вину за содеянное фашистами, хоть и не причастен он лично к их преступлениям.
- Ну, это немного другое, возразила Марина, но развить эту тему им не пришлось: дернулся, заскрежетал вагон, покачиваясь из стороны в сторону, затем на секунду остановился, дернулся опять и сдвинулся с места.
- Слава тебе, Господи! Фридрих встал, перекрестился.
  - Дядя Федя, ты чего-то боялся?
- Да как тебе сказать... Война, мало ли какие неожиланности...
- Я еще хотела тебя спросить: зачем ты столько фруктов, дынь взял и водки? Уж водка-то, наверное, в России не дефицит?
- Откупаться, Марина, откупаться. Я же говорил: путь будет долгим и длинным.
  - От кого?
- От таможенников, от бандитов, что зачастую одно и то же. Железнодорожникам придется в лапу давать. Сама все увидишь.

И она увидела – увидела многое.

Стучали сапогами, прикладами автоматов. Грязные, в камуфляжной форме, разбавленной какими-либо азиатскими атрибутами. Марина затаивалась, замирала в своем укрытии. Фридрих впускал этих то ли таможенников, то ли бандитов, разговаривал спокойно, даже приветливо, и она удивлялась его выдержке. Правда, держался он всегда справа от

входа — там среди сложенных книжных полок было спрятано охотничье ружье.

Легче было, когда ехали по территории Таджикистана, знание языка упрощало общение Фридриха с «гостями». К счастью, водка и на узбекском, и на казахском звучала одинаково: «арак». И на заученные вопросы на ломаном русском: «Наркотики есть? Оружие везете? Сейчас досмотр будем делать», — Фридрих, улыбаясь, отвечал: «Ничего такого нет. А вот арак для друзей найдется...»

Не легче было и с железнодорожниками. Едва останавливался состав, появлялся кто-нибуль из мелких путейцев, тот же обходчик. У него за бутылку можно было узнать, как долго ждать отправления, далеко ли до станции, а главное, будут или нет переводить вагон на другую ветку и цеплять к другому составу. И тут же решали, как распорядиться временем. Фридрих шел с ведром за кипятком, его мешали в тазике с холодной водой из припасенных канистр, по очереди мылись, не основательно, но хотя бы смыть с себя черную гарь, пробивающуюся сквозь щели, и даже простирнуть какую-то мелочевку. Хлопотно бежать к «горке» или «вышке» — странному сооружению, где располагалось начальство поглавнее. «Очень главное начальство» — то, от которого зависело, уехать со станции через сутки-двое или застрять на одну-две недели, да еще как отправят — тоже большая разница. Не подмажешь — значит, помчится вагон, разгоняясь и набирая скорость, и врежется бампером в другой так, что мебель в нем в мгновенье превратится в щепки, машина, стоящая без колес, все же сорвется с места – и дай бог, если сам останешься жив-здоров. А подмажешь - поставят вовремя башмак или костыль, и притормозит вагон, сбавит ход и мягко остановится перед стоящим впереди составом.

Фридрих шел на «вышку» не только с водкой, но и с тушенкой, курагой и орехами, иногда деньгами приходилось приплачивать. Поэтому остановок Марина боялась, ей нравилось, когда ехали долго, без остановок. Можно было смотреть в окошко — там, за гравием железнодорожного полотна, зеленела трава и расцветали полевые цветы. Изредка встречались небольшие выложенные камнем, иногда раскрашенные мавзолеи. Так хоронили кочевники умерших в пути собратьев, наперед зная, что никто не придет проведать, поправить могил-

ки. Строили сразу навсегда и уходили дальше. Видела Марина и смешных маленьких зверьков, чаще всего стоящих столбиком, любопытных сусликов. Так на задних лапках они и поворачивались вслед уходящему составу.

Но больше всего она любила беседовать с отцом, заполняя тот вакуум, в котором, понимала, сама была виновата. Поведав о первой встрече с ее матерью, Фридрих как-то застопорился с рассказом. На настойчивые расспросы — что же было потом, отчего они расстались, отвечал односложно и неохотно, хотя, наверное, хватило бы одной фразы: мы расстались, потому что твоя бабушка упрятала меня в тюрьму, а маму — в психушку... Но произнести этих слов он как раз и не мог. Фридрих о ней и о живой не посмел бы сказать плохо, а уж об убиенной... Не похристиански это. Да и девочку зачем же так травмировать? Ведь она выросла со своей бабушкой и наверняка любила ее.

Когда студенты собрались уезжать, Вероника заявила, что останется в заповеднике. Просила сокурсников позвонить матери, чтобы та не беспокоилась, а еще передать, что встретила свою любовь и очень счастлива.

На уговоры Фридриха вернуться домой, лично поговорить с матерью, что-то решить с университетом — (уж коли решила остаться с ним, нужно перевестись на заочное; здесь, в заповеднике, можно будет устроиться лаборанткой, и вообще, надо все всерьез, пожениться официально) — Вероника только отмахивалась:

— Потом, все потом... Я не могу, не готова пока расстаться с тобой. У меня такое чувство, что если уеду, то потеряю тебя. Помнишь, «с любимыми не расставайтесь...»

Решили через неделю поехать вместе, — как раз должен был вернуться из отпуска второй егерь. Но не успели...

Эти двое появились в заповеднике в воскресенье под вечер. Крепкие, высокие, в штатском, но Фридрих сразу понял, что они имеют отношение к спецслужбам и явились по его душу. Так охотник чувствует опасность, еще не понимая, откуда она.

Документы показать отказались, твердили, что приехали поохотиться. Лицензии тоже не предъявили. Изображали приблатненных: «Да че вы, ребята, в натуре, договоримся...»

– Ладно, давайте покажу вам места для охоты,

по дороге и договоримся, — предложил Фридрих.

Надо было отвести их подальше от Вероники и Ивана – понимал, что драки не избежать. Боялся не только за девушку. Ваня – умница, золотое сердце, но вот физической силы Бог ему не дал. Невысокий, худенький, очень близорукий – сбей очки, и совсем беспомощен. А главное, не было в нем куража, отчаянной злости, которая может удвоить силы. Фридрих драться умел. В интернате физкультуру преподавал бывший военный разведчик, израненный, контуженый, оттого не всегда адекватный, бывал груб, но воспитанников жалел и любил. И хоть карате и дзюдо были в то время под запретом, потихоньку учил ребят приемам, предупреждая: «У вас здесь ни пап, ни мам, заступиться некому. Умейте защищать себя. Но только защищать! Узнаю, что не по делу кого-то избили, будете иметь дело со мной».

Фридрих легко усваивал науку: он еще в раннем детстве прошел школу выживания. Помнил он и основной постулат учителя: если уверен, что драки не избежать, бей первым. Он так и сделал. Но те двое были мужиками не хилыми и приемам тоже обучены. И все-таки Фридрих одолел бы их, если бы не подлый удар кастетом по голове. Он очнулся часа через три и, шатаясь, добрел до своего домика. На кушетке с разбитым лицом лежал Ваня, на полу — раздавленные очки. Вероники не было.

Арестовали Фридриха следующим утром. Кроме нанесения тяжких телесных повреждений сотрудникам милиции, поначалу инкриминировали и насильственное удержание девушки, но, видимо для того, чтобы довести эту статью до суда, нужны были показания Вероники, которые она давать отказалась. Несмотря на это, шесть лет тюремного заключения он все-таки получил.

Да, непростой штучкой оказалась эта скромная учительница, мать Вероники. Но если Марина когда-то узнает об этом, то не от него... Поэтому он отвечал уклончиво на настойчивые вопросы, отчего же они все-таки расстались.

- Видишь ли, я попал в тюрьму так, за драку, по глупости...
- И что, мама тебя не дождалась? Нашла другого?
- Ну не то чтобы не дождалась, уж никакого другого у нее никогда не было, ты об этом

прекрасно знаешь. Просто... разлюбила, занялась наукой.

- А почему атеизм? Она же на биофаке училась?
- Перевелась на философский, досдала какието экзамены и зачеты. Знаешь, время такое было... Хрущева вспоминают чаще всего в связи с оттепелью да еще кукурузой. А ведь именно в пору его правления были гонения на церковь и преследование верующих, сравнимые разве что с тридцатыми годами. Он даже обещал показать через несколько лет по телевизору последнего попа. Спасибо, священников не расстреливали. Так что грамотные атеисты были востребованы.

Фридрих даже оживился: сумел сменить тему, о Хрущеве говорить было легче, чем о себе и Веронике. Но не тут-то было.

- Ты хочешь сказать, что мама променяла любовь на карьеру?
- Нет, ничего такого я не хотел сказать... Не мучай меня, Марина...

И действительно, разве в карьере было дело? Там, в тюрьме, он писал ей каждый день, но ответа не дождался ни разу. Потом узнал, что письма его Вероника не получала. Что целый год пролежала в психиатрической больнице, а когда он вышел, не захотела увидеться с ним. Фридрих все-таки подстерег ее возле дома, перегородил дорогу и уже не просил, а требовал объяснения. Вероника молчала, смотрела в сторону. Он удивился переменам в ее внешности: осунувшееся бледное лицо казалось глупым. И еще эти очки... Протянул руку, снял их, надеясь хотя бы в глазах увидеть прежнее сияние. Глаза были мертвыми. Его Вероники больше не было.

Тогда Фридрих спросил о дочери.

 Я записала ее на фамилию своего отца. И отчество тоже его — Николаевна, как и я, бесцветным голосом ответила Вероника.

Фридрих со временем все-таки решит проблему — как не только видеться со своей дочерью, но и общаться с ней. Но это будет потом. А тогда...

Вероника повернулась и пошла к своему дому. Фридрих смотрел на ее худенькую спину, и вдруг гнев сменился щемящей жалостью. «Бедная моя русалочка, что же с тобой сделали!» — вырвалось у него. Сказал негромко, но она услышала, остановилась, вздрогнула спиной, дернула плечиками, постояла, но не обернулась, ушла.

Марина, почувствовав настроение Фридриха,

укоряла себя за назойливость и решила никогда не приставать к нему с расспросами о матери. Но думать-то не перестала, чем дольше размышляла, тем менее понимала: что-то не так было в их семье. Похоже, бабушка и мама не любили друг друга и были равнодушны к ней. Назойливо лезли в голову воспоминания о мелочах. Однажды, когда еще училась в школе, сломался кран, горячая вода хлестала, выливалась из раковины. Мама собирала ее тряпкой и отжимала в подставленное ведро. Вызванный из ЖЭКа слесарь пришел пьяным и все, что сделал — перекрыл воду, а на другой день не явился вовсе. Мама нервничала, даже заплакала. И тогда бабушка процедила сквозь зубы:

Ну, иди, позови своего фашиста.

И Марина не поняла (не захотела понять?), о ком она. Убежала гулять с подружкой, а когда вернулась, кран был уже починен.

Вообще, как она мало знает о своей семье, о дедушке, фамилию которого носит и о котором никогда не вспоминали ни мама, ни бабушка. Да она ведь никогда и не спрашивала. А теперь и спросить не у кого. Разве что у бабушкиной сестры, если та еще жива, конечно.

Проснулась Марина от запаха кофе. Это Фридрих уже вскипятил на спиртовке в ковшике воду. Бросил в нее немного молотого, настоящего кофе, добавил в кружки по ложечке растворимого. Разогрел банку тушенки, мелко поломал сухари, бросил их в жестяную чашку, опрокинул туда тушенку. Получилось вкусно. Ели они из одной чашки, чтобы не копилась грязная посуда и не расходовалась лишняя вода. Марина внимательно вглядывалась в лицо Фридриха — оно было спокойным, да и глаза глядели повеселее, чем вчера, оттого и рискнула просить:

- Дядя Фридрих, а про Марту ты можешь рассказать? – тут же торопливо добавила:— Если не хочешь, не надо.
- Отчего же... Про Марту расскажу. Я даже сам собрался это сделать. Что тебя интересует?
- Да все. Как вы поженились? И почему она так любила меня?
- Ну, насчет любви это как раз просто.
   Она любила тебя прежде всего потому, что ты моя дочь.
- Странное объяснение. Как-то в сказках все по-другому. Ошибается народная мудрость. Марта мне вроде как мачеха...

- Народная мудрость не ошибается. Только в каждой сказке, ты вспомни, отец падчерицы обязательно нелюбимый, жалкий, презираемый женой и ее дочерьми человек. По велению злой мачехи даже отвезет и оставит в лесу бедную сиротку, хоть и поплачет над ней. А если женщина любит мужчину, она обязательно перенесет свою любовь на его детей. Меня Марта любила.
  - А как ты с ней познакомился?
- Да никак не знакомился, мы росли вместе в одном бараке. Мать у нее была полусумасшедшая. Я уже, кажется, говорил о ней — Хельга, которая все мечтала, что Гитлер победит и дойдет до Таджикистана, и тогда уж она всем покажет... Мама моя ее не любила и боялась. А Марта была тихая, хорошенькая белокурая девочка. И вот случилась с ней большая беда.

Фридрих встал, подошел к окошку, затянулся сигаретой. И вдруг сказал как-то растерянно:

— Да что ж это за жизнь такая! Что не начнешь вспоминать, все тяжело... Прямо как в песне: «Три счастливых дня было у меня...» Ну, не три, а неделя, которую провел с твоей мамой в заповеднике...

Марина вскинула на него испуганные глаза: она ведь не начинала этого разговора, про маму. Фридрих замолчал, сам понял — снова не туда повело... Но какие же это были счастливые дни! Смял сигарету, откашлялся:

 Так вот... Хельга эта сошлась с каким-то пришлым мужиком-алкоголиком, не знаю, откуда он взялся в совхозе. Хельга тоже стала пить, дрались они часто. А однажды отчим этот изнасиловал Марту, ей лет одиннадцать было. Ну, подонка посадили, много дали, по-моему, лет пятнадцать. В совхозе, конечно, все об этом знали, Марта в школу перестала ходить, видимо, стеснялась, а может, от пережитого отойти не смогла. Да мало того, эта ненормальная Хельга стала относиться к ней не как к покалеченному ребенку, которого лаской и добротой лечить надо, а как к женщине-сопернице. Обзывала ее так, что слово «шлюха» было самое приличное, избивала за то, что та ее мужа лишила. Моя мама девочку жалела, часто забирала к нам домой, а когда я уехал учиться в интернат, та и вовсе осталась жить у нас.

Когда я работал на стройках ГЭС, получил в Душанбе двухкомнатную квартиру, но она больше пустовала, даже когда приезжал в столицу, то шел к Ване. Потом уговорил маму приехать, она согласилась, но только с Мартой. Я сказал — пожалуйста, мне-то что, лишь бы тебе хорошо было. Прописал обеих.

Когда меня посадили, мама стала болеть, сердце сдало. Еще бы... Такие надежды связывала с сыном, а тут тюрьма. Марта за ней ухаживала, она же ее и похоронила за восемь месяцев до того, как я вышел на свободу. И тем, что жила в моей квартире, сохранила ее для меня. Раньше при сроке более полугода осужденный лишался квартиры, если там никто не проживал или родственники не хотели принять в лоно семьи заблудшую овечку. Многим только и оставалось, что возвращаться обратно за решетку... Когда вернулся, мы жили с Мартой как брат с сестрой. А потом, когда я понял, что Вероника меня больше не любит...

- Как это все-таки странно, дядя Федя...
- Ну, я опять могу процитировать Соломона, притчи которого наизусть выучил в доме моего завуча еще подростком: «Никто не знает, откуда приходит любовь и куда она уходит». Так вот я и подумал: а чего мне еще искать, когда рядом преданная и любящая Марта. Многие друзья не поняли моего выбора, но ведь я никого и не выбирал, хотя женщинам нравился.
  - Еще бы! Ты же, дядя Федя, красавец.
- Да дело не столько во внешности. В молодости на всех посиделках играл на гитаре, пел. А гитаристов, как и гармонистов, всегда любят.
  - А я даже не слышала никогда.
- Я практически после того как ... Ну, как расстались с мамой, и не брал в руки гитару. А если и брал, то когда был один. Просто руки скучали. Да и душа тоже.
  - А она едет с нами?
  - Едет, конечно. Куда ж ее, подругу юности!
  - Спой когда-нибудь для меня.
- Когда-нибудь спою... Марта так до конца и не повзрослела, была, пожалуй, несколько странной. А может, мне на роду написано любить странных женщин. Я ведь Марту тоже любил, но совсем по-другому. Спокойно и просто, как очень близкого человека. Она была мне хорошей женой.
  - Знаешь, дядя Федя, я ее очень любила.
  - Знаю.
- А как вы оказались в одном доме с нами? Это случайность?

- Нет. Не случайность. Однажды соседка попросила отвезти ее к матери, по дороге жаловалась, что мать старая, больная, а к ней уйти жить не соглашается. Вот и приходится из одного конца города мотаться в другой с тяжелыми сумками. Я еду, слушаю краем уха, и вдруг мы подъезжаем прямо к вашему дому. Я сразу спросил: не захочет ли ее мама поменяться со мной квартирами? Соседка так обрадовалась! Говорит, лишь бы вы захотели. Квартира у нее в плохом состоянии, не то что у вас. Я успокоил для меня это не проблема.
  - Ты из-за мамы поменялся?

Фридрих задумался.

— В какой-то момент, может быть, из-за нее. Но главное — из-за тебя. Я все ломал голову над тем, как мне с тобой видеться без особых разрешений и препятствий. И видишь, выход нашелся.

Так за разговорами и бежало время. Час за часом, сутки за сутками. Беседовалось лучше под стук колес. Остановки были томительными и напряженными, вносили суету ожидание таможенников, переговоры на «вышке» и чувство тревоги. Даже когда, казалось, ничего не предвещало беды.

В тот роковой день Фридрих нервничал больше обычного, может быть, почувствовал, что на этот раз несчастье не обойдет их стороной. И все-таки после того, как навестили их таможенники и он узнал, что стоять им придется долго, расслабились. Вышли погулять, подышать воздухом, но гуляли недолго: подул северный, холодный ветер, вместо снежинок поднял и закружил в воздухе песок, в мгновение превратив ясный день в сумерки. И пока они возвращались, – а ведь недалеко ушли, – песок покрыл их головы, одежду, заскрипел на зубах. Марина стала стряхивать его, а Фридрих решил добежать до станции, взять кипятку и хоть в тазике, но немного ополоснуться. Оттого не заперся на задвижку. Тогда появились эти двое казахов. Один — пожилой, в камуфляжных штанах и треугольном малахае, отороченном мехом, другой парень лет двадцати, тоже в камуфляжной куртке и брюках, только на голове драная кроличья шапка. У обоих за плечами по автомату. Лопотали что-то по-своему, понятны были только два слова: таньга и арак. Фридрих, поставив пустую канистру на пол, стал вытаскивать

бутылку, достал из кармана деньги. И тут старший увидел Марину. Глаза его налились кровью. На Фридриха он больше не смотрел, но автомат снял с плеча и плотоядно облизал губы.

Фридрих сделал шаг к ящикам с книгами. Марина знала, что за ними лежит его охотничье ружье, знала и о том, что в одной из книг — подарочном издании «Графа Монте-Кристо» — вместо страниц — тайник, где он прятал еще и пистолет. Но автомат уже был нацелен ему в грудь. Марина не закричала, не кинулась прятаться, не бросилась за спину Фридриха. Голова работала четко, мысли выстраивались в логическую цепочку. И доминантою звучало: она должна спасти единственного дорогого ей человека. Это было почти спокойствие: спокойствие шока...

– Дядя Федя! Ты не успеешь. Они расстреляют сначала тебя, потом, когда сделают то, что хотели, меня. Умоляю, выйди, оставь нас. Я взрослая женщина, я это переживу.

И стала раздеваться. Потом все-таки сорвалась на крик:

Дядя Федя! Ты что, хочешь увидеть все это?!
И тогда он развернулся и выпрыгнул из вагона.

«Ничего, — продолжала уже вслух твердить Марина. — Я же действительно переживу. Если совсем не искалечат. А если убьют, то еще лучше. Потому что все, кто были у меня — в Душанбе, и все — мертвые».

Сняла джинсы, потом трусики — не хотела, чтобы они сами сдирали одежду.

Старший казах отдал автомат молодому, стал стягивать штаны, при этом крутил головой в малахае и причмокивал губами. Младший приставил оба автомата к ящикам и расстегнул ширинку на камуфляжных брюках. Если сам не успеет, то хоть побалуется...

Марина согнула ноги в коленях, увидела, как кожа на них покрывается пупырышками, и закрыла глаза. И тут словно огромная птица влетела в вагон, метнулась где-то под потолком — старший казах сначала хрюкнул, потом издал какойто горловой, хлюпающий звук и рухнул на Марину. Через секунду рядом с ним упал молодой...

Фридрих накинул одеяло на Марину, приговаривая: «Я сейчас, сейчас, ты немного потерпи...»

Быстрыми, ловкими движениями связал два бездыханных тела, воткнул каждому в рот по кляпу. Сначала вытащил старшего, оглядевшись, поволок вниз по насыпи, в рощицу густых

саксаулов, потом туда же оттащил молодого, а в третий раз вынес два автомата. Когда вернулся, Марина была без сознания. Фридрих завернул ее в одеяло, налил в стакан водки и попытался разжать сомкнутые зубы.

- Ну же, Марина!

Похлопал по щекам, потряс за плечи и стал потихоньку вливать в нее зелье. Марина отплевывалась, кашляла, но несколько глотков все же сделала. Фридрих, бережно подоткнув со всех сторон одеяло, накинул на нее еще одно, а потом еще свою меховую куртку. Спасительный сон на время унес Марину от страшной действительности. А когда она проснулась, первые слова ее были странными, непонятными:

- Это мой буранный полустанок... прошептала она.
  - Какой полустанок? переспросил Фридрих.
  - Который длится дольше века...

И не важно, что это не Киргизия, а Казахстан, а буран из песка, а не из снега... Но неужели теперь навсегда, неужели действительно дольше века?

- Чингиз Айтматов, сообразил Фридрих. Марина! Это ведь о любви. Только она может длиться дольше века, все остальное просто забудется. Мы еще поговорим об этом. А пока... Молись, Марина, чтобы не нашли их раньше, чем тронется состав.
  - Я не умею молиться, дядя Федя.
- Это не обязательно уметь. Молись своими словами.

Так просидели они в темноте, не зажигая ни керосиновой лампы, ни даже свечи. В полночь состав тронулся, и никогда свисток паровоза, перестук колес не были такими желанными и радостными.

— Всё, девочка, всё... Мы уже недалеко от российской границы, от Урала. А когда пересечем ее, я посажу тебя в нормальный поезд, в чистое купе, и ты доедешь в нем до самой Москвы. Оттуда на автобусе или электричке до Владимира к своей тетушке, а я за это время доберусь до своей сестры, обустроюсь и буду ждать тебя.

И действительно, до Урала они лишь раз останавливались на несколько часов. Когда состав замедлил ход, Марина увидела одинокого верблюда, который бежал вдоль насыпи, словно хотел обогнать их, а когда остановились, тоже встал прямо напротив их вагона и, задрав голову, издал негодующий вопль. Сквозь стекло она разгляде-

ла желтые зубы, с которых белыми сгустками падала пена. Верблюд топтался на месте, бил копытами. Подошедший к окошку Фридрих сказал:

— Ишь ты, отбился от каравана или стада. Весенний гон — пора любви. А тут состав преградил беглецу путь, и он нервничает, боится потерять свою любимую.

Верблюд между тем успокоился, видимо сообразил, что стоящий состав можно обойти, и побежал по направлению к последнему вагону. И тут Марина увидела, что степь за насыпью полыхает ярким малиновым заревом, будто обагренный солнцем закат не ушел за горизонт, а опустился на землю и расстелился по ней.

- Верблюжья колючка цветет, пояснил Фридрих.
  - Дядя Федя, а что же мы раньше ее не видели?
- Потому что на юге Казахстана она уже отцвела, а здесь, на Севере, для нее настала пора. Давай подойдем поближе — полюбуещься.

По мере того как они приближались, колючка уже не казалась сплошным ковром из багрового зарева, она делилась на кустики, между которых проглядывала желтая песчаная земля, но и теперь казалась сказочным полотном, расшитым искусной мастерицей. Да уж куда искусней — самой Матерью-Природой.

Знаешь, Марина, для меня всегда были загадкой два цветка: алые маки, что покрывают весной предгорья, и верблюжья колючка. Мальчишками мы ходили в горы за первыми тюльпанами, приторговывали потом букетиками. А маки не собирали – до дома не донесешь, в вазу не поставишь. Они уже через пять минут в руках поникнут и осыплются. Вот так: смотри и не трогай... Как на радугу, как на перламутровые облака. И ведь это что-то значит на языке цветов, как ты думаешь? А может быть, учат нас сохранять эту радость в памяти, в сердце? И верблюжья колючка, раз я расфилософствовался... Отчего, для чего вернее, она так красива? Ведь верблюды, как все животные, насколько я знаю, цвета не разбирают. А на корм годится и бесцветная! Так для чего? Для одинокого караванщика? Для таких путников, как мы с тобой, нечаянных свидетелей ее красоты? Да нет, не нечаянных. Ведь дорога наша, хоть и не пешая, была достаточно тяжелой, нам пришлось столкнуться с такой человеческой мерзостью... Может, она для нас так расцвела, чтобы воспрянули душой и не дали ей застопориться, зациклиться на этой мерзости.

Марина, глянув на Фридриха, увидела, что лицо его действительно просветлело, стало почти как раньше, еще до гибели ее родных.

- Как странно, дядя Федя! Я тоже ищу и нахожу знаки судьбы, как-то истолковываю их для себя, стараюсь понять, что-то предопределив. Хотя так уж ли странно, ведь ты мой отец... Но понять не всегда дается... Я сейчас вспомнила безногого солдата, которого спросила однажды, был ли он счастлив когда-нибудь. Знаешь, что он ответил? Что был счастлив всегда до момента, когда война сделала его калекой, только не понимал этого. И вот я думаю: может, прав солдат, и я была тоже счастлива, когда у меня были мама, бабушка, Андрюша, но не сумела оценить и понять это...
- Ах. Марина! Трудный разговор мы затеяли. Никому еще не было дано определить, что такое счастье, потому что оно у каждого свое. Конечно, если бы солдат проснулся однажды здоровым и полноценным, он был бы безмерно счастлив. И по траве босиком ходил бы, как мы с тобой. Но это только его счастье, да и то, поверь, не очень долгое. Иначе все мы, здоровые люди, были бы тем и счастливы. По аналогии можно представить человека, рожденного слепым и вдруг прозревшего. Это ли не счастье?! Ну а остальные миллионы зрячих – как быть с ними? Всех записать в счастливчики? А что касается тебя — ты еще вообще не была счастлива. Благополучие, стабильность – да, это действительно очень ценно, и сегодня мы оба лишены этого. Но ведь ты и любви не знала. Не возражай, не надо, не любила ты Андрюшу, хотя парень, похоже, он был неплохой. А по-моему, так только любовь и делает человека счастливым.
  - Даже несчастная?
- Не бывает любви несчастной. Испытав ее, ты уже очистился, как бы поднялся на другой виток мироздания, ты уже на ступеньку ближе к Богу, потому что Бог есть любовь. Однако пойдем, Мариночка, пойдем в свое жилище на колесах, с которым, Бог даст, скоро расстанемся. А колючек я сейчас нарежу, в отличие от хрупких маков, этот букет будет долго стоять, даже без воды. Жалко, перчаток не взял, ну да мои руки так просто не уколешь задубелые.

Следующий раз товарняк остановился уже на границе с Россией, где стоять ему предстояло почти сутки. Фридрих был этому только рад и носился от состава до станции без передышки. Первым делом принес ведро кипятку, чтобы Марина смогла вымыться и привести себя в божеский вид, холодной воды у них в канистрах было еще много. Но главная забота — взять ей билет на поезд с таким расчетом, чтобы не оставлять дочь одну на чужой станции, а успеть самому проводить ее, посадить в вагон.

И вот они уже стоят на освещенном перроне, и Марина в добротной курточке и новых джинсах, с цветным шарфиком вокруг шеи, в голубой, как ее глаза, беретке — симпатичная молодая женщина. Фридрих не может налюбоваться на свою дочь, на свою кровиночку, с которой они разъедутся ненадолго, чтобы потом уже никогда не расставаться. Торопиться некуда: до отхода поезда целый час. Фридрих еще раз напоминает: доллары не доставать, тех русских денег, что он поменял, вполне хватит и на постель, и на еду, и на дорогу во Владимир. Сумка у нее спортивная, нетяжелая, взяла самое необходимое, что может пригодиться в дороге.

Все хорошо, — уговаривает себя Фридрих,все хорошо...

Только на сердце неспокойно. Господи, отчего так неспокойно на сердце. И надо же было бабушке дать ей этот адрес... Что же за червячок так точит его, подбирается к сердцу? Да потому, что никогда от этой старухи ничего хорошего не исходило. Одни беды...

Беды, беды, беды — стучит сердце. И вот уже не час, а всего десять минут остается до отправления.

— Марина, послушай! — притягивает ее к себе, обнимает. — Не уезжай. Потом вместе съездим. Давай уж домучаемся вместе, осталось совсем немного... А потом вместе — я тебе обещаю. Билет? Да какая ерунда! Вот урна стоит. Ну, Марина!

Отстраняется, в глазах слезы.

– Дядя Федя, ну что ты? Я так не смогу. Я же обещала, это последняя просьба, наказ. Нет, нет, я поеду, все будет хорошо.

Вместе с ней вошел в купе. Там уже сидит старушка, разложила вязанье. Это хорошо, что старушка... Хотя кто их знает...

Проводница просит провожающих покинуть

вагон. Фридрих торопливо целует Марину, уходит, спрыгивает на перрон. Марина подходит к окну, поезд медленно плывет вдоль перрона. Фридрих вытирает ладонью лицо, оно мокрое. Удивляется: он что, плакал?

от уже третий год я живу в России, в маленьком селе между Владимиром и Суздалем. Землю эту называют благодатной и благословенной. Совсем рядом Боголюбовский храм и монастырь, построенный по велению князя Андрея Боголюбского. Здесь, по преданию, споткнулся его конь, отсюда и пошла

Владимиро-Суздальская Русь.

Первые два года мучила ностальгия по Таджикистану, где родилась и выросла. Я ощущала ее просто физически, чувствовала, как накатывает и сковывает душу. Все здесь другое, или нет — я другая. Нас, приезжих, кстати, местные жители так и называют — «другие русские». Относятся настороженно. Не так, конечно, как к «черным», но все же...

Потом стало не до ностальгии. Тяжело, безнадежно заболел муж: саркома легких. От диагноза до кончины прошло два месяца. Я была неотлучно при нем, младшая дочь работала, бегала по врачам выписывать рецепты, потом в специальную аптеку за наркотиками, сама делала уколы и подменяла меня вечерами, когда я на несколько часов засыпала. Старшая дочь и сын были еще в Таджикистане, считай, за границей, на похороны прилететь не смогли, поспели только на девять дней.

Умирал муж тяжело, был все время в сознании. В последний час боли оставили его, в глазах появилась легкость, но странная, потусторонняя легкость. Тогда до меня дошел смысл фразы: каждый умирает в одиночку... В одиночку, несмотря на заботу, внимание, несмотря на то, что сидела рядом и держала за руку до последнего вздоха. А сделать ничего не могла. Ну, хоть рядом ложись, хоть вместо него, хоть головой о стену, а он уходит, и вот уже невидимая грань разделяет нас, она проходит везде, даже между нашими сжатыми руками, даже между моими губами и лбом, к которому я прильнула. Уходит. Один. И тоже

понимает это. Перед тем как закрыть навеки глаза, сказал — тихо, но ясно, четко: «Как я люблю тебя, как я люблю вас всех, — и уже тише, шепотом, обращаясь к дочери: — Ты маму не оставляй, она же такая беззащитная, даже лампочку вкрутить не может». И я чуть не крикнула: «Я могу вкрутить лампочку! Я без тебя жить не могу!»

Мы прожили тридцать три года, практически не расставаясь, даже отдыхали вместе. Мы любили друг друга. Эта лампочка не выходила у меня из головы даже во время похорон — вроде не до этого мне, но все время вертелось в голове: «При чем тут лампочка, почему именно лампочка?»

Я избавилась от ностальгии. Большая непомерная тоска загнала куда-то внутрь тоску меньшую. А может, они просто растворились друг в друге и навалились на меня всей тяжестью.

Месяца два не выходила из дома, кроме гнетущего настроения, пугали морозы. Я к ним не привыкла, да и одежда для такой зимы была слишком легкой. Не написала ни строчки, все больше лежала или слонялась по дому, машинально что-то пожевывая, прибавила десять килограммов в весе. Но однажды решила: всё. Если уж не умирать, значит, надо жить.

«Поверх земли все равно не ляжешь», — сказала мне Мария Ивановна, старушка, с которой я познакомилась по дороге из Боголюбово в свое село. Общественный транспорт ходил с перерывами в два-три часа, и мы, промаявшись на остановке, решили пойти пешком. Сухонькая, небольшого росточка, Мария Ивановна, похоже, была лет на десять, а то и больше, меня старше, однако шла шустро, я за ней едва поспевала. При этом говорила почти беспрерывно, жалуясь на свою тяжелую жизнь: дочка померла – сгорела от вина. Я потом уже узнала, что вином здесь называют все алкогольные напитки: водку ли, самогон или вино как таковое. Три внучки у нее. Старшей -25, младшей -18, тоже пьют, да еще гуляют.

— Мне наши деревенские в глаза тычут, позор-то какой! А я что поделаю, кто меня слушает? Заткнись, бабка, да и все дела. Начну совестить: муж первый на войне погиб, осталась совсем молодой, из себя ладной была, да ведь не гуляла и вина сроду не пила. А уж как работала! И на торфе, и на лесоповале, и в колхозе потом за одни палочки. «Тогда, говорят, бабка, время другое было. В доярки не пойдем коряжиться, а больше тут работы нет». Уйдут к вечеру, на трассе стоят, придут замызганные да замерзшие, а мне жалко...

Дошли до моего дома, я пригласила зайти — попить чайку да согреться, ей еще до своей деревни часа два добираться. Мария Ивановна с удовольствием приглашение приняла и все рассказывала, рассказывала... Я понимала: «на новенького». В деревне кому расскажешь? И так все знают.

— Ленка как-то на три дня пропала. Я — к участковому, а он — бабка, я знаю, чем твои девки занимаются, на трассе стоят. Нагуляется — придет. Если чего — так через недельку заявление принесешь. Ну, она вернулась на пятый день. Говорит, в сарае каком-то держали за то, что выручкой не поделилась с кем-то. А уж что над ней творили, и так понятно. Еле живая приползла...

Также по дороге из Боголюбово познакомилась с Михаилом Ивановичем, бывшим полковником. Он поселился по соседству недавно, поменял городскую квартиру на деревянный дом.

- Астма замучила, - объяснил он, - а здесь воздух почище. Да и дочку хотелось вырвать... из города.

Почему надо было «вырвать» дочку, не объяснил, я уже позже узнала, что была она тоже алкоголичкой, хотя годами постарше внучек Марии Ивановны. Михаила Ивановича встречала часто: вечерами он подолгу гулял с собачкой, похожей на болонку, но чуть крупнее, видимо, подмешанной породы. В теплое время водил ее на поводке, а когда было холодно, носил на руках.

Как же ваша астма? — спросила я однажды.
 Он смутился: «На шерсть аллергии нет». Я подумала, что насчет астмы он, может, и слукавил — все дело, скорее всего, в дочери.

Полковник пригласил гулять и меня: для здоровья полезно. Я согласилась, но так ни разу и не собралась. А потом услышала, что он умер, и очень расстроилась: симпатичный был человек, да и не старый. По крайней мере, выправку военную сохранил, ходил не горбясь, легко. Узнав от той же Марии Ивановны о том, как умер полковник, написала первый после приезда в Россию рассказ под названием

«ПОВОДОК»

Отец был у Таньки полковник в отставке, а сама Танька — забулдыга и гулена. Еще жила с ними собачка — болонка по кличке Дама. Каждый вечер отеи ждал Таньку, не переодеваясь в пижаму, а на коленях у него лежал поводок для Дамы. Если Танька являлась пьяная, он тут же уходил гулять с собакой и гулял до той поры, пока дочь, по его подсчетам, не успокоится и не заснет, потому что пьяная она обзывала его старым хреном, испортившим ей жизнь, и попрекала в том, что из-за него не может в дом мужика привести, а в болонку кидала туфлями или еще чем, что под руку попадет. Отец ничего не возражал дочери, сидел молча, а по обвислым старческим щекам текли крупные слезы. Он их не вытирал, и они капали на потертый военный френч, оставляя рядом с жирными пятнами свежие мокрые пятна. Дама пряталась под кровать и тоже плакала самыми настоящими слезами.

Однажды Танька пришла и увидела, что отец лежит посреди комнаты лицом вниз, в скрюченной руке у него зажат поводок, а собака сидит рядом и тихо скулит. Так умер бывший полковник. Денег на похороны у Таньки не было, снять отцовские с книжки разрешалось через полгода. Помогли бывшие сослуживцы отца, соседи, да в столовой, где работала Танька посудомойкой, ей выделили небольшую сумму. Таньку никто не жалел, все жалели полковника и собаку.

Когда опустили гроб и закидали землей, Танька не ушла вместе со всеми, а решила посидеть у могилы — ей было страшно возвращаться в пустую квартиру. Она опустилась прямо на траву, а собака, издали наблюдавшая за похоронами, теперь подошла и легла прямо на могилу. Танька сидела долго, пока не затекли ноги, а когда с трудом поднялась и позвала собаку, та не сдвинулась с места. Танька подняла ее, а когда поставила на землю, то увидела, что лапы у нее подломились и что идти сама Дама не может. Танька принесла собаку на руках, но и дома болонка не смогла встать на ноги.

К Таньке пришла старушка соседка, принесла блинов и кутью, а Танька нашла припрятанную от нее отцом бутылку портвейна, и так они помянули полковника. Ночью она внезапно проснулась от тишины — из отцовской комнаты не доносился привычный храп и тяжелое астматическое дыхание. Танька зарыдала, плакала долго. Она вспомнила, каким красивым отец был в мо-

лодости, как шла ему военная форма и как любил ее маленькую. А потом вспомнила и про два своих неудачных замужества. У нее было два мужа, от которых осталось два шрама на животе: одна внематочная и вторая. Таньке стало страшно и одиноко, она позвала собаку, но та не откликнулась. Тогда Танька подошла к ней сама и увидела, что ее бессильные лапки подвернулись под живот, голова как-то странно скособочена. Танька подумала, что она сдохла, но Дама смотрела на нее печально и, казалось, с осмысленной укоризной.

Утром Танька сбегала к знакомому ветеринару, который жил в соседнем доме. Когда-то, пока она еще не спилась, у них было что-то вроде романа, но в последние годы ветеринар делал вид, что вообще не знает Таньку. Однако сейчас он без слов пошел вместе с ней, потрогал собачыланы, послушал сердце, приложил ухо к собачьему боку и сказал, что у Дамы инфаркт.

Да разве бывает у собаки инфаркт? — удивилась Танька.

Но ветеринар на это ничего не ответил, вымыл руки с мылом и хлопнул дверью. Собака прожила еще одну ночь, а утром умерла. Танька завернула ее в тряпку, положила в большую хозяйственную сумку, взяла нож и пошла на кладбище. Она решила зарыть собаку рядом с могилой отца, но не знала, можно ли хоронить собак на человечьем кладбище, поэтому старалась рыть яму незаметно, а когда кто-то проходил мимо, закрывала тряпкой. Когда ямка получилась достаточно глубокой, зарыла в нее собаку и пошла домой.

Дома на спинке стула она увидела старый военный френч отца, а на сиденье, касаясь пустого рукава, лежал поводок. Как будто пустой френч с пустым ошейником на поводке решили погулять. Потому что ни отца, ни собаки больше не было...

Позже, когда обжилась и стала участвовать в жизни Владимирской писательской организации, этот рассказ не раз выручал меня на встречах с читателями — прозаику труднее выступать перед публикой, чем поэту. Воспринимали его хорошо, но самыми благодарными слушателями оказались заключенные женской тюрьмы в Головино. Я такой реакции не ожидала: женщины-зэчки плакали все как одна. Видимо, прежде чем совершить преступление, настрадались от беспробудного пьянства либо родителей, либо

мужа, либо сами прошли этот горький путь. Кстати, мне и заместитель начальника колонии по воспитательной работе рассказал, что среди осужденных немало женщин, которые убили своих мужей, не выдержав пьяных издевательств.

Вообще, пьянство в России — это отдельная тема. Хотя, положа руку на сердце, сама я трезвенницей не была, ханжой тоже. Чего стоили наши журналистские междусобойчики по любому поводу: день рождения, премия за лучший материал, юбилей газеты — всего не счесть. А уж как гуляли 5 мая, в наш профессиональный праздник, даже когда его перенесли на какое-то там января, — обязательно ездили в Варзобское ущелье и все было по полной программе. А стихийно возникающие посиделки в нашем доме! Но ведь и работали, да еще как! Здесь же только и слышишь от женщин: тащу семью одна. А муж почему не работает? Да пьет...

В кишлаках у нас не пили вообще, пили только горожане, в основном — интеллигенция. А во мне не знаю с каких времен засел стереотип — в деревне люди морально здоровее, чище и т.д.

Стала осознавать: загнанная внутрь ностальгия все же давала о себе знать. Я как-то была настроена на негатив, на постоянное сравнение: у нас там и у них здесь...

Ездила в лес считай впервые в жизни. Обнимала березки, трогала лохматые сосновые лапы, изумлялась земляничным полянам, но едва выбралась из него, тупо смотрела на пустой, оголенный горизонт. Мне не хватало гор, хотя лазала я по ним только в молодости. Но видеть привыкла всегда, знала во всякой сути: их низовья, полыхающие ранней весной хрупкими маками, ущелья в дымке цветущего миндаля, снежные обелиски вершин, которые искрились под лучами солнца всеми цветами радуги.

Да, ностальгия не отпускала. Иногда казалось, что вижу в толпе знакомое лицо. Несколько раз хотела окликнуть, но вовремя опоминалась, понимала, что обозналась. Да что в толпе... Недавно была на кладбище. Хорошее кладбище, если так вообще можно сказать об этом печальном месте. Тихое, сельское, на берегу пруда, заросшее сиренью и черемухой. Если нет больших церковных праздников, то днем там редко кого встретишь. Я пришла одна, без детей, в будний день. Купила чекушку водки. Захватила бутерброды. Такое у меня было настроение — по-

быть с мужем наелине. Иллюзия общения, которого просит душа. А может, и не иллюзия? Но не буду в эти глубины, не буду... Так вот: сижу на скамеечке. Смотрю на портрет, высеченный на граните, и потихоньку разговариваю с ним. Вдруг слышу, кто-то пробирается сквозь плотные оградки. Оглянулась — молодая женщина с пакетом. Спрашивает: у вас бутылочки пустой нет? Меня как током ударило: ну, один в один с Мариной, той самой, семью которой в Душанбе расстреляли, а я еще на похоронах была. Я даже головой затрясла, отгоняя наваждение. А она, видимо, моей реакции испугалась и прочь кинулась. Гляжу ей вслед и думаю: «Что за бред! Это скорее пьянчужка какая-то». Одета в старье, на ногах растоптанные полугалоши, полуваленки «прощай молодость», курточка потертая с чужого плеча. Да и откуда бы ей здесь взяться? Насколько помню, ее увез с собой родственник, которого все звали Немцем.

Нельзя так, — сказала я, глядя на портрет мужа. — Надо выздоравливать.

И прочла в его глазах ответ: «Надо».

марина с удовольствием расстелила постель — она была чистой, пахла свежестью. На окне — голубые шторочки, а напротив в дополнение к этому уюту еще и пожилая женщина с клубочками шерстяных ниток. Решив сразу познакомиться с попутчицей, Марина спросила:

- Что же вы только сели в поезд и сразу за работу?
- Да не привыкла я без дела, словоохотливо отозвалась старушка. А когда чем-то занята, то и дорога кажется не такой долгой. К тому же еду к дочке в Москву, внучок родился, помогу понянчить на первых порах. А заодно и подарочки привезу. Тебя как, девонька, зовут?
  - Мариной.
- А меня Ольгой Ивановной. А что же ты, Мариночка, уже спать собралась? Время детское. Ночь длинная выспишься. Еще почаевничаем, поговорим. Верхние пассажиры чегото запаздывают. Значит, мужики, небось курят в тамбуре.
- Сейчас и женщины почти все курят, возразила Марина.

- И то правда, согласилась старушка, но тем не менее оказалась права. Буквально через минуту-другую в сопровождении проводницы в купе вошли два парня-казаха.
- Вон там, наверху, ваши места, ребята. Постель брать будете?

Парни о чем-то быстро переговорили на своем языке, видимо посоветовались, и сошлись на том, что постель все-таки нужна, спать на деревянных полках было бы жестковато.

- A чайку горячего принести?

Оба радостно зацокали языками. Чай — это хорошо, это обязательно.

Говорили они по-русски чисто, почти без акцента, и вообще казались симпатичными, но Марина поглядывала на них с некоторой настороженностью. Порадовалась, что Фридрих взял билет на нижнюю полку, все-таки сумки лежат под ней, да и пожилой человек рядом, а азиаты, что ни говори, к старшим относятся уважительно.

Проводница ей тоже понравилась — средних лет улыбчивая толстушка, которая тем не менее двигалась быстро, а уж чай подала так ловко, будто не в поезде, который, набирая скорость, вздрагивал и раскачивался, а на собственной кухне.

Марина, конечно же, после всех тревог и лишений хотела вытянуться и если не заснуть, то хотя бы полежать спокойно, побыть наедине с собой, и ей не помешали бы никакие разговоры, только бы они не относились к ней. Но было неудобно — не на верхних же полках должны эти казахи пить чай. Столик один на всех. Вздохнув, сложила матрас, придвинулась к окошку. А старушка уже достала банку с вареньем.

– Угощайтесь, смородиновое. Сама сладкого не ем, диабет у меня, для внуков варю, ягода-то своя, да и хороших людей угостить всегда рада.

Парни спустились вниз, один сел возле Марины, другой — возле старушки. Посовещались о чем-то на казахском. Развязали узелок, в котором было две лепешки и еще какая-то еда в керамической чашке.

— Это бишбармак, — пояснил один из них. — Наша национальная еда. Только его горячим надо есть, но холодным тоже можно.

Расстелив целлофановый пакет, выложил на него куски мяса, крупно отваренную картошку и лук, а также лепешечки из теста, раскатанного как на пельмени, только крупнее.

— Ешьте, пожалуйста... Дядя барашка зарезал, когда нас провожал. Теперь когда увидимся, не знаю.

Ребята оказались разговорчивыми. Представились: тот, что помладше, Аскер, старшего Джаманкул зовут. Марина со старушкой тоже назвались. От еды Марина отказалась, но они так усердно угощали, что пришлось все-таки взять кусочек холодного мяса. Чтоб не чувствовать себя неловко, тоже достала коечто из припасов: курагу и кишмиш. Аскер стал рассказывать: в Москву едут на заработки. Говорят, там строят много, работа есть. У них же в Казахстане совсем заработать негде. Джаманкулу невесту просватали, а по нашим обычаям калым отцу отдать надо и свадьбу хорошую сыграть.

- Ты не москвичка? спросил Джаманкул Марину.
  - Нет, я из Таджикистана, беженка.
- Я почему спросил: может, немножко бы совет дала, где работу искать, как эту... регистрацию делать. Нам всем аулом деньги собирали, чтобы мы устроились, а потом, когда много заработаем, назад бы вернулись.

Замолчали вдруг, загрустили, а Марина почувствовала, как боятся эти парни незнакомой Москвы, суеты большого города, но помочь им она действительно не могла ни словом, ни делом. Сама-то боялась в общем-то чужой двоюродной бабушки, которой никогда не видела и которая почему-то совсем не роднилась с ее семьей. Зато старушка Ольга Ивановна всех удивила:

- Я вам, ребятки, помогу. У меня зять как раз по этой части, по строительной трудится. Авось не пропадем!

Мало того, покопавшись в кошелке, достала бутылочку и торжественно поставила на столик.

- Настоечка тоже у меня своя. И раз уж пошел такой душевный разговор, давайте под него и познакомимся поближе. Допивайте чаек, освобождайте стаканчики. Попируем, а что еще в дороге делать!
- Я не буду, не обижайтесь, не могу. Марина вспомнила, как дядя Федя вливал ей сквозь зубы спирт, а главное, после чего это было, и даже передернулась. Повторила: Не могу. Я лучше чайку еще попрошу. Вкусно с вареньицем.
  - Ну и ладно, согласилась Ольга Ивановна.
     У молодых казахов заблестели глаза.

- Спасибо тебе, мать. Мы тебя так звать будеммама. Такой добрый человек...
- У Марины слипались глаза. К счастью, пировали недолго, всех разморило, парни забрались наверх и скоро так захрапели, что в другой раз Марина и уснуть бы не смогла, но, видно, так уморилась, что тут же провалилась в сон. Сколько проспала не помнит, проснулась от тошноты. Поднялась с трудом ее шатало. Понимая, что вот-вот начнет рвать, по стеночке, чуть не падая, дошла до туалета. Дверь была заперта.
- Закрыла перед остановкой, объяснила пробегавшая мимо проводница. Да он тут две минуты стоит, потерпи немного. Сильно приспичило?
  - Тошнит. Боюсь, вырвет...
- Выйди в тамбур, подыши воздухом. Ты беременная, да? А так не видно. Ну, подыши, блелная совсем...

В тамбуре Марину все же вырвало.

- «Потом уберу», подумала она и отключилась. Подняла ее та же проводница.
- Ох, господи, хоть бы не болезнь какая. Может, просто обморок. Идем, идем... Уберу сама, не беспокойся.

Привела в купе, уложила, накрыла одеялом.

- Это мое купе? спросила Марина. Что-то здесь было не то, не то... Ну да, столик убран, только клубочек со спицами лежит на прежнем месте. А вот вместо бабушки... Какая-то женщина, нестарая, вообще совсем другая.
- Ну, девонька, что-то с тобой совсем неладно. Твое, конечно, а то чье же еще.
- Вот она... Марина кивнула на женщину,язык не слушался, прилипал к пересохшемунебу. Бабушка была... где?
- Да вышла бабушка на своей станции вот только что, пока ты в тамбуре была.
- Она в Москву, в Москву, у Марины опять закружилась голова и тошнота подступила к горлу.
- Да нет, у нее и билет был... уже несколько раздраженно произнесла проводница и вдруг осеклась.
- Значит, говорила, что до Москвы? А ну, девонька, где твои вещи, посмотри. Вставай, вставай!

Марина с трудом поднялась, проводница приподняла крышку полки. В уголке одиноко лежал

пакет с сухофруктами, Марина достала его из сумки, когда угощала попутчиков.

- Что у тебя там было?
- Все... Можно я лягу...
- Подожди, подожди! Она, бабка эта, вас чем-нибудь угощала?
- Вареньем. Еще самогоном, но я самогон не пила.
  - А эти, казахи?
  - Они пили. Я спать хочу...

Остальное помнится смутно, отрывочно. Услышала вой, подумала: «Опять брошенный щенок, его кто-то побил. Откуда шенок в поезде?» Открыла глаза. Напротив, рядом с новой пассажиркой, сидел человек в милицейской форме, а вой доносился откуда-то сверху. Надо все-таки проснуться, что-то понять... Марина заставила себя сесть. Выл, оказывается, Аскер. Поджав под себя ноги, он обхватил голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, выкрикивал что-то по-казахски, а потом опять начинал выть. Брат его, который спал над полкой Марины, видимо, так и не проснулся. Еще Марина услышала, как по радиорубке несколько раз объявили: если в поезде есть врач, просили срочно пройти в седьмой вагон, четвертое купе.

Кто-то рядом с Мариной негромко тоже всхлипывал, и она с удивлением увидела, что плакала проводница. Подумала: ее что, тоже обокрали? Но тут милиционер спросил:

- Ты-то что, Клава, ревешь?
- Да обидно за людей, Коля. А еще за себя. Я ведь двадцать лет по этой дороге езжу. И вот, веришь, раньше мошенников кожей чувствовала, по взглядам узнавала: карточные шулера, наперсточники, просто воришки... Пассажирам шепну: осторожней, мол, с ними... А сейчас что делается? Прошлый раз пара ехала, молодожены вроде. Уж такие симпатичные, все в тамбуре целовались. А потом вот так же обчистили всех. И эта божий одуванчик... Что с людьми сделалось, Коля?
- Да, времена нынче такие. А точнее безвременье. А насчет божьего одуванчика тут тоже еще как сказать. Я вот дал ориентировку на старушку твою, а она с поезда сошла, к примеру, очки да паричок скинула, спинку распрямила, и нет никакой старушки.
- Ей, Коль, еще парень помогал, из третьего купе: «Давай, мол, бабка, скорее, помогу тебе, а

то в поезде останемся». Я думаю, сообщник. Ты сходи туда, пока я медиков дождусь.

Вскоре врачи появились: молодая симпатичная женщина и мужчина, пожилой толстячок, видимо пенсионного возраста. Женщина извинилась:

 У меня с собой ни тонометра, ни фонендоскопа, ни медикаментов. Но если чем смогу, помогу.

Зато у толстячка при себе целый чемоданчик.

— Возраст, знаете ли, — словно извинялся он, — а дорога есть дорога, случиться всякое может. Не со мной, так с кем-то из попутчиков.

Первой осмотрел Марину, померил давление, послушал сердце.

— Ничего, девушка скоро оклемается. Видимо, в варенье снотворное было подмешано. Это хорошо, что ее вырвало. А вот молодых людей, скорее всего, вместе с самогончиком клофелином угостили. Ну-ка слезай вниз, — скомандовал он, обращаясь к Аскеру.

Тот послушно спустился, но не переставал полвывать.

- Ты помолчи немного, ладно? теперь доктор говорил с ним ласково, как с ребенком.
   Я тебя буду спрашивать, а ты отвечай. Русский понимаешь?
- Понимаю, дохтур... Теньга нет, дохтур, все этот бабка украл. Целый аул собирал теньга, нам собирали, еще своим родным, к которым едем. Что делать будем?

Доктор между тем заставлял его то встать, то пройти несколько шагов. Поднял веко, заглянул в глаз, потом в другой. Достал из чемоданчика пузыречек сухой марганцовки, попросил у проводницы бутылку побольше, развел ее, потом объяснял Аскеру: надо пойти в туалет, пить эту воду, а потом... Показал на себе, как засунуть в рот два пальца и вызвать рвоту. Несколько раз спросил:

– Ты понял?

Аскер кивал:

Да, дохтур, понял.

Пока тот был в туалете, доктор принялся за третьего пациента — Джаманкула. Этому, видимо, досталось больше всех. Разбудить его долго не удавалось, а когда ненадолго он все же просыпался, говорил что-то по-казахски, не понимая, где он и что с ним происходит.

– Да, тут посложнее дело. Я бы посоветовал

вызвать скорую и на следующей остановке отправить его в больницу.

Вернувшийся Аскер, услышав эти слова, бросился перед доктором на колени:

— Не надо, дохтур, не отправляй брата. Один, теньга нет... Из больницы уйдет в чужой город — что делать будет? Убивать, воровать? На тюрьма пойдет? На Москва приедем, пойдем пешком земляков искать. Свой своего понимает...

Доктор под таким натиском отступил.

— Ну, не знаю, право... Если берете ответственность на себя... В конце концов, я лицо неофициальное, настаивать не могу. Давайте-ка введу ему сейчас кое-что внутривенное. Бог даст, оклемается, — и пошел в следующее купе, туда, где ехал сообщник бабки и трое оставшихся пассажиров тоже нуждались в медпомощи.

Марина опять уснула, но и во сне продолжала плакать. Слезы сами текли и текли, уже вся подушка была мокрой, а в ухе щекотало от соленой влаги, но не только перевернуться на другую сторону, даже пошевелиться ей не хотелось.

Новая пассажирка, видимо, испугавшись всей этой суеты, сидела в коридоре на откидном стульчике. Аскер хлопотал возле брата и тоже не переставал плакать, при этом причитал что-то по-казахски. Джаманкулу, видимо, полегчало. Аскер помог ему спуститься, развел марганцовку и повел в туалет.

Зашла проводница Клава, принесла горячего чаю.

Ты попей, — уговаривала она Марину. — Доктор велел больше пить.

Марина присела, взяла дрожащими руками стакан и все никак не могла отхлебнуть из него, а слезы катились по ее лицу.

Клава не ушла, села напротив.

- Послушай меня, девонька. Не знаю, сколько у тебя денег было, но сколько бы ни было не стоит так убиваться. Я три года назад сына похоронила, в Чечне погиб. Получила «груз-200». Вот это горе. После этого из материального мало чего ценить стала. Да черт с ним совсем, только были бы родные живы-здоровы.
- «Я всех похоронила, всю семью», хотела сказать Марина, но про это как-то не выговаривалось.
  - Документы. Все документы...
  - Да восстановишь ты эти документы.

Покачала головой.

- Как? Я ведь из Таджикистана, а там война...

Но и это для нее было не самым страшным. Пропала записная книжка. И если адрес владимирской родственницы просто врезался в память, она как сейчас слышит бабушкин затихающий голос сквозь хрипы и стоны, то адрес Фридриха исчез, видимо, навсегда. Как теперь она найдет его, как он найдет ее? И ничего страшнее для Марины просто не могло случиться.

- B Москву-то к родным едешь?
- Я не в Москву, во Владимир. Вроде как к родным, только я их не знаю.
- Ах ты, господи, все не слава богу. Но что ж теперь поделаешь. Видишь, люди озверели. Раньше воровали и в карты обыгрывали, но не травили. Чего не было, того не было... А по жизни ты чем занимаешься вообще-то? Где работала?
- Я? Чем я занималась? Марина смотрела на Клавдию пустыми, остановившимися глазами, в которых не было больше слез, а только словно бы удивление и старание вспомнить и понять она вообще-то кто? Да и занималась чем-то? Ну да, конечно, занималась... Я училась в аспирантуре и писала диссертацию «Особенности поэтической интонации в лирике Анны Ахматовой и Марины Цветаевой».

И вдруг засмеялась. Сначала тихонечко, потом громче, еще громче... И все повторяла:

— «Особенности поэтической интонации...» Вы знаете, что это такое? А про буранный полустанок, который длится дольше века?

У Марины началась истерика, она смеялась и плакала. Вот он и длится, длится...

— Ложись, девонька, дай я тебя накрою. Не в себе ты. Пойду погляжу, что-то ребята в туалете надолго застряли. А мне его закрывать надо, остановка через две минуты.

Перед самой Москвой в купе зашел уже знакомый лейтенант Коля, видимо, он сопровождал поезд. Сказал, что все они должны зайти в линейное отделение милиции, дать показания и написать заявления. Но когда вышли из поезда, Джаманкул сказал: мы не пойдем. Нам сказали, милиция в Москве нерусских не любит, арестует, потом бить будут.

Марина хотела возразить — за что же их арестовывать, если они сами пострадавшие, но не стала. В стране творится такое, что ей не понять, не разобраться. Во внутреннем кармане джинсовой

курточки лежали русские деньги, которые, поменяв доллары, дал ей перед расставанием Фридрих. Пересчитала, прикинула... Оставила себе столько, чтобы хватило добраться до Владимира, что же касается остальных — они уже ни от чего ее не спасут... Протянула Джаманкулу:

- Возьмите хотя бы на автобус или на метро, не знаю уж как вы будете добираться. Но не пешком же в самом деле это вам не аул.
- Спасибо, сестра! Джаманкул поклонился, приложил руку к сердцу. Аскер опять заплакал, и Марина только сейчас поняла, что он совсем еще мальчишка.
- Русский бабка плохой, русский девушка хороший. Казах тоже бывает плохой, бывает хороший...
- Да уж, подтвердила Марина, вспомнив тех двоих, в товарном поезде.

В милицию поначалу тоже решила не ходить, но потом все же решила, что пропажу документов надо как-то зафиксировать. Лейтенант, которому она отдала заявление, слушал ее рассеянно, постоянно отвлекался на телефонные звонки. Выглядел усталым и задерганным, в глазах скука и равнодушие. Марина ничего другого и не ожидала. Лишь один раз, когда на вопрос, сколько было денег, она, засмеявшись, ответила, что точно не знает, проявил некоторый интерес и даже, как ей показалось, глянул с подозрением.

– Как это не знаешь?

Она и в самом деле не знала. Дядя Федя дал ей их в конверте, на котором был написан адрес и телефон его сестры, со словами: «Здесь тебе хватит и на текущие расходы, и на дорогу, когда соберешься». И все наказывал по приезде позвонить сразу и непременно...

Марина испугалась, что и ее саму, чего доброго, задержат, поэтому торопливо сказала:

 Да там совсем немного. Я на них и не претендую, лишь бы документы нашлись.

Адрес указала двоюродной бабушки из Владимира. Да у нее другого теперь и не было.

До Владимира добралась уже в сумерки. Попутчица в автобусе, которая также ехала в Боголюбово, объяснила, как найти эту самую Зеленодольскую улицу.

— За монастырь завернете, а там тропинка, по ней и пойдете. Улица эта прямо на железной дороге. Электрички без конца едут, так на звук и иди. Спросишь еще у кого.

Тропиночку нашла, выложенную где досками, где кирпичами, кругом нее — грязь непродазная. весенняя распутица. Ветер холодный, с неба крупа колючая ледяная сыплется, быет по лицу. Промерзла в легкой курточке. В какой-то момент подумала: «А у нас уже в это время...» Но оборвала себя, не стала додумывать про цветущий миндаль и тюльпаны. Где это «у нас»? Где оно — наше, ее? Нигде. Идет, бредет к полустанку между небом и землей. А тут еще неудача. Бычок, взрослый уже, крупный, гуляет возле тропинки. Пригляделась - привязан к железному колу, что из земли торчит. Только веревка, кажется, длинная, может, и до тропинки достанет. Постояла в нерешительности, не выйдет ли хозяин или хоть прохожий какой появится. Но никого. Пошла в обход бычка, по липкой грязи, едва вытаскивала ноги в кроссовках. Добралась, нашла улицу и дом нужный, внутри был свет.

Марина подошла, заглянула в окошко. В горнице за накрытым столом сидели люди, похоже, застолье... В глубине двора залаяла собака. Марина вся сжалась. Боялась собаки, боялась постучать. Неожиданно для себя прошептала: «Господи, помоги мне!» Вспомнила, как говорил дядя Федя: «Молись своими словами, Бог услышит тебя».

Потянулась, онемевшими костяшками пальцев постучала в окно. Собака залаяла громче, но, видимо, была на привязи.

Господи, сделай так, чтобы меня впустили, чтобы дом не оказался чужим, чтоб собака не сорвалась с цепи...

Какая-то женщина поднялась из-за стола, что-то сказала гостям и вышла во двор. Прикрикнула на собаку:

- Тише, Басмач! Разлаялся...
- «Она, она! обрадовалась Марина. Ну кто в России собаку Басмачом назовет», и поспешила к калитке, возле которой уже стояла высокая полная женщина.
- Ну, кто там? Кого надо-то? Вроде как незнакомая.
  - Елизавету Степановну Протасову.
- Я и есть. По какой надобности? Если за самогоном, так нету. У самой праздник день рождения, а я выгнала-то всего чуток.
  - Я к вам приехала из Душанбе. Родственница.
  - Вот-те раз! Ну, проходи, коли так.

Гости засуетились, задвигали стульями, ос-

вобождая место. Три женщины — все помоложе хозяйки, да пожилой мужчина, похоже, по возрасту к ней поближе.

- Ну, рассказывай, что за родня объявилась,
   Елизавета Степановна пристально вглядывалась в Марину.
- Да погоди ты, Лизавета, на ней лица нет, замерзла совсем. Согрей человека.
- И то правда! Выпей-ка рюмочку за мое здоровье, а я картошечки тебе горяченькой подложу.

Марину била дрожь то ли от холода, то ли от волнения. Стаканчик с самогоном едва не выронила, расплескала, но несколько глотков все-таки сделала. Тепло медленно разливалось внутри, и она только сейчас почувствовала, как проголодалась.

— Легко оделась-то, — заметила Елизавета Степановна, — надо бы чего потеплее, это тебе не Азия, апрель холодный выдался. А вещи-то где твои, в сенях, что ли, оставила?

Марина покачала головой.

- Вещей нет. Все в поезде украли.
- Вот-те раз! Что ж ты раззява такая? Документы хоть при тебе?
  - И документов нет.

Протянула пакет с сухофруктами.

– Вот все, что осталось.

Гостьи, обе Надежды, поднялись, стали прощаться.

Ладно, Степановна, нам пора, пожалуй.

Поднялся и старичок, но уходить не торопился, глядел на хозяйку, ждал ее распоряжения. Та и распорядилась:

— Ты, Миша, оставайся. А то я, честно говоря, прямо в растерянности. Родню свою больше полвека не видела, не общалась никак. Они и адреса моего знать не могли. А тут, видишь, пришла чужая женщина, ни документов у нее, ни вещей. Прямо «здравствуйте, я ваша тетя». Мне одной с ней и оставаться как-то не по себе, много сейчас народу всякого ходит. Хотя у меня и взять-то нечего, а все же...

«Надо встать и уйти, — подумала Марина. — Только куда?» Да и сил не было. Ноги словно свинцом налились, веки слипаются, видно, не только усталость и волнение, но и отравление все еще давало о себе знать.

 Елизавета Степановна! Вы разрешите мне переночевать. Хоть в прихожей на полу, а утром я уйду... куда-нибудь. А за ночлег вам заплачу и за ужин тоже. Столько у меня еще осталось. Я сейчас, прямо сейчас...

Пальцы все еще плохо гнулись, не отошли от холола.

С трудом расстегнула молнию на внутреннем кармане курточки, достала потертую бархатную сумочку с облупившимися бисеринками. Только застежка, два круглых шарика, заходящих друг за друга, никак не поддавалась, и Марина все повторяла: «Я сейчас, я сейчас...» И вдруг почувствовала: что-то изменилось, что-то произошло... Глянула на хозяйку и испугалась: она стала белее стены, а в глазах — то ли боль, то ли страх... Не присевшая после гостей, она теперь тяжело рухнула на стул.

– Миша! Валидольчик мне... Там, в шкафчике... Хотя нет, не надо. Самогончику налей.
 Да побольше, побольше.

Выпила залпом, перевела дух, закусывать не стала. Посидела минуту-другую, лицо ее чуть порозовело.

– Дай мне кошелечек-то, дай глянуть.

Марина, ничего не понимая, протянула кошелек. Елизавета Степановна взяла его бережно, положила на ладонь, открыла, щелкнув шариками, снова щелкнула, закрыла и вдруг заплакала в голос:

— Мамы моей ридикюльчик. Ах ты, господи. Привет мне от мамочки на старости лет, от мученицы моей. Видно, с того света знак мне подала, сама тебя ко мне направила. А я-то, прости меня, мамочка, чуть в приюте не отказала, засомневалась... Миша, иди домой, нам лучше побыть одним. У нас разговоров одних... говорить, не переговорить. Да не сегодня, не сегодня. Я Марину спать уложу, милая ты моя... Я тебя одеяльцем тепленьким, пуховым укутаю. Раздеться дай помогу. Только уж извини, на кушеточке, она мягкая, удобная, только я на ней не умещаюсь.

Что-то еще говорила, причитала Елизавета Степановна, но Марина уже провалилась в тяжелый сон. Проспала почти до обеда. Елизавета Степановна ее не будила, но только та встала, шустро собрала на стол, картошки нажарила, блинчиков напекла, чаю травяного, душистого заварила, варенья поставила смородинного да малинового.

 Уж чем бог послал, не обессудь. Живу припасами со своего огорода, да коза у меня и пять курочек, пенсии, бывает, по два месяца ждать приходится. Правда, на днях получила, да ведь какая она, наша пенсия, слезы одни, а когда следующую дадут, бог знает. Ты ешь, ешь, потом уж расскажешь, какая нужда тебя привела, как ты ко мне попала. Да у вас там война, это я знаю, телевизор смотрю. Только почему одна?

- Я не то чтобы к вам ехала. Бабушка перед смертью просила заехать и передать, что она вас простила.
- Померла, значит, Симка. Ну, царствие небесное, как говорят. А насчет простила... Мне бы ее простить.
- Она не просто умерла. Ее убили. И маму, и мужа моего Андрюшу. Я случайно одна осталась жива. И еще отец мой. Мы вместе уехали, да вот теперь потерялись. Адрес его в сумке был. А ваш я ему не давала. Думала навестить, побыть дня три или неделю и к нему уехать. Теперь не знаю, что делать.
- Ну ладно, отдыхай пока, приходи в себя. Потом думать будем, с умными людьми посоветуюсь. Да... Значит, ты дочь Вероники. Я ее помню совсем маленькой.

Марина рассказывала. И о своем отце-немце, и о муже Андрюше. Потом как обокрали в поезде, все больше расслабляясь, как бы привыкая к своей собеседнице, согреваясь от того, что опять все-таки не одна на этом свете, вот она, родная душа, которая хоть и насторожилась поначалу, но все же приняла ее, приютила. Может, все еще как-нибудь и образуется.

- Какая же теперь у тебя фамилия, если отец немен?
- Они с мамой не были женаты, так что я, как вы все, Протасова.
- Все да не все. Я замужем побывала, овдовела давно, а фамилия моя Кудряшова. Оттого и сообразить не могу, как Симка адрес мой узнала. Хотя, конечно, она по своим каналам что хочешь узнать может...
- Елизавета Степановна! Она всю жизнь учительницей химии проработала, а последние годы старушка пенсионерка. Какие каналы, о чем вы?
- Учительницей химии? Она что ж, институт кончала?
- Да уж наверное. Но я не знаю точно. Она не любила про себя рассказывать, а я, видно, не очень интересовалась. Хотя теперь, когда их нет,

мне хотелось бы узнать побольше о своей семье. Вот, может, вы мне и расскажете, что знаете.

- Знаю-то я много, да нужны ли тебе такие знания, про это еще подумаю. Да и ты подумай.
  - Нужны, Елизавета Степановна.
- Ну, как знаешь. Ты свою бабушку как называла?
  - Вот так и называла бабушка.
- А меня называй бабой Лизой, меня и чужие, кто помоложе, так зовут. А ты, считай, внучка родная.
- Хорошо, баба Лиза, поспешно отозвалась Марина. Вспомнила, как заявила отцу, что еще не готова называть его папой. А теперь еще неизвестно, придется ли...
- Времени на разговоры у нас еще хватит. А вот сообразить бы, куда тебя на работу пристроить. Специальность какая есть?
- Я университет окончила, про аспирантуру Марина говорить не стала. Могла бы русский язык и литературу в школе преподавать. Только ведь без документов не возьмут...
- Не возьмут, тут и говорить нечего. Ты, считай, человек с улицы.
- Да, вроде как бомжиха, печально пошутила Марина.
- Вроде что и так, согласилась баба Лиза.
   Но чего-нибудь придумаем. Тут рядом со мной армянин знакомый... Нанимает бутылки мыть. Ему документы без надобности, а платит каждый день как раз на буханку хлеба. Не побрезгуешь такой работой?
  - Никакой не побрезгую.
  - Ну, еще у меня есть свой бизнес маленький.
  - У вас? Бизнес?
- Да это я так в шутку называю. Те самые бутылки, что у армянина моют, я собирать хожу. Нет, у нас-то много не наберешь, в парк во Владимир езжу, да пораньше, первым автобусом. Пенсионерам пока проезд бесплатный. Вот, думаю, у Надьки, что вчера в гостях была, попрошу для тебя удостоверение она инвалид по сердцу. Возраст у вас примерно одинаковый, да и лицом не сильно разные, там не приглядываются. А в парке этом не только бутылки, там еще чем поживиться можно. Туда богатые мужики девок на машинах возят, бывает, пачку дорогущих сигарет найду, а там одной-двух не хватает. Я в киоск, где штучно продают, понятно, подешевле отдаю. А еще как-то три пачки презервативов нашла. В

каждой по пять штук, но один, правда, распечатанный, его не взяли, а за те два хорошо заплатили. А распечатанную домой принесла, вот уж мы повеселились! Они, гондоны эти, все разного цвета, как пасхальные яйца, прости, господи, за сравнение, да еще с усами. Ей-богу, усики в разные стороны торчат. Да ты, может, и знаешь про такие, образованная все же, городская, а мы сроду не видели. Надька подпила и стала над дедом Мишей шутить: «Примерь, дед, какой тебе по цвету подойдет?» Уж я ее пристыдила: «Отстань от старика, ему уж там мерить не на что».

Ну, посмеялись, я сама-то поозоровать люблю, хоть мне вроде и не по возрасту. А потом надули их, такая красота получилась, над крыльцом повесили, они и торчали вверх, шевелили усами, пока не сморщились да не полопались. А меня соседи спрашивают: что это у вас за праздник такой? Да, говорю, за деда Мишу замуж собралась, а это вроде как помолвка была...

И Марина тоже смеялась, слушая бабу Лизу, да и сама себе удивлялась. Сказали бы ей вчера, что она еще смеяться над чем-то сможет, да так скоро... А еще подумала, что баба Лиза вполне может замуж пойти, потому что в свои почти семьдесят была хороша собой. Даже полнота ее не портила, про таких скорее статная скажут, чем толстая. Волосы густые, в косу убраны, лицо гладкое, морщинок всего ничего: чуть возле глаз да в уголках рта. А главное — глаза молодые. С бабушкой Симой совсем непохожие. Та невысокая, худенькая, и острое личико все морщинами изрезано. Правда, она и старше, кажется, лет на десять была, но все равно видно, какие они разные. Сказала про то бабе Лизе, и та согласилась: разные всю жизнь были, да не только по внешности.

— Я на отца похожа, он красивый мужик был, здоровый. Симка больше на маму. А мама... Она по-своему тоже хороша была. Только красота ее была тихая, неприметная. Только глаза, знаешь, светились прямо ангельским светом. Но у Симки таких глаз не было... Бывало, я часто думала, какие фокусы природа с человеком выделывает: я всю жизнь к матери жалась, а Симка — та отцова дочка. А внешностью все наоборот. Родители наши... Не знаю, как их Бог соединил, если верить тому, что браки на небесах совершаются. Как же их можно было вместе: черту с ангелом...

Фамилия Протасовы от мамы пошла, не от отца, как обычно водится. Потому что у него зна-

ешь какая была? Слизнюк. Ну, считай, слизняк. А как с такой фамилией революцию делать, с Фрунзе рядом шашкой махать, а потом в Туркестане советскую власть устанавливать? Вот он и взял фамилию жены. Мама, думается мне, была из благородных. Это я уж потом, когда повзрослела, поняла. У нас дома книг не было, а она нам многое рассказывала и про Толстого, и про Чехова, стихи читала, чьи — не помню. Да и по манерам, по разговору не была похожа на других жен военных, что жили в гарнизоне. Но как ты, не знаешь о своем дедушке, так и я не знала о происхождении и корнях родителей. Отец вроде с Украины родом был, остальное — потемки.

В Таджикистане его не любили и боялись, говорили, что, пока шла война с басмачами, лютовал он безмерно, часто и без надобности, за что и дослужился до полковника, а раньше такими званиями не часто жаловали. Это сейчас в России только генералов не перечесть. Отвоевавшись, стал служить в НКВД. Должность какую занимал, точно не знаю, но начальником был, это уж точно. Дома мы его видели редко, привозил его личный водитель на автомобиле, интересная машина такая была, с открытым верхом. А уж дома он напивался, с нами общался редко, разве что с Симкой о чем-то перешепчется. И на этой должности его тоже боялись и не любили. Ни друзей, ни гостей у нас в доме не было. Правда, появилась домработница, женщина лет сорока, мы ее тетя Маша звали. Думаю, она из того же ведомства, что и отец, была, но все же я ее хорошо вспоминаю. Она и о нас заботилась, а главное — маму жалела.

Тут баба Лиза расплакалась, достала из кармана халата платок, вытерла слезы, но остановить их не могла. Марина подошла, обняла ее и сама расплакалась, и не только от сопереживания, а оттого, что, прижавшись к большому, теплому телу, физически ощутила невидимые нити родственной связи, почувствовала импульсы из глубин веков, от корней своих... И старая женщина, возможно, почувствовала то же самое, откликнулась душой, потому что тоже прижалась к Марине.

«Господи, — подумала Марина, — может быть, в это мгновение что-то произошло и эти нити как-то свяжут то звено, что распалось, заставило родных отвлечься друг от друга. И баба Лиза простит сестру так же, как та ее

простила перед смертью, а бабушка почувствует это там, в другом мире...» Мысли эти были странны для нее самой, непривычны. Никогда ни в какой другой мир она не верила и к Господу Богу не обращалась. Узнать бы еще, чем же так обидели друг друга сестры...

Так они стояли молча — минуту ли, две или целую вечность. Потом обе вздрогнули от негромкого стука в окошко.

Баба Лиза отдернула шторку.

Надька пришла! Может, принесла чего...

Надька действительно принесла что-то завернутое в белую тряпицу. По проступившим пятнам крови Марина догадалась: мясо... Но когда баба Лиза развернула сверток, оказалось, что мясо не совсем обычное - половинка совсем маленького поросенка. Он был с шерсткой, неопаленный, из открытого рта торчал маленький язычок, а глазки прикрыты рыжими ресничками. Марина вегетарианкой не была, но такой поросячьей мордочки никогда не видела, ей стало так жалко его, что даже нехорошо сделалось, замутило, и она отвернулась. Баба Лиза между тем расплатилась с Надькой и наказала: следующий раз заднюю часть мне. А тут и есть-то нечего. Разве холодца чуток из головы да ребрышки пожарить с картошкой. Ну, и на том спасибо.

Так, в тряпочке, и положила в холодильник.

- Потом опалю да разделаю.
- Баба Лиза, откуда она его, такого маленького, принесла?
- Мужик у нее на ферме работает. Им когда зарплату мясом дадут, а когда подворовывают. Зарежут, через ограду в бурьян кинут, а уж в сумерках кто-нибудь подберет. Тут ведь раньше колхоз-миллионер был, все начальство области да гости их наезжали, корреспонденты всякие. Их уж и потчевали от души шашлычком да копчеными окороками. А сейчас совхоз разорили, ферма тоже одно название. Говорят, итальянцам продали, да мы их пока не видели. А таким, как Надька да и я, подмога. Завтра настряпаю, поедим вкусно...
- «Если я смогу», подумала Марина, а баба Лиза продолжала:
- Выходной себе устроим, праздник. Потом уж тебя к Сурену, армянину, отведу может, возьмет бутылки мыть.

Так в разговорах прошел еще один день на владимирской земле. Но сердечных тем больше не

трогали, беселовали ни о чем, а в общем-то о жизни. Как и предыдущей ночью, Марина, едва положив голову на подушку, сразу провалилась в сон, но тогда, видимо от переутомления, спала долго, не заметила, как наступило утро. Эта же ночь оказалась беспокойной. Перестук колес. длинный гудок паровоза. На столе что-то звякнуло, задрожало... Опять она в товарняке. И казахи с автоматами. Марина поворачивается на спину, крестом складывает руки на груди, а ноги сгибает в коленях. Хочет крикнуть изо всех сил: «Дядя Федя, уйди! Они все равно убьют нас обоих», но слова застревают в горле, никак не могут вырваться наружу, и Марина давится этим криком. Ярко вспыхивает свет – жмурится, прикрывает глаза, но все же видит — не казахи вовсе, а баба Лиза склонилась над ней.

 Что с тобой, девонька? Чего приснилось страшное? На-ка водички хлебни.

Марина пьет короткими глотками. Все во рту пересохло, язык как деревянный.

- Поезд... шепчет она. Поезд...
- Ну, к этому привыкай. Они тут без конца идут и идут. Под утро только на несколько часов стихают. Я так и не слышу уже, привыкла. А случалось, тут по соседству люди дома покупали да продавали опять, удивлялись: да как же вы тут живете?
- Баба Лиза, ты не думай, что я неженка такая. Я под любой шум хоть телевизор, хоть разговоры какие, если спать хотела, всегда засыпала. Да что там телевизор! У нас по ночам перестрелки в городе какие были, а я спала. Просто в поезде на нас с отцом напали... с автоматами. Мы чудом живы остались. И мне все это привиделось как наяву.

Марина тогда не знала, что этот сон будет преследовать ее еще долго. Но она научится не вскрикивать — будет молча садиться на постели и ждать, когда сердце перестанет биться так, словно хочет вырваться из груди...

А в ту ночь они так и не уснули.

- Человек в своих снах не волен, вздохнула баба Лиза. Иногда такое далекое приснится, а так, будто все оно сейчас, вот сейчас происходит... А может, так оно и есть?! Ничего никуда не девается, все несешь с собой, как верблюд свой горб.
- «Баба Лиза, да ты философ», хотела сказать Марина, но промолчала вдруг обидится.

- А у меня, похоже, тоже сон пропал. Давайка свет выключу, и будем с тобой в темноте беседовать, пока не заснем. Я тебе еще кое-что расскажу. Мне ночью легче про это будет рассказывать... В конце тридцатых это случилось, как маму нашу украли...
  - Как украли, баба Лиза?
- Да вот так... Ты кино такое «Офицеры» видела? Да его все видели. Покровская там жену красноармейца играла, а уж как по фильму ее звали, запамятовала. Помнишь, как ее басмачи украли? Но там отбил ее этот, Лановой... У нас немного по-другому было, да и время тоже другое. В городе установилась советская власть, Душанбе из кишлака превращался в столицу, строился. Но где-то нет-нет да еще напоминали о себе басмаческие банды. А отец, я тебе уже говорила, человек был жестокий, я потом уж узнала, как он там лютовал. Но они ему и отомстили, азиаты чертовы, тоже по-лютому.

В общем, вышла однажды мама со двора, а назад не вернулась. Ну, отец - начальник энкавэдэшный, ясно, что всех на ноги поднял, многих поарестовывал, может, кого и под расстрел подвел, но маму найти не могли. А через двадцать дней открылась калитка и кто-то втолкнул во двор женщину-таджичку в парандже. У нас собака была, Басмачом звали, я с той поры всех собак так и называю. Но мой, что сейчас, дурак дураком, кого хочешь во двор пустит. А тот зверь настоящий, кроме своих никого не признавал, а тут с цепи рвется, но не лает, а скулит только. А женщина как стояла у калитки, так и стоит. Отец на работе, мы с Симкой во дворе от жары под виноградником прятались, тетя Маша в доме чтото делала, но услышала, как визжит собака, — забеспокоилась, вышла. И тут Басмач с цепи сорвался и кинулся к женщине. Мы все закричали от ужаса, но вдруг поняли, что пес набрасываться на неизвестную гостью вовсе не собирается, а бесится от радости, прыгает, старается в лицо лизнуть, а потом зубами за паранджу ухватился и стянул ее. Мы так и обомлели: мама наша... И тут машина за дувалом зафырчала: отец приехал. Наверное, кто-то ему сообщил, может, записку подбросил, но раньше никогда он в это время с работы не возвращался.

Баба Лиза поворочалась с боку на бок, присела, потом, видимо, дотянулась до столика,

попила из бокала то ли воды, то ли холодного чаю и на какое-то время замолчала, вздыхая, всхлипывая. Ждала, когда отпустит горло, сжавшееся в комочек.

«Да, все прожитое и сейчас с нами, — опять подумала она. — Вот ведь как живая стоит перед ней у калитки мама в чужой одежде, мало того, лицо ее разрисовано, — черные дуги бровей, как у таджички, от самых висков сходятся на переносице, а щеки нарумянены. А ведь она никогда не пользовалась косметикой... На шее — бусы в три ряда, в ушах — серьги».

Лиза тогда кинулась к матери, обняла, уткнулась головой в живот:

- Мамочка, мамочка, мамочка...

А мама никак не реагирует, улыбается странной глупой улыбкой, а в руках теребит бархатный ридикюльчик, расшитый бисером. Тот самый, что привезла Марина.

Вот ведь бандиты какую изощренную месть придумали. Подбросили бы ее истерзанную, несчастную, а то бы и вовсе неживую, и тогда убитому горем начальнику грозного ведомства выражали бы глубокие соболезнования, — ему, такому непримиримому к врагам советской власти и так пострадавшему от них. А тут — вот она, джалябка из публичного дома, которой попользовались и вернули в целости и сохранности...

Первой опомнилась тетя Маша, взяла ее за руку, повела в дом, смыла всю косметику, переодела. Уж потом, повзрослев, поняла Лиза, что маму привезли в дом мужа, накачав наркотиками. Она только через сутки пришла в себя и, осознав, что с ней случилось, замкнулась навсегда и стала таять как свечка. Могло ли быть все иначе, если бы не отношение отца?

— Однажды ночью я проснулась от того, что у меня схватил живот, — баба Лиза поняла, что опять заговорила вслух. — Удобства, то есть уборная-скворечник, у нас были во дворе, а на веранде стояло ведро, в которое можно было пописать. А уж если кому из дочерей приспичит что посерьезнее, выходить одним во двор ночью не разрешалось, нужно было будить маму или тетю Машу. Мы старались с этими делами управляться днем, но я, помню, наелась еще зеленого урюка да воды из арыка напилась, тут уж точно не сдержишься. Подошла к комнате, где спали родители, и вдруг слышу, как мама сто-

нет... Нет, ты не думай, Марина, что от удовольствия, как нынче по телевизору девки под мужчинами взвизгивают. Это был стон боли и унижения. Потом голос отца: «Ну, а там как тебя...?» И слово, я хоть маленькая была, а знала приблизительно, что оно значит. «А со мной так не нравится, да? Сука...» И еще всякие гадости, обзывал ее последними словами, а она все стонала и тихо плакала. Веришь, Марина, у меня живот даже прошел, расхотелось мне. От потрясения, видно. Отца я с того дня возненавидела. Однажды мама с тетей Машей вместе пошли мыться. — v нас во дворе душ такой был — вода в железной бочке от солнца нагревалась до горячей, ты же знаешь, какая там жара. И надо же мне было опять ненароком услышать, как тетя Маша сказала отцу: «Ну и изверг ты! На ней же живого места нет, вся в синяках. Что же ты делаешь?!» И ведь как бил — ни на лице, ни на руках ничего не было. Такой хитрый, подлюга!

Через год мама умерла. В гробу лежала иссохшая, совсем маленькая... После этого отец стал много пить, а когда напивался, таскал в постель тетю Машу. Она старше его, с грубым, покрасневшим лицом, мужчин, насколько помню, никогда у нашей домработницы не было. Она не хотела этого, да боялась отца. Ну, а ему-то было все равно — лишь бы баба под рукой.

А с Симкой у нас уже в те годы не заладилось. Не помню, чтобы она жалела маму, да и смерть ее перенесла спокойно. Папина дочка – всегда восхищалась и гордилась им. А он, по-моему, уже в те годы ее в своей профессии натаскивал. Вот ты говоришь, учительница химии, а я расскажу, как на самом деле все было. В сороковом, перед войной, в Душанбе была организована какая-то то ли химическая, то ли физическая лаборатория, причем засекреченная, потому что находилась как бы под прикрытием НКВД. Симка к тому времени педучилище окончила, должна была в школе в начальных классах преподавать, но отец ее в эту лабораторию пристроил, чтоб свой человек там был, уж как — не знаю, лаборанткой, наверное.

Невеста... А где-то через год и жених объявился. Да какой жених, Марина!.. Ученый из Москвы, Николай Иванович Лебедев, тридцатилетний кандидат наук. Война уже началась, но у него сердце было больное, поэтому, а еще из-за важности работ, которые велись в лаборатории,

на фронт его не взяли. Хотя он рвался на войну, заявления писал много раз в военкомат. И вот стал его отец к дому приручать, хотя, я уже тебе говорила, гостей у нас не любили.

Симке в ту пору двадцать исполнилось. Она была невысокая, но стройная, спинка такая прямая, как у балерины, волосы хорошие, густые, темно-каштановые. На маму похожа, но знаешь как? Черты лица вроде бы те же, а видно, что человек совсем другой. То, что внутри нас, оно ведь тоже на внешность ложится.

Когда поезда ненадолго затихали, Марину тянуло в дрему, и она, очнувшись от нее, мучилась, что упустила что-то из рассказа бабы Лизы. Но, вздрогнув вместе с домом от летящего по рельсам локомотива, вновь погружалась в далекие годы и жизнь родных — да-да, родных ей — от этого никуда не деться — людей.

- А что, Марина, какой была Симка, то есть бабушка твоя, в старости?
- Не знаю, что и сказать, баба Лиза. Невысокая, худенькая, морщинистая. Зубы так и не вставила. Очки носила. Такая тихая старушка. Совсем другая, чем ты.
- Да мы с самого детства были разные. А вот Николая Ивановича я тебе и описать не смогу. Пришел он к нам в первый раз — я и обомлела. В белом чесучовом костюме – был раньше такой материал. И Басмач наш – удивительное дело! – хоть и оскалил зубы, и порычал, но с цепи рваться не стал, тут же и затих. И вот сказать, что Николай Иванович красавец был, не могу. Но он как будто из другого мира, ни на кого не похожий. Говорил по-другому, и смеялся, и ел — все по-другому. И я в свои тринадцать лет влюбилась раз и навсегда. Наверное, ты скажешь, так не бывает, но я-то знаю, что это именно так. Когда они с Симкой поженились и он перешел жить к нам, я не ревновала его к сестре, не строила планов, что вот, мол, подрасту и отобью его. Я была счастлива только тем, что он есть и рядом. Когда Симка родила твою маму, я и ее полюбила всем сердцем. Ведь это был его ребенок...

Кстати, он меня звал не Лизой, он мне другое имя придумал. Ты, говорит, когда вырастешь, будешь царицей Елизаветой. А пока — Вета, Веточка... Может, и была я в ту пору похожа на веточку. Такая же тоненькая, как Симка, только высокая. И коса до пояса...

С работы Николай, как и отец, приходил поздно, уже смеркалось, но летом мы все равно дожидались их, в саду ужинали. А ты же знаешь, как там коротки эти сумерки, опустилось солнце за горы — и все, сразу ночь, небо в звездах. И Николай Иванович не переставал удивляться. какие они крупные, как сияют и кажутся совсем близкими. А поскольку с апреля по октябрь, считай полгода, редкая тучка по небу пробежит, разве что облачка белые, то зрелище это вовсе не было редким и исключительным. Но он каждый день, вернее ночь, восхищался им. Знал многое про звезды, показывал, где Большая Медведица, где Малая, созвездие Орион и многие другие. И я удивлялась: почему же мы ни разу не видели этой красоты?

Однажды мне сказал: «Ты, Веточка, всегда смотри на звезды. Знаешь, если у человека отнимают эту возможность, худо ему тогда, совсем худо». Говорил, улыбался, а глаза грустные такие. И я тогда почувствовала, что он имеет в виду каких-то конкретных людей, которых лишили возможности видеть звезды, и что сам он тоже чегото боится. Впрочем, бояться было чего. Отца Николай Иванович раздражал все больше и больше, причем по всяким мелочам.

Утром завтракают вместе, Николай Иванович яичницу или котлету ест, орудуя ножом, все небольшими кусочками так ловко отрезает, а вилка у него в левой руке. Поест, обязательно скажет домработнице: «Благодарствую, Мария Сергеевна!» Отец тут же набычится, побагровеет, а иногда и выскажется: «Ты, Николай, как буржуй недорезанный». Симка ему тоже однажды высказала: «Чего ты выпендриваешься со своими интеллигентскими штучками? Мой отец всю Гражданскую прожил, с басмачами воевал, трижды ранен был, кровь проливал за советскую власть...» - «Так я же не нарочно, Симочка, просто привычка, воспитание...» -«А ты забудь про свои привычки. Где теперь твои воспитатели, ты знаешь. И еще неизвестно, где бы ты сам был, если бы вовремя в Азию не приехал да в нашу семью не попал. Талант талантом, но главное - это преданность делу партии. Ты же знаешь, что на базе нашей лаборатории будет создан НИИ химии и на тебя возлагаются большие надежды».

Николай Иванович смущался, нервничал, вынимал из кармана белоснежный носовой

платок — он сам их стирал и отглаживал, комкал тонкими, длинными пальцами. Никогда я не видела рук красивее, чем у него. «Да-да, Симочка, я постараюсь», — сказал. Это обращение тоже раздражало отца. Однажды он высказался по этому поводу так: «Симочками жидовок зовут, а моя дочь — Серафима».

Мне кажется, хорошо, спокойно ему было только со мной да маленькой Вероникой. Кстати, когда выбирали имя для девочки, отец предложил назвать ее Верой — в честь своей матери. А Николай попросил — пусть будет Вероника. Как ни странно, ему тогда уступили. Помню, я спросила: в честь кого Вероника? Он засмеялся: в честь самого себя... А потом, уже без улыбки, добавил: знаешь, фамилию девочки обычно меняют, когда выходят замуж. Да и по другим причинам, все может случиться. Имя же обычно сохраняется. А в нем — частица моего имени. Ника.

Возле нашего дома протекал арык, довольно полноводный, и однажды отец привел двух солдат, которые вырыли довольно глубокую емкость, зацементировали ее, сделали приток из арыка. Назывался этот водоем почему-то не русским и не таджикским словом — хауз. Мы в нем плескались все лето, и Николай Иванович совсем маленькую дочку, где-то с двух лет, учил плавать. Он сам очень любил воду, ходил на Кафирниган, а ты сама знаешь, какое бешеное течение в азиатских реках. Вообще, он почемуто очень тосковал по морю, хоть приехал к нам из Москвы. Но, собственно, что я про него знаю?! И Вероничка в него пошла, не было ей больше радости, чем в хаузе барахтаться. Николай умилялся до слез и все называл ее русалочкой. Конечно, ничего этого она помнить не может, слишком маленькая была.

- Баба Лиза, она помнила... А потом заставила себя забыть.
  - Да быть того не может! Откуда ты знаешь?
  - Отец мой рассказывал...
- Вот уж не думала. Странны дела твои, Госполи...

Потом они долго молчали, и поезда вроде тоже затихли. Марина уснула. Надолго ли? Сообразить не могла. Но вот опять задребезжала на столе посуда, задрожал дом. Страх, провал, огромная птица, взметнувшаяся над ней. Поверженные казахи и дядя Федя.

Марина, ты чего, чего? – баба Лиза трясет ее

за плечо. — Опять страшный сон? Я-то все говорю, говорю...

- Ты рассказывай, баба Лиза! Я не боюсь, когда слышу твой голос. Я как-то нечаянно уснула.
- Да ладно, рассвет уже скоро. Давай поспим в самом деле, только ты ничего не бойся. Жизнь такая долгая прожита, а я половину ее уже рассказала. Другую половину завтра доскажу.
- Я согласна. Только... Ведь с ним что-то произошло, да? Что-то случилось? Фамилии-то у мамы, у Вероники его, действительно не осталось. Может, хоть об этом скажешь? А то я измучаюсь догадками и не усну.
- Случилось, как не случиться! Старался Николай подлаживаться к отцу, не говорить лишнего. Но ведь все время не промолчишь! Ни друзей, ни родных, никого, кроме нас. А ведь в Душанбе в эти годы уже много было интеллигенции. Приезжали ученые, артисты, кто по доброй воле, кто от чего-то бежал, как, похоже, и наш Николай, а потом эвакуированные пополнили их ряды. Но с ними-то он не общался. 37-й год по стране прокатился, все друг друга боялись, а уж к нам в друзья такие люди не набивались. Да я потом-то поняла, что Николай Иванович под присмотром в нашей семье.

И вот однажды... Первого мая это было. Отец сделал то, чего никогда не делал: гостей пригласил. Ну, из своих, конечно, из НКВД две супружеские пары. Стол, как всегда, в саду накрыли. Коньяка море, водка... Выпить-то чекисты были не дураки... Сами опрокидывают стакан за стаканом и Николая подначивают, а он пить не любил, да и не умел, но отказываться вроде тоже неловко. А разговоры все о политике, о революции да о Гражданской войне, других тем у отца не было. Опять про басмачей вспомнили. Николай захмелел, я гляжу — у него даже румянец на лице пробился, хотя он смуглый был. И тоже стал свое мнение высказывать. Говорит: «Может, не надо было так круто? Вот ведь когда царская Россия завоевала Туркестан и правила им многие годы, ничего по сути не изменилось». И тут отец весь побагровел: «Ты говори, да не заговаривайся. Что значит «завоевала»? Цари завоевывали, а мы таджикский народ от ига байского, от бесправия освободили... Мы ему свет и свободу дали!»

Николай смешался, попытался оправдаться, но получилось еще хуже: «Конечно, освободили... Но я про то, я хотел сказать, что когда... пра-

вил здесь многие годы генерал-губернатор Кауфман, служил России, но уклад не менял. Жили по своим мусульманским обычаям, праздновали свои праздники, молились своему богу, Аллаху то есть. Я просто подумал, что, возможно, так стало бы лучше, правильнее... И меньше жертв».

«А русские бы своему Христу молились, вместо того чтобы новую жизнь строить? Это, по-вашему, тоже бы правильно было?» — вопрос один из гостей задал с подначкой, при этом встал, одернул гимнастерку с погонами майора, потянулся за фуражкой. Жена его тоже поднялась. Но Николай хоть бы здесь замолчал! Нет, опять пытался что-то объяснить: тема веры и религии — вещь очень тонкая и сложная... Ну, я не помню, чьи-то слова стал приводить, философов какихто, идеалистов, материалистов...

Тут и вторая пара поднялась, очень выразительно обменивались гости взглядами с хозяином дома, затем круто развернулись и направились к выходу...

Не знаю, сдали бы отец с Симкой Николая, если бы одни слышали его речи, или все-таки нет, но теперь он был обречен, и я это понимала. Взяли его на следующее утро, отец уехал на работу раньше обычного, Симка, напротив, задержалась. Уже все знала, белье ему собрала, из еды кое-что. Но, когда уводили, не заплакала и не простилась. Я, конечно, кинулась, обняла и стала кричать: «Куда вы его? Не пущу...»

Николай поцеловал меня, погладил по голове, сказал: «Ты, Веточка, на звезды не забывай смотреть...»

Я и не забываю. До сих пор смотрю. Николая вспоминаю, с молодым месяцем умею разговаривать и с полной луной, хотя от нее у меня голова болит. И тогда мне кажется, что он гдето там, среди этих звезд, слышит меня, а может, и видит...

А еще, Марина, знаю, что тебе страсть как хочется спросить, что же я такого сделала и за что Симка перед смертью меня простила, да тебе неловко. Так вель?

- Да, призналась Марина.
- Обокрала я их, Мариночка! Как только исполнилось мне шестнадцать лет и я получила паспорт, взяла из дома деньги, какие были, да драгоценности всякие, отец мой, когда боролся за справедливость, о себе тоже не забывал, сбежала из дома, чтоб добраться до Владимира,

где сидел в те годы Николай Иванович. Одно лишь письмецо пришло от него, что в нем было, мне Симка прочесть не дала, но адрес я мельком увидела и как срисовала — на всю жизнь запомнила. Симка письмо прочла и сожгла, отвечать, конечно, не стала. Она развелась с ним в ту же неделю, как его забрали.

Колечки, брошки, в общем, золото, которое было, все лежало в этом самом бархатном ридикюльчике. Когда случилась с мамой та беда, всю одежду, в которой она появилась, сожгли, а вот ридикюльчик как-то прижился. Золотишко меня ах как выручило! Время-то было голодное, послевоенное. Но как же я жалела, Марина, что оставила этот ридикюльчик, как корила себя! Кольца да броши мама не носила, а эта вещица как-то была связана с ее судьбой, память о ней. А теперь поняла: не зря, не случайно я ее оставила. Значит, судьбой было предназначено, чтобы через много лет ты ее мне привезла, чтобы по ней я тебя признала. Ты веришь, Марина, в такие предзнаменования, а?

- Я, баба Лиза, очень верю...
- Ну, спи тогда, а я, может, часок вздремну, а там козу пора доить.

Марина действительно уснула, наконец понастоящему, не прислушивалась больше ни к паровозным гудкам, ни к суете бабы Лизы, которая поднялась чуть свет и хлопотала на кухне.

ридрих просто сходил с ума. Ни радушный прием сестры и племянников, ни востребованность в работе — ничто не приносило ему успокоения. Он не знал, что случилось с дочерью, гле и как искать ее.

Винил во всем себя, прокручивал в уме причины, которые могли разлучить его с дочерью, и удивлялся собственному легкомыслию. Ведь он мог просто не отпустить Марину во Владимир, элементарно не дать ей денег на дорогу, пообещав, что, обустроившись, они вместе навестят двоюродную бабушку. Мог, наконец, взять адрес этой бабки, а он не только адреса, фамилии ее не знал. Где гарантии, что она не вышла замуж и осталась Протасовой? Да и кто будет заниматься поисками, когда везде такая неразбериха: страна развалилась, Ельцин всем

обещает суверенитеты, а странная приватизация заводов и фабрик оставила рабочих без зарплаты.

Прописавшись у сестры, Фридрих, как рожденный в России, без труда получил гражданство, но пенсию платили с большими задержками. Заказов было хоть отбавляй. Семью сестры, по сути, содержал он.

На фоне обнищавшей России появилась быстро богатеющая прослойка нуворишей, которые скупали земли, возводили дома и дачи. Фридрих вытачивал из дерева балясины для лестниц – дома были двух-, трехэтажные, мастерил затейливые цветочницы, делал плотницкую работу, обшивал тонкой вагонкой стены, клал паркет. Но работал механически, не отвлекаясь от тяжелых дум. В то, что дочь просто осталась жить у бабки, он не верил. Если бы так, сообщила бы ему, позвонила, объяснилась... А значит, беда...Чтобы хоть что-то предпринять, решил съездить во Владимир. В адресном бюро отнеслись к нему с сочувствием, но успокоить не могли: Марина Протасова не была зарегистрирована в области. Тогда он, переночевав на вокзале, несколько дней бродил по городу с безумной надеждой: а вдруг просто встретит дочь на улице, как однажды встретил в Московском метро Сабира, с которым учился в интернате, а потом не виделся много лет. Вглядывался в лица молодых женщин, они казались ему похожими на Марину, оглядывался им вслед, а то и догонял, и тогда они, видимо, принимали его за стареющего донжуана и ускоряли шаг.

Заходил в кафе и магазины. Однажды, остановившись у зеркальной витрины, Фридрих увидел себя в полный рост и почти не узнал. За два прошедших года он исхудал, ссутулился... Золотые прядки уже не проглядывали сквозь седину, а лицо избороздили морщины.

Обращался он и в районные отделения милиции, а потом и в УВД области, чтобы узнать, не было ли за это время неопознанных трупов.

Как не быть, — удивился пожилой майор милиции и дал ему несколько альбомов.
 Смотрите...

Пока Фридрих листал альбомы, вглядываясь в мертвые, зачастую обезображенные лица, ему стало плохо с сердцем, тошнота подступила к горлу. Но Марины среди них не было.

Вернувшись к сестре, замкнулся, почти пе-

рестал общаться с родными и знакомыми. Все время проводил в мастерской, изредка заходил в дом, чтобы перекусить и посмотреть телевизор, но только информационные программы. Впрочем, и они оставляли его равнолушным. Лишь сюжеты из Талжикистана заставляли учащенно биться сердце. Фридрих впадал в ярость, когда известные правозащитники называли исламистских фундаменталистов борцами за национальную независимость, словно не знали о кровавой бойне, об убитых и изгнанных «русскоязычных». Но ярость эта была бессильна. Однажды в одном из таких сюжетов увидел знакомое лицо – Рустам Ниязов. Оказывается, он живет теперь в Москве, мало того — является редактором одной из исламских газет и, похоже, весьма благополучен и обласкан «прорабами» перестройки.

В эту ночь Фридрих не мог уснуть. Он всегда воспринимал себя как цельную личность, а тут словно раскрутили эту личность на винтики. Этнический немец, потомок российских дворян, советский строитель, средней руки бард... Зачем он жил, а главное — зачем ему, потерявшему любимую женщину и единственного ребенка, теперь жить? Фридрих не сомневался, что именно Рустам организовал убийство семьи Протасовых. К утру принял решение: «Поеду в Москву и убью его».

Теперь Фридрих был почти спокоен. У него все еще хранился пистолет, который приобрел перед отъездом из Душанбе. Отказываясь от новых заказов, торопливо доделывал то, за что уже взялся. Он был человеком обязательным и не любил оставлять долгов.

В столице Фридрих первым делом отправился к старому другу Ивану Травкину, который перебрался в Москву еще молодым, работал и в «Труде», и в «Известиях». Теперь, как и сам Фридрих, тот стал пенсионером, но время от времени его фамилия все-таки появлялась на страницах центральных газет. Последний раз они виделись лет десять назад, когда Фридрих по каким-то делам летал в столицу, и теперь он надеялся, что Иван поможет ему разыскать это гнездо исламистов.

Добравшись, Фридрих позвонил в дверь, ему долго не открывали, наконец он услышал шаркающие шаги, а когда увидел Ваню, едва узнал его. Перед ним стоял сгорбившийся старик с седой неопрятной бородой.

- «Я, конечно, тоже не помолодел, но что-то Ваня сдал совсем», думал Фридрих, обнимая друга. Уже в квартире заметил, что постарел не только хозяин, но и его жилище как-то обветшало, выглядело совсем запущенным.
- Вот уже три года, как Гулю похоронил, сказал Иван и, вновь обняв Фридриха, заплакал на его плече. Он всегда был на голову ниже Фридриха, а сейчас и вовсе как-то усох, стал совсем маленьким.

Жена Вани Гульнара была таджичкой, красавицей и умницей. А уж как готовила, как умела и любила принимать гостей!..

Сели на кухне, Фридрих порадовался, что захватил не только выпивку, но и закуску.

Давай, Ваня, помянем наших любимых.
 Вероники моей тоже нет в живых...

Когда выпили, разговор пошел легче.

- Как сын? спросил Фридрих.
- Да не знаю, что тебе и сказать... Пробивается в бизнес, страшно мне за него. Там же походя отстреливают друг друга. Настаивает, чтобы продал квартиру, помог ему деньгами, перешел жить к ним.
  - Может, оно и лучше? В семье-то, с внуками?
- Может, оно и так. Только, понимаешь, трудно мне с этими стенами расстаться. Здесь вся наша жизнь с Гулей прошла. Кроме того, квартирато у сына не своя, а жены. А как не заладится у них, куда я тогда? Вот и ломаю голову.
  - Невестку, похоже, не любишь?
- Не люблю, признался Ваня, но почему, объяснять не стал, да и Фридрих не спрашивал, рассказал о своей беде: пропала дочь.

Потом они выпили еще и еще, вспоминали молодость, привольное житье в Рамитском ущелье, песни под гитару, Веронику.

Фридрих не сказал всей правды о цели своего визита. Объяснил лишь, что ищет Рустама Ниязова. Иван обещал помочь, весь следующий день он просидел на телефоне и к вечеру сообщил Фридриху адрес одного из обнищавших НИИ, который сдает половину здания в аренду различным организациям. В одном из кабинетов и ютилась эта самая редакция.

Ночью Фридрих почти не спал, встал чуть свет. Выпил чашку кофе и стал прощаться с Иваном.

Ты разве не приедешь сегодня?

— Не знаю, Иван, ничего не знаю. Вдруг получу какие-то сведения и придется срочно уехать. Так что прощай, друг. Будем живы-здоровы — увидимся. Но это уже как Бог даст.

Оба не сдержали при расставании слез.

Первым делом Фридрих отправился на рынок. Купил сухофрукты у продавцов-таджиков, лимоны с тоненькой кожурой, которые выращиваются только в Вахшской долине. Все должно быть натурально — гостинцы из Таджикистана. Долго и путано искал НИИ, а потом, уже внутри здания, нужную комнату. Она оказалась совсем маленькой, на узком диванчике сидел молодой таджик, на письменном столе светился включенный компьютер.

Фридрих с порога стал приветствовать парня, как положено на Востоке, и тот, чуть удивленный, глядел на неожиданного гостя. Таджик? Говорит без малейшего акцента, но вроде не очень похож. А впрочем... Волосы седые, какие были, не угадаешь. Глаза светлые, ну что ж, бывает. С дивана встал — вошедший был человеком немололым.

Спросил:

- Чем могу служить, уважаемый?
- Да я к Рустаму Ниязову. Гостинцы ему привез из Душанбе. Повидаться надо.

Достал пару лимонов, горсть сухофруктов:

– Угощайся, братишка.

Тот обрадовался:

- Наши лимоны... А здесь какие продают не люблю. Кожура больше самого лимона... Спасибо, уважаемый. Только Рустама нет, по делам уехал, а потом сразу домой.
- Адреса не подскажешь? У меня утром самолет. А мне еще письмо ему надо передать, на словах кое-что сказать.
- Он здесь недалеко квартиру снимает. Адреса не знаю, но объясню – найдете.

Это оказалось действительно недалеко — три остановки на троллейбусе. Вот небольшая церквушка... Дорога... Третий дом — старая пятиэтажка... Сердце колотилось так сильно, что Фридриху даже казалось, что оно бьется прямо о пистолет, который лежал во внутреннем кармане пиджака слева. Только удары сердца и ощущение холодной стали...

Поднявшись на третий этаж, он взмок, в глазах прыгали черные мушки. Надо остановиться, взять себя в руки. Сделав несколько

дыхательных упражнений, обтер платком вспотевшее лицо и нажал на кнопку звонка. Дверь открылась, но на пороге стоял не Рустам, а Масуд, тот самый, который поселился в квартире Вероники вскоре после убийства. Он, как ни странно, тоже сразу узнал Фридриха. Усмехнулся, спросил по-русски:

- Это сантехник, да? На Москве приехал водопровод делать?
- Ну зачем так, земляк! Пусти в дом, разговор есть.

Масуд, чуть помедлив, все же отступил, пропуская гостя в прихожую. Тут же из комнаты выбежал мальчишка лет шести, уставился на незнакомца любопытными глазенками, потом, поклонившись, поздоровался. Фридрих протянул ему кулек с гостинцами, сказал по-таджикски:

Иди, малыш, в комнату, мы с дядей поговорим.

Тот, радостно закивав, схватил гостинцы и убежал.

- Где Рустам? спросил Фридрих.
- В больницу к жене уехал. Она от рака умирает, а я вот с сыном его сижу. Говорил ему, жениться на кишлачных девушках надо, они здоровые, крепкие. Нет, городскую нашел, образованную. Зачем он тебе?
- Вообще-то, я пришел его убить. Фридрих достал пистолет и направил его на Масуда. Скажи, ты знаешь, почему я хотел это сделать? Если не ответишь, я сейчас убью тебя.
- Знаю. За ту женщину, квартиру которой он купил.
- Значит, все правильно... Но я раздумал его убивать. Пусть живет.

Фридрих спрятал пистолет и вышел, хлопнув дверью. В подъезде он лицом к лицу столкнулся с Рустамом, но тот не обратил на него ни малейшего внимания.

На улице Фридриху стало плохо. Его била дрожь, теснило в груди, он с трудом втягивал в себя воздух. Огляделся, нет ли поблизости скамейки, и тут опять увидел церквушку, направился к ней.

Упал на колени перед иконой. Господи, спасибо тебе, что не дал еще взять греха на душу. Молился долго и истово. Встал просветленный и успокоенный, а когда вышел за церковные ворота, его тут же окружили люди в милицейской форме. Рядом с ними стоял Масуд.

- Он? спросил один из милицейских.
- Он, подтвердил Масуд.

Фридриха схватили, он дернулся, но тут же получил резкий удар под дых и задохнулся от боли. Ему нанесли еще несколько ударов, но их он уже не чувствовал. Последнее, что помнил, — звук защелкнувшихся наручников.

Очнулся в тюремной камере. Где-то через час его вызвали на допрос. Прежде чем задать первый вопрос, следователь, уже немолодой, такой же седой, как сам Фридрих, долго вглядывался в его лицо, и столько ненависти и отвращения было в этом взгляде, что Фридрих содрогнулся.

Началось с анкетных данных. Затем ему предъявили пистолет. Он подтвердил, что пистолет его и разрешения на оружие не имеет. К этому Фридрих был готов. Но когда услышал: «Вам предъявлено обвинение в убийстве гражданина Таджикистана Ниязова и его шестилетнего сына», ему показалось, что его поразила молния. Какие-то блестки засверкали перед глазами, голову пронзила острая боль.

Он, видимо, на какое-то время потерял сознание. Когда пришел в себя, услышал раздраженный голос следователя:

Пистолет вані? Отвечайте!

Видимо, он повторял его уже несколько раз.

- Мой. Но из него никто никогда не стрелял.
   Это подтвердит любая экспертиза.
- Уже подтвердила. Куда вы выбросили второй, из которого стреляли?
- Никакого пистолета больше не было. Когда я уходил, мальчик был жив, а с Ниязовым я встретился на выходе. Убить их мог только Масуд.
- Значит, Масуд ни с того ни с сего расстреливает своего земляка и родственника, а также его ребенка и именно после вашего визита? Забавная версия...
- Гражданин следователь! Умоляю вас! Сейчас еще можно найти улики, опросить свидетелей, может быть, кто-то видел, как подъехал Рустам и выходил я. Я готов сидеть в камере сколько угодно, но пожалуйста...
- Вы, похоже, учите меня работать? Или просто запутываете следствие? Пишите чистосердечное признание. Не буду обещать, что вам это зачтется, дело абсолютно ясное. Вы посетили редакцию, узнали адрес Ниязова, пришли по этому адресу и, не застав его дома,

объявили Масуду Ахмеджанову, что пришли с намерением убить его. Так?

- Да, это так. Знаете, помутнение нашло... Но, когда увидел ребенка, понял, что не смогу убить. А возможно, не смог бы, даже если бы не было ребенка...
- После убийства вы, угрожая пистолетом Ахмеджанову, вышли из квартиры, продолжал следователь, но Ахмеджанов выскочил следом и, проследив ваш путь до церкви, вызвал милицию из телефона-автомата. Кстати, в церковь вы пошли сразу грехи замаливать?
- Да. Но не грех убийства, который не совершал.
- Следствию неясны только мотивы преступления.
- Гражданин следователь! Мотивы у меня были. Но они могли быть и у Масуда. По заказу Рустама расстреляли трех человек, в их числе мать моей дочери, и вполне возможно, что исполнителем был Масуд. Они связаны криминалом. Прошу вас! Даже если вы считаете убийцей меня, проверьте по горячим следам, иначе будет поздно и настоящий преступник окажется на свободе. А то, что мой визит спровоцировал это убийство, вернее ускорил его тоже понятно. Масуд сообразил, как удачно сложились для него обстоятельства. Можно подставить меня и направить следствие по ложному пути. И, как видите, ему это удалось...

Фридриха еще неоднократно вызывали на допросы. Он твердил одно и то же: прошу вас, пока не поздно... Потом замкнулся и просто молчал. Его отправили на психиатрическую экспертизу – признали вменяемым. Но предъявить обвинение и передать дело в суд следователь пока тоже не мог. Вроде все яснее ясного, а пистолет, из которого стреляли, так и не найден. Ахмеджанов, утверждавший, что выскочил за Фридрихом и проследил его путь до церкви, признался, что не видел, как подозреваемый выкинул оружие, предположив, что Фридрих сделал это, когда он звонил по телефону. Но оперативники обыскали каждый куст, каждую мусорку на небольшом отрезке дороги, затем церковный двор и даже саму церковь - пистолет как сквозь землю провалился.

тарина потихоньку привыкала к своей новой жизни. Ей иногда казалось, что она попала в параллельный мир. Одна жизнь закончилась там, в другом измерении, другая продолжается здесь. Между ними — ее буранный полустанок, ее рубеж. И день, который длится больше века...

Вместе с бабой Лизой работала на огороде, по утрам в теплое время года ездила с ней в городской парк заниматься «бизнесом»: собирать пустые бутылки, запечатанные упаковки презервативов и оброненные в пачках сигареты — то, за что можно получить деньги. Еще несколько часов в день Марина работала у Сурена, пожилого армянина с добродушным полным лицом и печальными глазами. Он сам беженец из Нагорного Карабаха, пережил свою войну, успел вывезти в Армению жену с тремя детьми, поселил их у родителей в маленьком горном селении и отправился в Россию на заработки. Трем женщинам, которые мыли бутылки, платил каждый день, хватало как раз на буханку хлеба, но Марина была рада. Сурен и сам зарабатывал немного, его маленький нелегальный цех облагали налогами все, кому только не лень.

Получить документы не было никакой перспективы.

— Вы не только не гражданка России. Вы здесь даже прописаны не были. Так что для того чтобы получить паспорт, вам надо съездить в Талжикистан.

На поездку в Таджикистан не было денег, а если бы и были, кто бы ей продал без паспорта билет на поезд? Когда встречала в парке испитых немолодых проституток, так не похожих на валютных девочек-путан, которых иногда показывают по телевизору, а также бомжей разных мастей, смотрела на них с состраданием и жалостью. Еще неизвестно, что стало бы с ней, если бы бабы Лизы не оказалось в живых либо она не приняла бы ее. А так худо-бедно живет. Трудно было первую зиму, у нее и летней-то одежды раз-два и обчелся, а зимней вовсе никакой. Помогли односельчане, которых обегала шустрая Люба, подружка бабы Лизы, и принесла целый ворох: два полушубка, пальто с меховым воротником, сапоги. Все, конечно, ношеное, но

вполне пригодное, а главное — теплое. Коечто — свитерок, брюки, блузки — купили в секонл-хэнле.

Привыкла Марина и к окружению бабы Лизы: больше всех — к Любе, участливой и веселой, и к ее сожителю Толику, мужику пьющему, но доброму, а главное — рукастому. Кажется, нет такой вещи, которую он не смог бы починить. Жена выгнала Толика за буйный нрав, который он проявлял по пьянке, хотя трезвый был кроток и даже застенчив. Но Люба как-то приспособилась к нему, никогда не перечила пьяному, а уж если сильно разбушуется, уходила ночевать к бабе Лизе. Узнала также Марина и о том, что у деда Миши с ее двоюродной бабушкой отношения тоже непростые. Однажды та сказала: «Я тебе, Марина, на кухне постелю. Дедок мой сегодня останется ночевать...»

Марина поначалу глаза вытаращила от удивления, никак в толк взять не могла, почему это бабе Лизе деду стелить в комнате, вроде удобнее спать вместе двум женщинам, а ему постелить на кухне. Дед Миша, который присутствовал при этом разговоре, долго маялся, ухватив себя руками за бороду, а потом спросил:

Что, не поняла, чем бабка деда доняла?
 Марина смутилась. А баба Лиза, когда они остались одни, сказала:

— Знаешь, женщине в любом возрасте хочется под бочком у мужичка погреться. А он дедок еще крепкий, еще кое для чего годится...

Дед Миша сначала показался Марине смешным. Очень уж был похож на иллюстрацию к сказке «Репка», которую Марина сама читала еще до школы. Круглая лысина, обрамленная седыми кудряшками, румяные щечки и нос, как раз похожий на ту самую репку. Но был не так прост, как казался. Говорил больше прибаутками, да все всклад, и попадал в самую точку. Матерком не брезговал, но не оттого, чтобы восполнить недостающий словарный запас, как это было у большинства деревенских мужиков, а чтобы покрепче звучало.

Перестройку, как и ее «прорабов», тогда обсуждали все. О прошлом особо не жалели, вспоминали про голые прилавки, про то, как ездили в Москву, чтобы купить той же владимирской колбасы, как обзывали их там в длинных очередях мешочниками. Нового тоже страшились: пенсию не дают, зарплату подолгу не

платят, в магазинах всего полно — а на что купить? А тут еще богатеи объявились невиданные, которых называют непонятным словом олигархи. Судили каждый по-своему. Дед Миша в бабьи разговоры не лез, только хитро прищуривался, а когда они, подустав, уже махнули на все рукой, решив успокоить себя самогоночкой, взял да и подытожил разговор:

 Да у нас ведь как ведется? Сперва свекор нас..., потом старший в дому, а потом опять ему.

И бабы, с минуту подумав, соглашаются, кивают головами: истинно так. Кто тогда жил припеваючи, и сейчас не пропадет. А однажды вовсе рассмешил Марину. Глядели все вместе телевизор, а там Чубайс выступал. Дед Миша погрозил ему пальцем и выдал:

Хитрый Митрий! Дверь открыл, а ссыт в хату.

Долгих задушевных разговоров, как в первую ночь ее приезда, у Марины с бабой Лизой больше не было. Но, пока ездили в автобусах во Владимир, бродили по парку в поисках бутылок, баба Лиза потихоньку рассказывала о своей жизни, а уж по отрывочкам Марина этот рассказ слепила в одно целое.

 В общем, обокрала я свою родню, Марина, хоть веришь, никогда за всю жизнь чужой копейки не брала ни до, ни после. Но они ведь предали моего любимого, и я знала, что он томится в тюрьме, поэтому виноватой себя не считала и сейчас не считаю. Ехать мне было не на что, поэтому одно колечко я продала еще в Душанбе. В магазине «Ювелирторг» был такой отдел, где принимали драгоценности. Боялась, конечно, потому что нашу семью почти все в городе знали, а старик ювелир уж точно. Я наврала ему, что Сима меня попросила, он, видимо, поверил, попросил паспорт. Я протянула ему совсем новенький документ и получила деньги. Поехала на вокзал, билет до Москвы был только на завтра. Сутки протряслась от страха, все мне представлялось, что Симка случайно встретится с этим ювелиром, а он спросит: «Не жалеете, что колечко продали?», впрочем, чушь всякая в голову лезла. Успокоилась, когда села в поезд и он сдвинулся с места.

Драгоценности зашила в мешочек, припрятала его на дно холщовой сумки, где уже лежали пара платьицев да бельишко, да кое-что из продуктов, я еще из дома стащила палку копченой

колбасы и пакет сухофруктов. Там же и документы — свидетельство об окончании школы. И ничего, в отличие от тебя, меня не обокрали. Вагоны были заполнены в основном беженцами, возвращающимися в родные края, да молодыми фронтовиками, что залечивали раны в Душанбинском госпитале. Правда, и шпаны, и бандитов разных мастей в послевоенное время было немало, но кто позарится на девчонку в ситцевом платье и старой кофтенке с холщовой сумкой? Когда попутчики спрашивали меня, куда еду, отвечала: в Москву учиться.

Я иногда, Марина, думаю: ну откуда взялась эта смелость, эта безрассудность, отправиться туда, не знаю куда... Ведь ни родни, ни знакомых у меня во всей Владимирской области не было. Наверное, от любви да от молодости. Но Бог меня хранил. Когда из Москвы во Владимир добиралась на случайной попутке, разговорилась с водителем, призналась, что еду к любимому, но тут же приврала, что к жениху, ну и о том, где он, мой «жених», тоже скрывать не стала. И он вдруг говорит: ты молодец, что не отреклась от него. Многие так делают. И я тебе помогу. У меня брат в этом самом Владимирском централе работает, он многим помогает и тебе поможет. Но делает это не бесплатно. У тебя есть деньги? Я ответила: есть, а потом всю дорогу дрожала. Убьет, а деньги, то есть золото мое, возьмет себе. Но Бог опять же избавил, хороший парень оказался.

И еще он мне сказал: «У моего родственника дом в Боголюбово, где и я сам живу, но бывает он там редко, больше во Владимире живет. У них там то ли казарма, то ли общежитие какое. Давай я тебя до него довезу, если его нет, ночуешь у нас. Жена у меня понимающая, знаешь, сколько таких бедолаг, как ты, своих близких по тюрьмам ищет? Но заплатить тоже что-нибудь надо, у нас пятеро детишек, так что людям помогаем и сами возле них стараемся чем-нибудь поживиться. Хотя, если совсем у человека ничего нет, и так помогаем».

И что ты думаешь? Оказался его родственник Савелий Прокопьевич дома. Переговорили они между собой, и он меня ночевать оставил, но прежде спросил: верно ли, что деньги есть? Я подтвердила и опять забоялась: одна в доме у чужого мужика... Но сон сморил меня, устала от дороги и волнений, а утром проснулась живая и здоровая.

Савелий Прокопьевич стал меня расспрашивать, к кому я приехала, записал имя, фамилию, обещал все разузнать. Сказал, что приедет только через два дня, тогда и будет конкретный разговор. Потом надел форму, но не синюю, милицейскую, а зеленую, военную, на погонах была одна звездочка, я знала, что это майор.

Два дня томилась в доме одна, но без дела не сидела. Дом весь вычистила, окна перемыла, что нашла для стирки, выстирала. Когда хозяин вернулся, даже крякнул от удовольствия, поблагодарил меня. А я сразу с расспросами: когда увижу Николая Ивановича? Но Савелий Прокопьевич прежде всего спросил, кем я ему прихожусь. Ответила — жених, но он покачал головой:

– Говори правду, иначе помогать не буду.

Я тогда рассказала все как есть, что Николай был мужем моей сестры, но что я очень его люблю и что перед сестрой я теперь ни в чем не виновата, потому что та развелась с мужем сразу, как его арестовали.

- Правильно сделала, заметил Савелий Прокопьевич. Не отреклась бы, пошла бы вскоре следом... Но дело не в этом, а в том, что ты ему никто; никакого свидания тебе не дадут. А вот с передачей я тебе помогу. Очень он в ней нуждается. На вид совсем плохой...
  - Как плохой? испугалась я.
- Да как... Изможденный, бледный. Не на курорте... В общем, сделаем так. Тут недалеко, через три дома, живет мой племянник Павел, что тебя сюда привез. Его жена Настена женщина разумная, сообразительная. Ты сходи к ней, договорись, съездите во Владимир, купите что надо, ей не впервой, она весь набор знает. Передачи сам передам по твоему паспорту, там люди с ночи очередь занимают. Через двое суток вернусь, чтоб все готово было. Но вернулся Савелий Прокопьевич той же ночью, на машине.
- Вот какая история, Лиза. На днях отправляют твоего по этапу на Север. Куда точно не знаю, хотя предполагаю. Он, оказывается, крупный ученый. Ну, может, и к лучшему. Делом своим заниматься будет. Так что завтра чтоб все было готово. Много ли у тебя денег, Лиза?
- Денег, говорю,— совсем мало... А вот это... Высыпала все из мешочка. Он только ахнул и как-то по-новому глянул на меня. С удивлением и любопытством, но спрашивать ничего не стал. А я почему-то перестала его бояться.

Взял в горсть золотые колечки, цепочки, но больше всего заинтересовала его брошь. Большая, с какими-то темно-красными камнями.

- Вот этой брошки хватит. Настена знает, как ее на деньги обменять. Она дорогая, будьте поосторожней. Лучше бы Павлик тоже с вами поехал. Купите продукты, которые быстро не портятся. Колбасу копченую, печенье, сало соленое, сгущенку. Меду обязательно. Белье теплое, рукавицы, несколько пар шерстяных носков. Сигарет и чаю побольше.
  - Он не курит, Савелий Прокопьевич!
- А это значения не имеет. За чай да курево зэки на любой обмен идут, хлеб меняют. Ну, а теперь, Лизавета, признайся мне как на духу, откуда цацки? Иначе делать ничего не буду. Может, в поезде у кого украла?

Я возмутилась:

- Да вы что! но тут же осеклась, потупила голову. Украла я их, Савелий Прокопьевич, но не в поезде, а у своего отца. Можно еще сказать, взяла без спросу.
- Да сказать-то можно что угодно... Он что же у тебя, ювелир?
  - Нет. Полковник НКВД.
  - Hv и дела... A если он искать тебя будет?
- Не будет, позора побоится. Да и сам-то их, небось, не горбом заработал, а конфисковал у расстрелянных да осужденных.

На это мой хозяин ничего не ответил.

Передачу мы с Павликом и Настеной собрали богатую, Савелий Прокопьевич оформил ее как положено, а потом повидался с Николаем Ивановичем.

- Ну, что он, как он? я сгорала от нетерпения что-нибудь услышать. Обрадовался?
- Как не обрадоваться... Заплакал даже. Только у меня к тебе опять вопрос: ты же Лиза, а он тебя каким-то другим именем называл.
- Вета, Веточка... Так звал Николай Иванович. Ну, от Елизаветы, понятно?
  - Понятно. Веточка, значит...
- Когда его отправляют, Савелий Прокопьевич?
- Как команда будет. Скоро, думаю, со дня на день. Но, Лизавета, плохой он, я уже тебе говорил. Кашляет так нехорошо. У меня глаз наметанный, думаю, туберкулез. Питание ему, медок особенно, кстати придется.

Отправили дня через три. И все, сгинул мой

Николай Иванович, а с ним и мечта моя о большой любви... Адрес пребывания позже мне Савелий Прокопьевич достал, но сколько я ни писала – ни ответа ни привета. И я както сердцем почувствовала, что нет его больше в живых. А сама все жила v Савелия Прокопьевича, мне идти было некуда, а он не гнал. Потихоньку стала к нему привыкать. Помню, как первый раз увидела, показался мне старым и некрасивым, а ему только тридцать лет было. А насчет красоты... Да обычный мужик. Коренастый, кряжистый, ресницы и брови рыжеватые, залысины такие да моршинки ранние. Но глаза светлые, как у младенца, когда так, в открытую, посмотрит да улыбается. А то он их больше прятал, хмурился. Привычка, видно, от работы такой. Я как-то спросила, чего он в тюрьму работать пошел, а он как отрезал: куда партия послала, туда и пошел. Больше я таких вопросов не задавала. Но однажды у нас с Савелием Прокопьевичем получился интересный разговор. Спросил он меня, как я жить дальше думаю. Я сказала, что назад в Таджикистан мне дороги нет. Пойду в колхоз работать, да, может, какая старушка на квартиру пустит. А он, как бы рассуждая сам с собой, говорит:

 Жениха ты путного здесь не найдешь, их на войне всех перебили. Одни бабы в поле горбатятся.

Я тут и спросила:

- А почему вы, Савелий Прокопьевич, не женились? В невестах-то недостатка нет.
- Любимая с фронта не дождалась, за другого вышла. Хотя семью заводить пора, родители померли, а бобылем тоже не проживешь. Да вот на тебе и женюсь...
- Я щи разливала, тарелку уронила, руку ошпарила.

А он:

— Чего испугалась? Страшный такой? А ты не бойся. Живи тут хозяйкой. До восемнадцати я тебя пальцем не трону, потому как законы знаю. А как станешь совершеннолетней... Все чин по чину, в загс пойдем. Случится что со мной, хоть крыша над головой останется.

Я заплакала, не знаю, от чего больше — от боли или от слов его, настолько это было неожиданно. А он взял картошку, разрезал надвое, приложил на ожог, перевязал руку тря-

почкой. И так мы стояли совсем рядом, друг против друга, и я, глаза в глаза ему, спросила:

- А если Николай Иванович откликнется?
- Не откликнется, Лизавета. Я уж месяц как знаю помер он, да жалел тебя, не говорил.

И поняла, что это правда, — не обманывал Савелий Прокопьевич ради того, чтоб на мне жениться, потому что сама это чувствовала, и заплакала еще сильнее. А он меня по плечу погладил:

– Ну-ну, поплачь.

Вот так получилось — ехала к арестанту, а замуж вышла за тюремщика... Но он был хороший человек, за что, наверное, и поплатился... До восемнадцати лет он меня не тронул, слово свое сдержал, и я удивлялась его терпению, ведь сколько ночей в доме вдвоем провели. А в законном браке немногим больше прожили, однажды Савелий Прокопьевич не вернулся с работы. Я поехала его искать и узнала, что он арестован. А скоро его отправили по той же дороге, что и Николая Ивановича.

Как дальше жила, рассказывать долго и скучно. Работала как вол, а вернее, как все русские бабы. И на лесоповал, и на торф ездила... Ни отдыху, ни продыху, ни заработка... Разводиться с мужем я не стала, решила — будь что будет. Перед отправкой продала остальные колечки и успела собрать ему передачу — все по тому же списку, что и Николаю Ивановичу. Такая власть была у нас, никого не щадила... Вот, Марина, и вся моя история.

Это история о любви, баба Лиза.

Марина стала ходить вместе с бабой Лизой в церковь, ставила поминальные свечи за упокой своих не веривших в Бога матери и бабушки, за здравие отца, о котором ничего не знала вот уже несколько лет. Вместе отмечали праздники, о которых Марина раньше и не слышала. Нравилось ей Прощеное воскресенье, когда соседи и родственники заходили друг к другу со словами: «Прости меня Христа ради, если чем обидела», а в ответ слышали: «Я прощаю, и Бог простит». Обиды были невелики. К комуто забежала соседская собака и потоптала грядки, кто-то рассорился из-за подравшихся детей, кого-то пьяный мужик обложил матом... И однажды Марина сказала:

Баба Лиза! Мне кажется, что не в этом смысл

Прощеного воскресенья. Ведь прощается то, что легко простить, не призывая к этому Бога. Я думаю, это о другом... Ну, вот чтобы очистить душу, облегчить ее. Тебе, например, простить своих родных, отца и сестру, мою бабушку. Если уж есть такая уверенность, что Бог точно простит, зачем нам себя выше Бога ставить?

Баба Лиза на минутку задумалась.

- Хоть мудрено ты говоришь, но я их уже простила. С той поры, как ты приехала и привезла ридикюльчик мамы, так и простила.
- Спасибо тебе, баба Лиза! Марина расплакалась: Какие бы они ни были, в чем правы и виноваты, я-то вовсе не могу их судить. И очень мне больно от того, что не могу сходить на их могилы, проведать их и, скорее всего, никогда уж не смогу. Как подумаю, что лежат они там заброшенные...
- Знаешь, Марина, я ведь тоже этим мучаюсь. Однажды поделилась своей печалью с одной монашкой знакомой, а она мне присоветовала: найди на кладбище могилу, которую никто не навещает, может, померли родственники, может, разъехались, и ухаживай за ней. Отзовется забота эта в душах твоих усопших, поймут, что помнят их. И так мне в душу эти слова запали, а все никак не соберусь. Ты сходи на кладбище, выбери могилку, какая приглянется.

Марина на следующий же день отправилась на сельское кладбище, небольшое, тихое, расположенное на берегу пруда. В будний день оно было почти безлюдно. Она обошла его все, но, двигаясь от оградки к оградке, все время возвращалась к одной из них. Два захоронения, две женщины покоились за этой оградкой. Над одной из них небольшой, еле различимый под бурьяном холмик с покосившимся деревянным крестом. Были на нем какие-то даты, но их уже невозможно разобрать. Над другой – вполне современный памятник из черного мрамора. С цветной фотографии улыбалась симпатичная молодая женщина, чей год рождения совпадал с Марининым. Мало того, была на нее даже похожа. Может быть, не на сегодняшнюю, исхудавшую, с легкими морщинками возле глаз, а на ту, из другой жизни... Но и это еще не все – они были тезками. Странное чувство испытала Марина, глядя на улыбающуюся женщину. Та словно не отпускала ее.

Марина стояла, раздумывая. Если бурьян вы-

ше оградки, а с самой оградки давно облезла краска и появилась ржавчина, то, понятно, никто сюда не ходит. Но памятник-то недавний.

Увидев мужчину, одиноко сидевшего за оградкой чуть поодаль, Марина решила подойти к нему, может быть, что-нибудь узнает о тех, кто злесь покоится.

Когда она подошла, не зная, как начать разговор, мужчина сам ее позвал.

- Заходи, дочка! День рождения у моей жены сегодня, 60 лет бы стукнуло, да вот уже пять лет как в земле лежит. Садись, помяни со мной вместе. Александром Викторовичем меня зовут, можно дядя Саша. А тебя я вроде как знаю, ты у Лизаветы живешь, так ведь?
  - Да, дядя Саша. Я Марина, внучка ее.

На деревянном столике, застеленном газетой, лежали два соленых огурца, толстыми ломтями порезанное сало и хлеб, стояла чекушка водки.

Стаканчик-то у меня один. Не побрезгуешь?Да что вы, дядя Саша!..

Марина выпила, с удовольствием закусила — проголодалась, пока ходила по кладбищу. Слово за слово завязался разговор, и Марина спросила, не знает ли дядя Саша женщин, которые похоронены в той ограде.

- Одну-то знал, да она уж давно померла, годков двадцать назад. У нее сын был, недавно отсюда уехал. Соседи поначалу ухаживали за могилкой, потом старики сами поумирали, а детям их больно надо-то. А вот молодая кто не скажу. Но не наша. Ее откуда-то привезли специально, чтоб здесь похоронить, значит, родственница она была этой... Уж забыл, как звали старую. Вроде Мария, да, так кажется. А молодой как фамилия будет?
  - Зарецкая.
- Верно, и старая по этой фамилии будет. Я потому забыл, что редкая она, у нас в деревне больше таких не было. Выходит, родня. Да ее и не положили бы иначе в одной оградке с Марией. А хоронили молодую как-то наспех. Я в тот день был на кладбище, видел. Гроб закрытый и вроде как железный, несли его тяжело. Вообще, были одни мужики, зарыли и уехали. Куда уехали, где поминали тоже не знаю. Потом памятник привезли, поставили. Но этого я не видел. Пришел а он стоит, и оградка тоже. Да тебе зачем это все знать? Какой интерес?

- У меня далеко отсюда родные похоронены. Вот я и решила за чужими могилками поухаживать.
- Что ж, дело хорошее. Хотя и чудно... Ну, давай по третьей рюмочке, как положено по обычаю.

Первым делом Марина серпом выполола весь бурьян, она теперь и с косой управлялась, да серпом здесь сподручнее. Посадила цветы — пионы, сирень, Люба дала еще семена мелких цветочков, которые казались сплошным ярким ковриком. Толик по просьбе бабы Лизы подправил крест. Сколотил скамеечку, поставил маленький столик. А уж перед Пасхой Марина и оградку покрасила, дед Миша дал из своих запасов по баночке черной и белой краски.

Марина ходила на могилки часто, испытывая непонятную тягу к этой незнакомой и уже неживой Марине. Иногда разговаривала с ней, спрашивала: «Что же с тобой случилось, такой молодой и красивой?» И сама же отвечала словами. которые часто слышала от бабы Лизы: «Что ж, все мы под Богом ходим». На кладбище испытывала какое-то умиротворение, уходила с просветленной душой. Видно, правду говорила та монашка... Но иногда появлялись вдруг и совсем другие чувства. Что-то вроде обеспокоенности и смутного ожидания перемен. Она не могла понять, отчего это происходит, и иногда даже грустно иронизировала над собой: «Чего мне ждать? Разве того, что успокоюсь когда-нибудь на этом тихом кладбище, а у меня уже будет подруга...» Марина и представить не могла, как скоро и круто изменится ее жизнь и что перемена эта будет связана непосредственно с кладбищем.

Пасха выдалась поздней, в канун Первомая, а погода уже неделю стояла такая теплая, даже жаркая, какой и старожилы не помнили в это время. Баба Лиза отсыпалась после вечерней службы в храме и Крестного хода, а Марина собралась идти одна. Надела светлую блузочку, джинсовый костюмчик, в котором приехала когда-то во Владимир, подаренные кем-то светлые туфельки. Посмотрелась в зеркало, поправила прическу, чуть взбила челку и впервые за все время, что жила здесь, подкрасила губы и ресницы, положила в пакетик три красных яйца и небольшой кулич. По дороге купила в магазине минеральную воду. Когда ходили вместе с бабой Ли-

зой, всегда брали и самогончик, но Марина знала, что пить одна не будет.

Солнце пригревало по-летнему, хорошо, что огромная береза, стоявшая между двух оградок, затеняла ее скамеечку. Положила на каждую могилку по яйцу, покрошила кулич — пусть поклюют птички. На кладбище было полно народу, редкая оградка пустовала. Все были знакомы друг с другом, а если и нет, все равно приветствовали словами «Христос воскресе!», и Марина, улыбаясь, отвечала: «Воистину воскресе». Съела сама освященное яичко и кусочек кулича, запила прохладной водой. От тепла ее разморило, и она, похоже, даже вздремнула минуту-другую. Из этого полусонного состояния ее вывел неожиданный скрип тормозов. Оглянувшись, увидела, что на обочине кладбища, почти вплотную к нему, остановилась серебристо-белая иномарка. Из машины вышли двое крупных мужчин и пошли по кладбищу, лавируя по узким проходам между оградами. Иногда они останавливались, словно сомневаясь, верный ли путь выбрали, два раза даже возвращались назад, потом пробирались опять, пока не подошли к ограде, за которой сидела Марина. Один из них, что постарше, взглянул на памятник и вошел за ограду. Еще раз огляделся в некоторой растерянности и недоумении и только потом обратил внимание на сидевшую в углу за столиком Марину.

- Вы кто? спросил он.
- Марина, ответила она еще в большей растерянности от неожиданного появления незнакомцев.
- Марина? он посмотрел на нее и отшатнулся. Потом встряхнул головой, провел рукой по глазам, словно пытаясь освободиться от наваждения, и снова спросил: — Кто вы такая?

Уже догадываясь, что мужчина имеет какоето отношение к этим могилам, и не зная, как вести себя в этой ситуации, Марина спросила в свою очередь:

- A вы кто?
- Я сын одной и муж другой... Но вы не ответили на мой вопрос.
- Собственно, я никто... Просто ухаживаю за этими могилами.
  - Почему вы это делаете?
  - Мне трудно объяснить это в двух словах.

И тогда тот, что назвал себя мужем и сыном, повернулся к своему спутнику.

- Костя! Иди в машину, подожди меня там.

Теперь он подошел к Марине совсем близко. Короткий ежик седых волос. Темные глаза, казалось, просверливают ее насквозь. Губы плотно сжаты над тяжелым подбородком. На правой щеке, от виска до уголка рта, розовый шрам, похожий на ожог.

- «Это бандит, догадалась Марина. Не какой-то там уголовник, а из тех бандитов, кем заполнены все фильмы на телеэкранах, которые баллотируются в Госдуму, становятся мэрами и подминают под себя целые города. Дорогой костюм, иномарка... Только вместо золотой цепи на груди почему-то галстук. Что ж, они тоже меняют свой имидж. Но даже если бандит, почему она должна бояться его?»
- Послушайте, я ведь не сделала ничего плохого, правда? Вы, муж и сын, совсем забросили могилы своих близких...
  - Я живу в Москве.
  - Да, это, конечно, очень далеко.
- Это недалеко. Но у меня не было возможности... Впрочем, что это я перед вами оправдываюсь? Вы так и не ответили, почему вы это делали. По чьей просьбе? Или указанию?
- Видите ли, мои близкие похоронены очень далеко, в Душанбе, и у меня нет возможности навестить их могилы. И вот я решила приходить сюда и что-то делать... Но боюсь, вы этого не поймете. Простите меня, если вас огорчило мое участие. Я, пожалуй, пойду.
- Нет, подождите, взгляд мужчины смягчился. Это я от неожиданности. Вы очень похожи на мою жену... А за то, что вы сделали, спасибо. Я оплачу ваши услуги.
- Оплатите? на глаза Марины навернулись слезы. Я все это делала не для вас, а для себя. Так что вы мне ничего не должны. Пожалуй, я все-таки пойду.

Марина поднялась, но мужчина опять остановил ее.

- Не сердитесь. Давайте посидим, поговорим, помянем моих близких, познакомимся.
- «Так бы и сразу», подумала Марина, но вслух ничего не сказала.
  - Меня Николаем Ивановичем зовут.

Марина вздрогнула от знакомого имени, которое, конечно, очень редким не назовешь. Но все же... И опять присела, только теперь на краешек скамейки, как бы предлагая тем самым сесть и

- ему. Он догадался, устроился рядом, скамейка заскрипела под тяжестью его тела, достал мобильный и, набрав номер, распорядился:
- Костя! Бутылку коньяка и что-нибудь закусить. Да, еще!.. Стаканчиков у вас нет? это уже к Марине. Она покачала головой. Еще тару какую-нибудь, из чего пить.

Костя вернулся.

- Шеф! Я взял водку. Коньяк плохой, возможно, даже паленый.
- «Это его водитель и телохранитель, сделала вывод Марина, и, конечно, тоже бандит».
  - Дурак ты, Костя! Коньяк у меня в машине.
- Сейчас принесу, отозвался Костя, выложил на одноразовые тарелочки нарезки с красной рыбой и копченым мясом, а также фрукты: апельсины, бананы, яблоки. Потом сбегал к машине за коньяком и вновь удалился.
- Ну, Марина. Давайте познакомимся поближе. Не сердитесь. Я когда увидел вас... Это имя и то, что вы так похожи на мою жену... С ума сойти... Я подумал, что это какая-то мистификация, может быть, кем-то даже подстроенная, хотя никто не знал о моем приезде. Это получилось спонтанно...
  - А теперь так не думаете?
- Теперь бы я не хотел так думать. Поэтому прошу вас, расскажите о себе. Только сначала давайте выпьем. Итак, скажите мне все-таки, кто же вы такая?
  - Я опять не знаю, как вам ответить...
  - Ну, например, кем вы работаете?
- Собираю бутылки. Еще мою их в маленьком цехе армянина Сурена.

Он глянул на нее с любопытством.

- Но не всю же жизнь вы занимались этим?
- Нет, конечно. Я преподавала в университете, написала кандидатскую диссертацию, которую не успела защитить. Но все это было в другой жизни, и вы это, боюсь, не поймете.
- Вы второй раз говорите, что это я не пойму. Но попробуйте представить, что я не такой тупой, каким вам кажусь, и постарайтесь рассказать и об одной жизни, и о другой...

После нескольких рюмок коньяку Марина расслабилась и стала рассказывать про то, как расстреляли ее семью, как у нее украли документы, про отца, которого она потеряла, и про то, что у нее нет никаких шансов вернуть документы.

Марина! А почему вы выбрали для посеще-

ния именно эти могилы? Ведь на кладбище есть, наверное, и другие, так сказать, бесхозные?

- Я сама в этом до конца не разобралась. Ваша жена... Она просто заворожила меня... Мы даже с ней разговаривали. Вернее, было такое чувство, что она слышит меня, хочет ответить, что-то сказать мне тоже. Отчего она умерла такой мололой?
- Она не умерла. Она сгорела в машине вместо меня. По роковой случайности я остался в этот день дома, а Марина села в мой автомобиль. Я стоял у окна, провожал жену взглядом, помахал рукой, когда она обернулась. А потом страшный взрыв. Выскочил из дома, совершенно обезумевший, пытался вытащить жену из машины, но это было невозможно. Сам получил сильные ожоги, долго лечился.

Николай Иванович потянулся за бутылкой, наполнил рюмки, и только тут Марина заметила, что и руки у него тоже в розовых шрамах.

- Простите, Николай Иванович, мне очень жаль...
- В машине сгорел и мой водитель. Но ему я нашел замену. А любимую женщину заменить некем. Ну, как говорится, царствие ей небесное, пусть земля будет пухом... Вы выпьете еще со мной, я вас довезу до дома. Хоронили без меня, я попросил друзей, чтобы отвезли ее прах сюда, положили рядом с матерью. Раза два сюда приезжал, один, собирался, кстати, кого-нибудь нанять, чтобы ухаживали за могилками, но жизнь закрутила опять, вот только сейчас вырвался. Так что вы можете совершенно спокойно взять деньги. И впредь буду платить каждый месяц, и это будет, надеюсь, немного больше, чем вам платят за мытье бутылок.
- Нет, Николай Иванович. Я действительно очень нуждаюсь. Но этих денег не возьму.
- Ну, нет так нет. А хотите, отыщу вашего отца?

Марина переменилась в лице.

- Николай Иванович! Это вы серьезно? Господи, скажите еще раз! Вы можете найти моего отца? Да я сейчас на колени перед вами встану. Если это только не злая шутка.
- Такими вещами не шутят. И на колени вставать не надо. Достал записную книжку:
  Диктуйте его данные.
  - Фридрих Вайс...
  - Так вы что, немка?

- Выходит, что да. Наполовину. Мама русская, с отцом они не состояли в законном браке. Но я его очень люблю.
- Ну, и адрес бабы Лизы, чтобы я мог найти вас, когда буду располагать информацией. А теперь нам пора. До свидания, быть может, скорого.

Марина смотрела ему вслед, вот он дошел до машины, вот водитель распахнул перед ним дверь, но что это? Развернулся и пошел опять к ней. Что-то забыл? Она оглядела столик. Ничего... Ну, не за полбутылкой коньяка он возвращается. Поднялась ему навстречу.

- Что, Николай Иванович?
- Послушайте, Марина! А не могли бы вы прямо сейчас поехать со мной в Москву? А я обещаю сразу же заняться поисками вашего отца. Может, и с документами сумею помочь.
- А как можно помочь с документами? Николай Иванович вдруг озорно, по-мальчишески подмигнул ей:
  - Да купим! и весело рассмеялся.

Марина лихорадочно соображала. Что делать? Он ведь явно бандит. И жена его, бедняжка, погибла из-за его бандитских разборок. Но что можно взять с меня? Я нищая, и он это знает. В сексуальное рабство меня тоже не продашь, стара. И вообще, что мне терять? От волнения все сжалось в груди, и она едва выдохнула:

 Поеду... Только на минутку заедем к бабе Лизе.

Хозяйка уже накрывала праздничный стол, за которым сидели дед Миша и Люба.

- Вовремя поспела, обрадовалась она Марине, но, глянув на ее бледное лицо, встревоженно спросила:
  - Что-то случилось?
- Да, баба Лиза. Но не плохое, хорошее. Я познакомилась с одним человеком... Мужем Марины, к которой мы ходим на кладбище, и уезжаю с ним в Москву. Он обещал найти отца...
- Да как же это, что же ты... баба Лиза ахнула и замолчала, не зная, что сказать еще.

Марина поцеловала ее и выскочила из дома. Когда уже села в машину, увидела свою бабушку в окне. Она перекрестила ее в дорогу.

Добирались долго, день праздничный, кругом пробки. Куда приехали, в какой район, на какую улицу, Марина не знала. Ей все-таки было страшновато.

Квартира была явно холостяцкая, ни в чем не чувствовалось женской руки. И что странно — небогатая, мало чем отличалась от их душанбинской.

«А что тут странного, — думала Марина. — Деньги, небось, где-нибудь в швейцарском банке».

Николай Иванович между тем разбирался с холодильником.

- Что тут у нас? Как всегда. Сухомятка. Но сухомятка вкусная: дорогая колбаса, баночка красной икры. Если хочешь, можно пожарить яичницу или картошку. Только сама жарь.
- Я знаете что хочу, Николай Иванович? Залезть в ванную, если позволите. Давно мечтаю об этом.
- Ради бога! Только не очень долго, ладно? Есть хочется, а мне сесть за стол не в одиночестве такая радость! Завтра уйду, а вы хоть целый день в ванне валяйтесь.

А Марине в радость было опуститься в горячую воду, вымыть голову дорогим шампунем, а тело душистым гелем. Она бы еще понежилась, но Николай Иванович постучался.

- Марина, халат возьмите и на выход!

Встала, завернувшись в полотенце, чуть приоткрыла дверь и быстро натянула халат. Он оказался ей впору.

Николай Иванович щедро намазывал Марине бутерброды икрой, и она, опьянев от коньячка, не раз отмечала про себя: «Все-таки он какой-то хороший бандит. Ничего не поймешь в этой жизни и в этой стране».

В квартире было три комнаты. Он отвел ее в одну из них.

 Располагайтесь. Чистое белье здесь, в тумбочке. Спокойной ночи.

Но едва Марина застелила постель, он постучался в дверь. «Странная у него манера — уходить и возвращаться», — подумала Марина. Но открыла, куда ж деваться — хозяин...

— Послушайте, Марина, и постарайтесь спокойно отнестись к моим словам. У меня давно не было женщины... Не могу объясниться вам в любви, это было бы даже смешно. Но вы мне нравитесь. И если вы согласитесь оставить все условности, вроде как «мы почти не знакомы, за кого вы меня принимаете» и так далее, я бы попросил вас разделить со мной постель. Если нет — насиловать я вас не буду, не бойтесь.

«Второй раз за день этот странный человек ставит меня перед выбором».

И она его сделала, ответив даже чуть поспешнее, чем хотела бы:

Я согласна...

Утром Марина проснулась с мыслью о том, что никогда не пожалеет об этой ночи, что бы ни случилось дальше. После гибели Андрюши v нее тоже не было мужчины, но и желания иметь его тоже не было. Казалось, уже и не будет. Но как, с какой страстью она отдавалась. Никогда Марина раньше не испытывала такого наслаждения. Впрочем, один раз было нечто подобное, когда ее подсознание подменило Андрюшу на Рустама. Но вспоминать об этом ей было неприятно и даже стыдно, как о болезни. А здесь... Какой вулкан в ней проснулся, откуда все взялось? Голова шла кругом. Может, начинается третья жизнь? Только какой она будет? Ну, а если не целая жизнь, то пусть хоть короткий праздник. Кофе в постель. Теплый душ, вкусный завтрак. Только за окном похолодало. Вчера еще вовсю светило солнце, а сегодня тяжелое свинцовое небо, с которого сыплется ледяная крупа, дробно стучит по оконному стеклу. Николай Иванович уже в костюме, гладко выбрит, от него пахнет хорошим парфюмом.

- Марина! В письменном столе, в верхнем ящике, лежат деньги. Возьми сколько надо, сходи в магазин, он на первом этаже в нашем доме, только на лифте надо спуститься. Но все равно нужно потеплее одеться. Только что слушал прогноз погоды, температура за ночь опустилась на 15 градусов. Посмотри в шифоньере, там вещи моей жены, найди подходящую курточку или плащ. Ты умеешь готовить?
- Да, ответила Марина, и это была правда.
   Бабушка с мамой были плохими кулинарами, но Марина, можно сказать, выросла с Мартой, а та была великой искусницей.
- Тогда, если ты, конечно, не против, купи все на борщ. Сто лет не ел ничего домашнего.
   А это ключи от дома.

Подошел, обнял, постоял немного, прижавшись к ней всем телом, и Марина вновь ощутила волнение и желание. После бессонной ночи — она уже и не помнила, сколько раз они, чуть вздремнув, оказывались в объятиях друг друга, — Марина еще часок поспала и стала собираться в магазин. В том, что она не может

пользоваться лифтом из-за своей клаустрофобии, Марина Николаю Ивановичу не призналась — ничего страшного, спустится с седьмого этажа. Но одеться потеплее все же надо, ей хотелось не только забежать в магазин, но и пройтись вокруг, осмотреться. Хорошо бы запомнить табличку с названием улицы и дома. Марина открыла шифоньер и застыла. Первым, что она увидела в этом шифоньере, был мундир с погонами полковника.

Так... Все смешалось в доме Облонских... Как этот мундир попал в квартиру Николая Ивановича? А может, эта квартира не его, а хозяина мундира? Они просто друзья. Нормальный тандем в криминальном мире. Ладно... Об этом лучше не думать, не ее это дело. Нашла очень симпатичную женскую куртку с капюшоном, открыла ящик стола, прикинула, сколько примерно ей понадобится денег, отсчитала нужную сумму и отправилась в магазин.

Николай Иванович вернулся не к обеду, как предполагала Марина, а к вечеру. Насчет борща Марина не беспокоилась — чем больше настоится, тем лучше. Просто сама истомилась душой, уже начиная понимать, какая беда или какое счастье, или все вместе приключилось с ней. Похоже, она влюбилась. Только знать бы, в кого.

Что-то, видимо, произошло и с Николаем Ивановичем. Иначе зачем бы принес он три алые розы и так крепко, так горячо обнял ее в прихожей. Борщ Николаю Ивановичу понравился, съел полную тарелку, попросил добавки. Марина налегла на деликатесы. Борщи, как и щи с соленой капустой, они с бабой Лизой варили. Пусть не из свежей говядинки, а с косточками поросячьими, а то и постные, но все же...

И так хорошо было Марине, так тепло и уютно. Только не давал покоя этот мундир. И она решилась все-таки, спросила:

- Николай Иванович! Я когда шифоньер открыла, ну, чтоб курточку взять, а там китель с погонами. Чей он?
- Марина, ну сама догадайся. Ты же догадалась, что я бандит, так ведь? А какой уважающий себя авторитет не имеет форму кого-нибудь из силовиков?

Марина молчала, не зная, как реагировать на такое признание. Принять как доверие? И как это он понял, что она его считает бандитом?

Посмотрела ему в глаза.

- Да не бойся, Марина! Я настоящий полковник. Оттого и взялся тебе помочь, что имею такую возможность. Ты вот лучше скажи, не страшно было уехать с бандитом? Отчего решилась?
- От отчаяния. И безысходности. От того, что уже стала забывать, какой я была в прежней жизни. От того, что потеряла всех близких и боялась потерять себя, улыбнулась. А еще подумала, что ты хороший бандит...
- Вот это ты зря подумала. Хороших бандитов не бывает.
- Наверное, так. Но и полковники тоже бывают разные. Я вот думаю: какое получается стечение судеб, соприкосновение... Мой прадед был полковником НКВД. Баба Лиза рассказывала о нем, своем отце, как о страшном человеке. А деда моего звали Николаем Ивановичем, и это тоже какое-то странное совпадение, тоже соприкосновение.
- Марина, ты хоть представляешь, сколько моих тезок проживает в Москве?
- Хоть миллион. Но для меня это не просто совпадение. Отец моей матери был талантливым ученым. А ее дед, полковник, отправил его в ГУЛАГ, откуда он не вернулся.
- Вот только не надо мне исторических параллелей. Про ГУЛАГ я знаю больше тебя. Профессию выбрал сознательно, после того, как прошел Афганистан. Ты знаешь, что такое наркотики? Конечно, знаешь. Поэтому не буду читать тебе лекцию и приводить страшные факты. Просто хочу сказать, что именно с этим злом я и борюсь. И если на меня дважды покушались, наверное не поступаюсь своей совестью.
  - Прости, я не хотела тебя обидеть.
- А я и не обиделся. Кстати, львиная доля наркотиков поступает в Россию из Таджикистана. Наркотрафик: Афганистан, Таджикистан, Россия... Особенно после развала Союза. Да, кстати. Я проверил всю информацию о тебе. К счастью, она подтвердилась.
  - У Марины задрожали губы:
  - Ты что же, не поверил мне?
- Извини, профессия обязывает. Тогда, на кладбище, мне все показалось странным. И то, что ты так похожа на мою покойную жену, и что ухаживаешь за ее могилой. Я не привык верить в совпадения. Мы разрабатывали опе-

рации внедрения в наркотрафик своих агентов, но и наркоторговцы не дремлют.

- Поэтому и позвал меня с собой?
- Ну, тут не все однозначно. Решил, если ты та, за кого себя выдаешь, то помогу тебе. А если нет... буду знать, что мне дальше делать.

Марина хоть и старалась понять Николая Ивановича, тем не менее обида не отпускала ее.

В эту ночь она даже легла отдельно, в другой комнате на диванчике. Но ранним утром Николай Иванович на руках отнес ее в свою спальню.

Так шел день за днем, и Марина старалась не заглядывать в будущее. Запаниковала, когда поняла, что беременна. Что делать, она не знала. Ведь даже для того, чтобы прервать беременность, нужны и деньги, и документы. Ее отвернуло от мясной пищи, и если раньше стряпала с удовольствием, теперь старалась не заходить в кухню, пока на плите варился бульон. Однажды, разделывая мясо на отбивные, едва не потеряла сознание.

Николай Иванович нет-нет да и поглядывал на нее с любопытством, а однажды вечером сказал, что решил сам приготовить ужин. Когда позвал Марину к столу, она увидела разделанную селедку, горячую картошку в мундире, соленые огурчики, черные блестящие оливки, бутерброды с красной икрой.

- Ну что, угодил?
- Очень, призналась Марина.

Когда поужинали, Николай Иванович сказал:

- А теперь поговорим. Тебе ведь есть что сказать?
- Есть. Хотя ты, судя по нынешнему ужину, сам догадался. Только что мне делать, я не знаю. Разве что поехать к бабе Лизе и искать какую-нибудь деревенскую травницу...
- Марина! Тебе ничего не надо делать, кроме как готовиться стать матерью. Помнишь, ты рассказывала, что там, на кладбище, ты разговаривала с моей женой, ну, с ее фотографией, и у тебя было чувство, будто она хотела тоже что-то сказать? Так вот знаю, какие бы слова она произнесла, если бы могла. Женщина, которая меня очень любила, сказала бы так: «Марина, долюби за меня моего Колю. И роди ему сына, которого я не успела родить». Она ведь была беременна на четвертом месяце, когда погибла... Марина, что ты?

Марина рыдала, закрыв лицо руками.

- Насчет документов не беспокойся. Будешь

наблюдаться и рожать в платной клинике. Я по своему ведомству запросил все необходимые справки из Душанбе, их пришлют. Конечно, то, что ты в России не успела прописаться, дело затрудняет. Но думаю, мне пойдут навстречу и я все улажу. Ну-ка посмотри на меня. Знаешь, какие красивые у тебя глаза. Они же сияют, как звездочки на небе. Ты случайно не видишь в темноте, а, Марина?

- Нет, улыбнулась Марина, размазывая по щекам слезы. Мне рассказывал отец, что у мамы были такие глаза. Пока она его любила.
  - А потом что же?
  - А потом погасли...
- Вот видишь! Значит, что нужно делать для того, чтобы они не погасли?
  - Любить тебя всю жизнь.
  - Умница ты моя!

* * *

рошло время, и я опять увидела на кладбище девушку, похожую на мою душанбинскую знакомую, только теперь, приглядевшись, поняла, что это она и есть. Вспомнила имя — Марина, и окликнула. Она, конечно, тоже узнала меня, но смущалась отчего-то нашей встречи. Мы вместе с ней присели на скамеечку, постепенно мне удалось разговорить ее. Марина поведала свою печальную историю, и мне было искренне жаль ее. Чем помочь, не знала, хотела предложить денег, но побоялась обидеть, и решила, что лучше это сделать через ее бабушку, с которой она обещала меня познакомить.

Елизавета Степановна мне очень понравилась. Надо же, женщине под семьдесят, а осанка прямо царственная, коса тяжелая вокруг головы. И этот старичок рядом с нею трогательно смешной, хотя, как мне не раз придется убедиться, простачка из себя только изображает.

Деньги Елизавета Степановна взяла спокойно. Только и сказала: «Отчего же сироте не помочь, доброе дело не сделать». Но я-то понимала, что помощь эта самая легкая и ничего в жизни Марины не изменит. На работу бы устроить, да нереально это. Даже на рынок не возьмут беспаспортную торговать. И вдруг меня осенило, — ей можно заняться репетиторством. Всетаки аспирантуру окончила, что-то там вела в институте. Вот и будет натаскивать абитуриен-

тов по русскому языку и литературе. У меня среди владимирской интеллигенции уже образовался круг знакомых, надо поговорить, может быть, моей рекомендации будет достаточно. Позволила себе немного обнадежить Марину, уж очень она выглядела измученной. У нее, действительно, даже глаза загорелись. Я пообещала, что через неделю — дней десять постараюсь уже что-нибудь для нее найти, но обещания своего не исполнила, попала в больницу. После смерти мужа стала часто болеть. То давление зашкалит, то сердце прихватит. Да ведь и климат не мой, не родной. Едва дождусь лета и, вместо того чтобы радоваться, начинаю думать о том, как оно здесь коротко...

Никогда я раньше не лежала в сельских больницах. В СССР члены Союза писателей пользовались привилегиями, были прикреплены к четвертому управлению. Однако мне наша больница понравилась. Конечно, нищета, оборудования мало, горячей воды нет, туалет один для мужчин и женщин, поутру стоишь в этой смешанной очереди. Кровати с растянутыми железными сетками, для желающих предлагают деревянные щиты. Проваливаться не будешь, зато лежать жестко. Но лизоблюдства, которое расцвело пышным цветом в системе здравоохранения, нет. Врачи хорошие, грамотные, а главное — доброжелательность всего медперсонала, получающего мизерную зарплату. Ну, а как может быть иначе, когда все знают друг друга? Медсестра, пока ставит капельницу старушке, успеет и побеседовать. «Как Валентина-то, не сошлась с мужем? А Марь Ильинична жива еще? Как не помнишь, она на вашей улице с самого края жила. У нее еще дочка Нинка, беспутная такая, была, ее в прошлом году замерзшей нашли...»

Контингент в основном из стариков и старух, мужчин вдвое меньше, чем женщин. Диагнозы тяжелые, многие с инсультами.

А уж что касается разговоров, то их не только слушала с интересом, но и стала записывать. Такие небольшие сюжеты. Для чего? Не знаю, — рассказов, повестей. Просто чувствую: пригодится, это ведь сама жизнь. Сюжеты, правда, грустные.

Лишняя старушка

Лежала у нас одна старушка. Вот пришла ее дочь проведать, а оказалось, ее сегодня выписыва-

ют. Привели старушку в приемный покой и говорят дочери— забирайте, мол.

Дочь разволновалась: она у меня до больницы сколько лежала, пусть брат забирает, я тоже не железная! Попросила разрешения позвонить, приехал брат и тоже начал шуметь: нас никого дома с утра до вечера не бывает, нам несподручно...

Врач их увещевает, как, мол, вам не стыдно... А старушка, пока они ругались, тихо-тихо в отделение вернулась. Они в это время еще одной сестре стали звонить, потом спохватились: где мама, куда делась?

Я пошла в отделение, гляжу, она лежит на кровати. Легла и померла. А что ей оставалось делать?

Дети или деньги?

— У меня соседка есть, — рассказывает одна. — Всю жизнь в торговле проработала, богатая, мужа похоронила недавно, а детей нет, да и вообще близких родных нет, а сама уже тоже старая, ноги больные. Я все думала — ну и что ее богатство, кому оно? Вот у нас: хоть ничего не нажили, зато дети...

А недавно появилась молоденькая девчонка, дальняя родственница, пятая вода на киселе, да так за бабулькой ухаживает, что от родных детей не дождешься. Ну, а та ей — то цепочку золотую, то часы импортные. То отрез дорогой, дом подписать обещалась.

Лежала я однажды ночью, всякие мысли грустные в голову лезут. Дочь-то в Одессе живет, месяцами не пишет. И сын, который в Ленинграде. Изведусь вся, да и иду на междугородную звонить. Дозвонюсь, успокоюсь, слава богу, живы-здоровы. Так вот, лежала я, и такое мне на ум пришло: может, не детей надо было рожать, а деньги копить?

Веселая внучка

А жизнь, судя по всему, нелегкая: растила внучку-сироту, а та, дожив до 18 лет, пустилась в пьянки-гулянки, да так, что никакого удержу нет, ни учиться, ни работать не хочет, пенсию бабушкину отбирает, сборища устраивает.

— А на днях что сделали, что сделали! Идем, говорят, бабуля, мы тебе кино покажем, сроду такого не видела. Ну, я гляжу, вроде пока не пьяные, может, без скандала обойдется, пойду посмотрю. Они чего-то там вставили в телевизор, и пошло

кино... Я сначала-то вглядываюсь сослепу, разобрать ничего не могу: вроде как голые, глазам своим не верю. А потом чего стали показывать, ой, срам какой, я лицо руками закрыла, а внучка моя с гостями хохочут, измываются, руки от лица моего отнимают... А там, прости Господи, чего...

Старушка быстро крестится и, наклонившись, что-то шепчет на ухо своей собеседнице. Та ахает и тоже начинает креститься.

— Вот теперь хожу в церковь, молюсь за них. Спаси их души, Господи!

Но иногда и посмеешься с ними от души. Три койки в ряд, моя посередине. Две подруги, что по краям, разговаривают, так сказать, через меня. То тяжелые молодые годы вспоминают, как на лесоповале работали, как на заготовку торфа их посылали. Вспомнили свою общую знакомую, что умерла несколько лет назад, и стали судить ее мужа: не дождался годины, женился. Сошлись на том, что все они, мужики, такие. Одна другой говорит: «Мы-то с тобой какие молодые вдовами остались, а замуж не пошли». Не выдерживаю, спрашиваю:

- А сколько лет вам тогда было?
- Так мне 66, а вот Марфе всего 64 года.
- А сколько же вам сейчас?
- Прибавь двадцать лет и считай.

Значит, 86 и 84, соответственно. Ну, молодцы бабульки. И хоть смешно мне, но понимаю: если доживу до такого возраста, мне мой сегодняшний возраст тоже молодым покажется.

Из больницы созванивалась со своими друзьями и нашла семью, где нужен был репетитор, поэтому, как вышла, сразу отправилась к Елизавете Степановне порадовать Марину. Однако Марины не было, уехала в Москву. На вопрос, с кем, а главное, зачем, призналась, что толком сама не поняла.

Захаживала я к Елизавете Степановне неоднократно, и она мне всю жизнь свою потихоньку рассказала. С особым чувством про любовь к человеку, которого перетер молох в лагерную пыль, но который остался жить в сердце женщины. Она и по сей день живет этой любовью...

О том, как сложилась судьба Марины, я узнала позже, еще раз поразившись тому, как причудлива и многогранна жизнь. И поняла: об этом нало писать.

арина ходила на четвертом месяце. Она покруглела, похорошела и была почти счастлива. Полному счастью мешала тревога за потерянного отца. Если Николай Иванович не может его найти, может быть, с ним тоже что-то случилось, не доехал до места, не успел прописаться. Однажды поделилась своими сомнениями с Николаем Ивановичем, а он ответил:

- Да я его вообще-то нашел.
- Нашел и молчал? такого Марина не ожилала.

И Николай Иванович, увидев немой упрек в ее глазах, сказал:

- Понимаешь, Марина, тут все непросто... Сначала я пошел узнать, где он прописан, но дело в том, что по месту прописки не проживает.
- Отец уехал в Германию, а ты не хотел меня огорчать этим? Да я бы все равно обрадовалась, что жив-здоров.
- Марина, ну ты как маленькая. Если бы уехал, так не был бы прописан под Саратовом. Он в другом месте, и я знаю где. Отвечу на все твои вопросы или почти все, но после того, как ты ответишь на мои. Я бы и сам не сегодня, так завтра начал этот разговор.
  - Как-то уж очень загадочно.
- Я же сказал, что непросто. Итак, тебе чтонибудь говорит имя Рустам Ниязов.

Марина уставилась на Николая Ивановича в изумлении.

- Мне-то да... А ты откуда его знаешь?
- Вот и рассказывай.

Марина рассказала и про то, как он был аспирантом у мамы, и как вместе с ней выступал против строительства новой мечети и боролся с религиозными предрассудками, а потом примкнул к радикальному крылу исламистов и стал одним из его лидеров. А еще о том, что отец считал его причастным к убийству ее семьи.

- А теперь, Марина, я, наверное, очень огорчу тебя, потому что Фридрих Вайс сейчас находится в СИЗО Лефортовской тюрьмы и подозревается в убийстве Рустама Ниязова и его шестилетнего сына.
- Мой отец, в убийстве? Коленька, милый, родной, это невозможно, потому что он самый добрый, самый благородный человек на свете. Если бы речь шла только о Рустаме, я и

тогда бы в это не поверила. Но маленького мальчика?!

Марина сжала виски руками и раскачивалась из стороны в сторону, словно пытаясь отделаться, стряхнуть с себя только услышанное, и вдруг стала клониться набок. Николай едва успел подхватить ее и отнес в постель. Напоил валерьянкой, горячим чаем, но Марина все твердила: «Это невозможно», пока он не взял ее за плечи и не тряхнул с силой.

— Ну-ка возьми себя в руки. Я сказал — подозревается, а не обвиняется. Еще идет следствие. Я не могу тебе объяснить, но Рустам Ниязов давно находится у нас в разработке по наркотрафику... Вся его политика — так, мишура, прикрытие. Ну, успокойся. Я обещаю тебе устроить свидание с отцом, хотя... По документам ты ему никто.

Марина впала в какое-то забытье, но один светлячок все же появился в сознании. Свидание. Она увидит своего отца... И сквозь охватившую внезапно дремоту подумала: «Где я недавно это слышала: «Ты ему никто»?» Ну да, это же бабе Лизе сказал Савелий Прокопьевич, когда та приехала, чтобы увидеть своего любимого. Но Савелий Прокопьевич не смог, а ее Николай сможет. С тем и заснула.

Прошло еще четыре тревожных дня, когда наконец Николай Иванович сказал ей:

— Послезавтра у нас свидание. В кабинете у следователя. Но если ты только пообещаешь мне держать себя в руках. Тебе нельзя волноваться. Это во-первых, а во-вторых — не надо терять надежду. Все еще может закончиться благополучно. Завтра займись передачей.

Марина ходила по магазинам. Она знала, что нужно покупать. Все как всегда, примерно по одному списку. Только ей не нужно было, как бабе Лизе, продавать украденные драгоценности и покупать по бешеным ценам продукты. Деньги у нее были, а все необходимое можно было приобрести в любом супермаркете.

В ночь перед свиданием не спала, а когда наступило угро, казалось, часы остановились. Николай обещал заехать в двенадцать часов, а они все никак не наступали. Но вот Марина с Николаем идут по длинному коридору, она держится за него, ожидание становится нестерпимым.

Наконец входят в кабинет, за столом которого сидит пожилой мужчина с тяжелым подбородком и глазами, упрятанными под нависшие

брови. Николай представляет следователя, но Марина не запоминает его имени. Здоровается деревянными губами. Тот молча кивает. С Николаем Ивановичем здоровается почтительно, предлагает ему сесть за другой, свободный стол, а Марине — в кресло. Звонит по телефону, распоряжается привести подследственного. У Марины каждый нерв как натянутая струна. Когда распахивается дверь и появляется Фридрих в наручниках, она вскакивает и останавливается. Секунду-другую они смотрят друг на друга. Безумная радость вспыхивает в глазах Фридриха. Дочь жива! Безумная боль в глазах Марины. Этот старик – похудевший и ссутулившийся – ее отец? Еще несколько секунд понадобилось Фридриху, чтобы овладеть собой. Теперь он смотрит в пол и глухо говорит:

 Зачем меня сюда привели? Я не знаю эту женщину. У меня нет никого – ни жены, ни детей.

Этих же секунд хватило Марине, чтобы броситься к отцу.

- Папа, папа, что ты говоришь! Я никогда не откажусь от тебя, что бы ты ни сделал.
- Я никого не убивал, голос все-таки задрожал, сорвался. Но повторяю, я человек одинокий.

Марина стучала кулачком по его груди.

- Папа, не делай этого! В нашем роду больше не будет предателей, я никогда не оставлю тебя! Посмотри на меня, папа, я ношу твоего внука. Маленького, золотоволосого викинга, которого будут звать Фридрих.
- Пожалуйста, уведите меня, попросил Фридрих следователя, и тот кивнул конвойному: уведи.

Марина растерянно смотрела на Николая Ивановича. Тот подошел к ней, взял за руку.

— Пойдем, Марина. Ты обещала мне не волноваться. Я сейчас тебя отвезу домой, мне нужно будет вернуться в управление. Вечером поговорим. Ты полежи, отдохни.

Как ни странно, Марина действительно легла и даже уснула. А когда пришел Николай Иванович, спросила его еще в прихожей:

- Как ты думаешь, почему он не признал меня?
- Ну, это как раз понятно. Не хотел, чтобы у тебя был отец-убийца. Но успокойся, Марина, он не убийца.

- Ты об этом знал? И следователь знал? А ему ничего не сказали? И продолжаете держать в камере?
- Марина! От незаконного хранения оружия никуда не денешься, это остается. Но следователь, который так тебе не понравился... Да видел я, видел, не отрицай. Так вот, он, будучи полностью уверен в виновности твоего отца, все-таки провел расследование. Жаль, что не сразу, а когда мы взяли это дело под контроль. потому что Ниязов давно находился под нашим наблюдением. Нужно было исключить причастность Вайса к наркоторговцам. Убедиться, что искал и нашел он Ниязова по личным мотивам, а потом и в том, что не совершал преступления. Застрелил Ниязова и его сына Масуд Ахмеджанов, очень ловко воспользовавшийся ситуацией. Видимо, хотел занять более привилегированное место в своей иерархии...

То, что виновник якобы найден, следствию было на руку, да и твоему отцу тоже. Уверенный, что подстава удалась, Ахмеджанов даже не удосужился выбросить пистолет, из которого стрелял. У нас свои сложности, но, поверь, я все сделал, чтобы доказать невиновность Фридриха Вайса. Когда ты придешь к нему в следующий раз, он не станет от тебя отказываться.

Марина глянула на Николая и вдруг увиде-

ла, какое у него измученное лицо. Подумала о том, как часто он приходит за полночь, озабоченный и сумрачный, но с ней бывает неизменно нежен. Значит, и ей надо быть терпеливой и мужественной, уметь ждать и верить. И, глядя в усталые глаза, сказала:

— Я тебя, Николай, буду любить не только за твою Марину, но и за мою маму, которую сломали обстоятельства, за бабу Лизу, которая потеряла своего любимого раньше, чем нашла. За отца, чья любовь не была счастливой, но он умел любить по-настоящему. А я его дочь...

* * *

Гогда родился сын, Марина с Николаем Ивановичем назвали его Федей. Дед был доволен. Ведь он всю жизнь прожил под этим русским именем.

Людмила Дмитриевна БАСОВА.

Писатель, журналист, переводчик, киносценарист.
Родилась в Душанбе
и большую часть жизни прожила в Таджикистане.

Читателям известна по книгам «Про кино и про любовь» (1986), «Зойка и пакетик» (1988), «Каинова печать» (2006),

«Предтеча любви» (2013).

Автор более десятка сценариев документальных фильмов. Лауреат всероссийских кинематографических и журналистских конкурсов. Перевела на русский язык произведения многих таджикских прозаиков. Лауреат премии журнала «Север» в номинации «Проза».

Член Союза писателей России. С 1994 года живет во Владимире.

